

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков
в рабочем кабинете

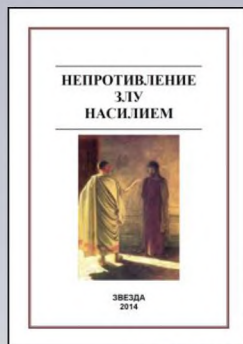
№ 2 ●● *Февраль* ●● 2016

Электронная библиотека «Вне насилия» предлагает своим читателям сборник «Непротивление злу насилием». (80 стр., PDF):

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

Здесь в небольшой брошюре представлены фрагменты из произведений Л. Н. Толстого, его предшественников: У. Л. Гаррисона,

А. Баллу; его последователей: А. И. Архангельского, Е. И. Попова, П. В. Ольховика; а также цитаты из ранних христианских авторов: Киприана, Оригена, Тертуллиана, Лактанция и др., — излагающие христианское учение о непротивлении злу насилием.

«Толстовский Альманах» доступен для скачивания в электронной форме:

На сайте «Зеленая палочка»:

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

На сайте «Зеленая палочка»:

<http://zpalochka.narod.ru/bibl.html#TA>

На странице социальной сети «В Контакте»:

https://vk.com/religious_anarchism

Свои замечания и предложения просим читателей направлять в нашу редакцию по эл. адресу:

Tolst.Almanah@gmail.com

ТОЛСКИЙ АЛБ № 2 • 2016

Не в силе Бог, а в правде.

16+

Издание
религиозно-философское,
общественно-социальное и
литературно-художественное

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 2 • Февраль • 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОС Л. Н. ТОЛСТОГО

Смирение. Мысли Л. Н. Толстого 3

Л. Н. Толстой. Одумайтесь! 7

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

В. Г. Чертков. Что сказал бы Толстой? 48

Владимир Григорьевич Чертков.

Биографический очерк 57

А. М. Хирьяков. Песнь Свободы 87

Толстовец на Ставрополье 97

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. СОВРЕМЕННОСТЬ

П. Ефремов. Украина и революция 99

В. Адаменко. Два года спустя 107

Р. Алтухов. Из записей дек. 2013 – марта 2014 111

И. Пайкин. Из записей февраля-марта 2014 116

И. Белоусов. Из записей февраля 2014 119

И. Овчаренко. Из записей февраля-апреля 2014 ... 120

П. Ефремов. Одиночный пикет	122
В. Адаменко. Письмо к Антивоенному конгрессу	124
И. Овчаренко. Обращение к Правому Сектору	131

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ОТДЕЛ

Из жизни Сидарты , прозванного Буддой , т. е. святым	137
А. Шопенгауэр. Разум. Единение	164
Отношение первых христиан к войне	168

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

А. С. Пушкин. Воспоминание	172
И. З. Суриков. Часовой	173
И. А. Белоусов. Разыгрался мятелица	174
Л. Н. Толстой. Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова	176
С. Т. Семенов. Дворник. Турки	179

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

В. Аньянов. Два письма о нашем Альманахе	192
Отклики читателей на первый номер нашего Альманаха. <i>Обзор</i>	195
<i>Пояснения к иллюстрациям</i>	196

В подготовке альманаха принимают участие:

В. Адаменко (Россия), *Т. Бейсембаев* (Казахстан),
П. Ефремов (Россия—Германия),
И. Овчаренко (Украина) и др.

Замечания и предложения просим читателей
направлять в редакцию по адресу:
tolst.almanah@gmail.com

Смирение

Мысли Л. Н. Толстого

Для того, чтобы люди могли хорошо жить, надо, чтобы был мир между ними. А там, где каждый хочет быть выше других, не может быть мира. Чем смиреннее люди, тем легче им жить мирной жизнью.

Человек, считающий себя хозяином своей жизни, не бывает смиренен, потому что думает, что он ничем ни перед кем не обязан. Человек же, полагающий свое назначение в служении Богу, никогда не может быть доволен собою. Сколько бы он ни подвинулся, он чувствует себя всегда одинаково удаленным от совершенства, так как совершенство бесконечно.

Кто доволен собой, тот всегда недоволен другими.

Кто всегда недоволен собой,

тот всегда доволен другими.

Доброго и умного человека можно узнать по тому, что такой человек считает других людей и лучше и умнее себя.

Часто самые простые, неученые и необразованные люди вполне ясно, сознательно и легко воспринимают истинное христианское учение, тогда как самые ученые люди продолжают коснеть в грубом язычестве. Бывает это оттого, что простые люди большей частью смиренны, а ученые большей частью самоуверенны.

Нет ни одного человеческого преимущества — силы, красоты, богатства, звания, учености, просвещения, даже доброты, которые при отсутствии смирения не уничтожались бы и не превращались бы из преиму-

ществ и хороших качеств в отталкивающие свойства.

Люди желают быть любимыми людьми, знают, что гордость отталкивает людей, и все-таки не могут быть смиренны. Отчего это? Оттого, что смирение не может быть усвоено отдельно. Смирение есть последствие перенесения человеком своих желаний из области вещественной в область духовную.

Сравнивай себя только с высшим совершенством, а не с людьми, которые могут быть ниже тебя.

Старайтесь узнать свои силы. Узнавая же их, не бойтесь умалить, а бойтесь преувеличить их.

Старайся не думать про себя хорошее. Если не можешь думать про себя дурное, то знай, что уже то дурно, что ты не можешь думать про себя дурно.

Старайся не запирать в темные углы постыдные воспоминания своих грехов, а, напротив, старайся держать их всегда

наготове, чтобы, помня свои грехи, судить о грехах ближнего.

Не бойся унижения: если ты сумеешь принять его с смирением, оно во много раз окупится теми духовными благами, которые соединены с ним.

Только признай себя не хозяином, а слугою, и сразу искание, тревога, недовольство заменяются определенностью, спокойствием, миром и радостью.

Чем выше считает сам себя человек, тем он слабее: чем ниже он о себе думает, тем он тверже и сам для себя и перед другими.

Чтобы быть сильным, надо быть как вода. Нет препятствий — она течет; плотина — она остановится; прорвется плотина — она снова потечет; в четырехугольном сосуде она четырехугольна; в круглом она кругла. Оттого, что она так уступчива, она нежней всего и сильнее всего.

Из книги
«Путь Жизни», гл. XXVI.

Из «Круга Чтения»

Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так; а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как сын человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих.

Мф. гл. 20, ст. 25-28.

Радость совершенная, по словам Франциска Ассизского, в том, чтобы перенести незаслуженный укор, потерпеть даже телесное страдание и не испытать враждебности к причине укора и страдания. Радость эта совершенная потому, что никакие обиды, оскорбления, нападки людей не могут нарушить ее.

* * *

Займи место ниже, чем тебе подобает. Лучше, если тебе скажут: взойди выше, нежели: сойди вниз.

Кто возвышает себя, того Бог унижает, а кто себя смиряет, того Бог возвышает.

Талмуд.

Чем глубже спускается человек в самого себя и чем ничтожнее он представляется себе, тем выше он поднимается к Богу.

Фома Кемпийский.

Мудрый человек огорчается своим бессилием сделать то добро, которого он желает, но не огорчается тем, что люди не знают его или ложно судят о нем.

Китайская мудрость.

Нет в мире ничего нежнее и уступчивее, чем вода, а между тем жесткое и твердое не может устоять против нее. Слабый побеждает сильного. Нежный побеждает жестокого. Все в мире знают это, но никто не хочет исполнять это.

Лао-Тсе.

Гордость защищает не только себя, но и все другие грехи

человека, потому что она ненавидит укоризну и отталкивает лечение, она прячет и оправдывает грех. Сознание греха, смиряющее человека, полезнее, чем доброе дело, раздувающее его гордость.

Бакстер.

Часть друзей твоих порицает тебя, а часть хвалит; приближайся к порицающим и удаляйся от восхваляющих.

Талмуд.

Старайтесь неотступно уничтожать в себе всякое желание властвовать, не ищите славы и похвал — все это может лишь погубить вашу душу. Остерегайтесь мысли, что у вас есть такие добродетели, каких нет у других.

Из «Благочестивых мыслей».

Когда свет осуждает нас, клеветает на нас, мы не должны сердиться, а скорее рассмотреть, нет ли в осуждениях этих какого основания.

Юм.

Персиянин Саади рассказывает, как он раз, сидя при отце

своим, во всю ночь не закрывая глаз, читал священную книгу Коран, в то время как все домашние крепко спали. В середине ночи, рассказывает Саади, я, оторвавшись от книги, сказал отцу: «Никто не помолится и не послушает священной книги, а все спят как мертвые». — «И тебе бы лучше спать, — сказал отец, — чем осуждать людей».

* * *

Ахав сказал человеку, который шел за ним, ругая его: «Если тебе есть еще что сказать против меня, то говори это прежде, чем мы войдем в город, а то другие услышат и нападут на тебя».

Египетская мудрость.

Будьте строги к самим себе и снисходительны к другим, и вы не будете иметь врагов.

Китайская мудрость.

Кто не умеет прощать, разрушает мост, через который ему самому придется проходить, ибо всякий человек нуждается в прощении.

Лорд Герберт.

Л. Н. Толстой

«Одумайтесь!»

I

Опять война. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей.

Люди, десятками тысяч верст отделенные друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на суше и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом.

Что же это такое? Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, — хочется верить, что это сон, и проснуться.

Но нет, это не сон, а ужасная действительность.

Еще можно понять, что оторванный от своего поля, бедный, неученый, обманутый японец, которому внушено, что буддизм не состоит в сострадании ко всему живому, а в жертвоприношениях идолам, и такой же бедняга тульский, нижегородский, полуграмотный малый, которому внушено, что христианство состоит в поклонении Христу, Богородице, святым и их иконам, — можно понять, что эти несчастные люди, доведенные вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире — убийства братьев — доблестным делом, могут совершать эти страшные дела, не считая себя в них виноватыми. Но как могут так называемые просвещенные люди проповедовать войну, содействовать ей, участвовать в ней, и, что ужаснее всего, не подвергаясь опасностям войны, возбуждать к ней, посылать да нее своих

несчастных, обманутых братьев? Ведь не могут же эти так называемые просвещенные люди, не говоря уже о христианском законе, если они признают себя его исповедниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Ведь потому они и считаются просвещенными людьми, что они знают всё это. Большинство из них сами писали или говорили об этом. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваление Гаагской конференции, о всех книгах, брошюрах, газетных статьях, речах, трактующих о возможности разрешения международных недоразумений международными судилищами, все просвещенные люди не могут не знать того, что всеобщие вооружения государств друг перед другом неизбежно должны привести их к бесконечным войнам или к всеобщему банкротству, или к тому и другому вместе; не могут не знать, что кроме безумной, бесцельной траты миллиардов рублей, т. е. трудов людских на приготовление к войнам, в самых войнах

гибнут миллионы самых энергических, сильных людей в лучшую для производительного труда пору их жизни (войны прошлого столетия погубили 14 000 000 людей). Не могут просвещенные люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну (за освобождение негров истрачено в много раз больше того, что стоил бы выкуп всех негров юга). Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низкие, животные страсти, развращают, озверяют людей. Все знают неубедительность доводов, приводимых в пользу войн, в роде тех, которые приводил Де-Местр, Мольтке и другие, так как все они основаны на том софизме, что во всяком бедствии человеческого можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольном утверждении, что войны всегда были и потому всегда будут, как будто дурные поступки людей могут оправдываться теми выводами и

пользой, которые они приносят, или тем, что они в продолжение долгого времени совершались. Все так называемые просвещенные люди знают всё это. И вдруг начинается война, и всё это мгновенно забывается, и те самые люди, которые вчера еще доказывали жестокость, ненужность, безумие войн, нынче думают, говорят, пишут только о том, как бы побить как можно больше людей, разорить и уничтожить как можно больше произведений труда людей, и как бы как можно сильнее разжечь страсти человеконенавистничества в тех мирных, безобидных, трудолюбивых людях, которые своими трудами кормят, одевают, содержат тех самых мнимо-просвещенных людей, заставляющих их совершать эти страшные, противные их совести, благу и вере дела.

II

Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости.

Русский царь, тот самый, который призывал все народы к миру, всенародно объявляет, что, несмотря на все заботы свои о сохранении дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшиеся захватом чужих земель и усилением войск для защиты этих захваченных земель), он, вследствие нападения японцев, повелевает делать по отношению японцев то же, что начали делать японцы по отношению русских, т. е. убивать их; и объявляя об этом призыве к убийству, он поминает Бога, призывая Его благословение на самое ужасное в свете преступление. То же самое по отношению русских провозгласил японский император. Ученые юристы, господа Муравьев и Мартенс, старательно доказывают, что в призыве народов ко всеобщему миру и возбуждении войны из-за захватов чужих земель нет никакого противоречия. И дипломаты на утонченном французском языке печатают и рассылают циркуляры, в которых подробно и старательно доказывают, — хотя и знают, что никто им не верит, — что только после всех попыток устано-

вить мирные отношения (в действительности, всех попыток обмануть другие государства) русское правительство вынуждено прибегнуть к единственному средству разумного разрешения вопроса, т. е. к убийству людей. И то же самое пишут японские дипломаты. Ученые, историки, философы, с своей стороны сравнивая настоящее с прошедшим и делая из этих сопоставлений глубоко-мысленные выводы, пространно рассуждают о законах движения народов, об отношении желтой и белой расы, буддизма и христианства, и на основании этих выводов и соображений оправдывают убийство христианами людей желтой расы, точно так же как ученые и философы японские оправдывают убийство людей белой расы. Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять друг друга и не останавливаясь ни перед какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказывают, что и правы, и сильны, и во всех отношениях хороши только русские, а не правы и слабы и дурны во всех отношениях все японцы, а так-

же дурны и все те, которые враждебны или могут быть враждебны русским — англичане, американцы, что точно так же по отношению русских доказывается японцами и их сторонниками.

И не говоря уже о военных, по своей профессии готовящихся к убийству, толпы так называемых просвещенных людей, ничем и никем к этому не побуждаемых, как профессора, земские деятели, студенты, дворяне, купцы, выражают самые враждебные, презрительные чувства к японцам, англичанам, американцам, к которым они вчера еще были доброжелательны или равнодушны, и без всякой надобности выражают самые подлые, рабские чувства перед царем, к которому они, по меньшей мере, совершенно равнодушны, уверяя его в своей беспредельной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем 130-миллионного народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить

самому себе, верит и благодарит и благословляет на убийство войско, которое он называет своим, для защиты земель, которые он еще с меньшим правом может называть своими. Все подносят друг другу безобразные иконы, в которые не только никто из просвещенных людей не верит, но которые безграмотные мужики начинают оставлять, все в землю кланяются перед этими иконами, целуют их и говорят высокопарно-лживые речи, в которые никто не верит.

Богачи жертвуют ничтожные доли своих безнравственно нажитых богатств на дело убийства или на устройство помощи в деле убийства, и бедняки, с которых правительство собирает ежегодно два миллиарда, считают нужным делать то же самое, отдавая правительству и свои гроши. Правительство возбуждает и поощряет толпы праздных гуляк, которые, расхаживая с портретом царя по улицам, поют, кричат «ура» и под видом патриотизма делают всякого рода бесчинства. И по всей России, от дворца до последнего села, пастыри церкви,

называющей себя христианской, призывают того Бога, который велел любить врагов, Бога-Любовь на помощь делу дьявола, на помощь человекоубийству.

И одуренные молитвами, проповедями, воззваниями, процессиями, картинами, газетами, пушечное мясо, сотни тысяч людей однообразно одетые, с разнообразными орудиями убийства, оставляя родителей, жен, детей, с тоской на сердце, но с напущенным молодецством, едут туда, где они, рискуя смертью, будут совершать самое ужасное дело: убийство людей, которых они не знают и которые им ничего дурного не сделали. И за ними едут врачи, сестры милосердия, почему-то полагающие, что дома они не могут служить простым, мирным, страдающим людям, а могут служить только тем людям, которые заняты убийством друг друга. Остающиеся же дома радуются известиям об убийстве людей и, когда узнают, что убитых японцев много, благодарят за это кого-то, кого они называют Богом.

И всё это не только призна-

ется проявлением высоких чувств, но люди, воздерживающиеся от таких проявлений, если они пытаются образумить людей, считаются изменниками, предателями и находятся в опасности быть обруганными и избитыми озверевшей толпой людей, не имеющих в защиту своего безумия и жестокости никакого иного орудия, кроме грубого насилия.

III

Точно как будто не было ни Вольтера, ни Монтеня, ни Паскаля, ни Свифта, ни Канта, ни Спинозы, ни сотен других писателей, с большой силой обличавших бессмысленность, ненужность войны и изображавших ее жестокость, безнравственность, дикость и, главное, точно как будто не было Христа и его проповеди о братстве людей и любви к Богу и людям.

Вспомнишь всё это и посмотришь вокруг себя на то, что делается теперь, и испытываешь ужас уже не перед ужасами войны, а перед тем, что ужаснее всех ужасов, — перед сознани-

ем бессилия человеческого разума.

То, что единственно отличает человека от животного, то, что составляет его достоинство — его разум, оказывается ненужным, бесполезным, даже не бесполезным, а вредным придатком, только затрудняющим всякую деятельность, в роде как узда, сбившаяся с головы лошади и путающаяся в ее ногах и только раздражающая ее.

Понятно, что язычник грек, римлянин, даже средневековой христианин, не знавший Евангелия и слепо веровавший во все предписания церкви, мог воевать и, воюя, гордиться своим военным званием; но как может верующий христианин или даже неверующий, но весь невольно проникнутый христианскими идеалами братства людей и любви, которым воодушевлены произведения философов, моралистов, художников нашего времени, как может такой человек весть ружье или стать к пушке и целиться в толпы ближних, желая убить их как можно больше?

Ассирияне, римляне, греки могли быть уверены, что, воюя,

поступают не только согласно с своей совестью, но совершают даже доброе дело. Но ведь, хотим мы или не хотим этого, мы христиане, и христианство, как бы оно ни было извращено, общий дух его, не мог не поднять нас на ту высшую ступень разума, с которой уже мы не можем не чувствовать всем существом своим не только безумия, жестокости войны, но совершенной противоположности всему, что мы считаем хорошим и должным. И потому мы не можем делать того же не только уверенно, твердо и спокойно, но без сознания своей преступности, без отчаянного чувства того преступника-убийцы, который, начав убивать свою жертву и сознавая в глубине души преступность начатого дела, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть в состоянии докончить ужасное дело. Всё это неестественное, лихорадочное, горячее, безумное возбуждение, охватившее теперь праздные верхние слои русского общества, есть только признак сознания преступности совершаемого дела. Все эти наглые, лживые речи о предан-

ности, обожании монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), все эти обещания отставания грудью чужой земли, все эти бессмысленные благословения друг друга разными стягами и безобразными иконами, все эти молебны, все эти приготовления простынь и бинтов, все эти отряды сестер милосердия, все эти жертвы на флот и Красный Крест, отдаваемые тому правительству, прямая обязанность которого в том, чтобы, имея возможность собирать с народа сколько ему нужно денег, объявив войну, завести нужный флот и нужные средства перевязки раненых, все эти славянские напыщенные, бессмысленные и кощунственные молитвы, про произнесение которых в разных городах газеты сообщают, как про важную новость, все эти шествия, требования гимна, крики «ура», вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличения, потому что всеобщая, газетная ложь, всё это одурение и озвечение, в котором находится теперь русское общество и которое передается понемногу и

массам, — все это есть только признак сознания преступности того ужасного дела, которое делается.

Непосредственное чувство говорит людям, что не должно быть того, что они делают, но как тот убийца, который, начав резать свою жертву, не может остановиться, так и русским людям кажется теперь неопровержимым доводом в пользу войны то, что дело начато. Война начата, и потому надо продолжать ее. Так это представляется самым простым, заблудшим, неученым людям, действующим под влиянием мелких страстей и одурения, которому они подверглись. И точно так же рассуждают самые ученые люди нашего времени, доказывая то, что человек не имеет свободы воли, и потому, если бы он и понял, что начатое им дело нехорошо, он не может остановиться.

И ошалевшие, озверевшие люди продолжают ужасное дело.

IV

Спросите у бросившего старых родителей, жену, детей солдата-рядового, ефрейтора, унтер-офицера, зачем он готовится убивать неизвестных ему людей, — он сначала удивится вашему вопросу. Он солдат, присягал и должен исполнять приказания начальства. Если же вы скажете ему, что война, т. е. убийство людей, не сходится с заповедью «не убий», то он скажет: «А как же, коли на наших нападают? За царя, за веру православную». (Один на мой вопрос сказал мне: — А как же, коли он на святыню нападет? — На какую? — На знамя.) Если же вы попытаетесь объяснить такому солдату, что заповедь Бога важнее не только знамени, но всего на свете, то он замолчит или рассердится и донесет начальству.

Спросите офицера, генерала, зачем он идет на войну, — он скажет вам, что он военный, а что военные необходимы для защиты отечества. То же, что убийство не сходится с духом христианского закона, не смущает его, потому что он или не

верит в этот закон или, если и верит, то не в самый закон, а в то разъяснение, которое дано этому закону. Главное же то, что он, так же как и солдат, на место вопроса личного, что ему делать, всегда подставляет вопрос общий о государстве, отечестве. «В теперешнее время, когда отечество в опасности, надо действовать, а не рассуждать», скажет он.

Спросите дипломатов, которые своими обманами подготавливают войны, зачем они делают это. Они скажут вам, что цель их деятельности в установлении мира между народами и что цель эта достигается не идеальными, неосуществимыми теориями, а дипломатической деятельностью и готовностью к войне. И точно так же, как военные вместо вопроса о своей жизни поставят вопрос общий, так и дипломаты будут говорить об интересах России, о недобросовестности других держав, об европейском равновесии, а не о своей жизни и деятельности.

Спросите журналистов, зачем они своими писаниями возбуждают людей к войне, — они

скажут, что войны вообще необходимы и полезны, в особенности же теперешняя война, и подтвердят это свое мнение неясными патриотическими фразами и, точно так же как военные и дипломаты, на вопрос о том, почему он, журналист, определенная личность, живой человек, поступает известным образом, будет говорить об общих интересах народа, государстве, цивилизации, белой расе.

Точно так же объяснят свое участие в деле войны все подготовители ее. Они, пожалуй, согласны в том, что желательно было бы уничтожить войну, но теперь это невозможно, теперь они, как русские и как люди, занимающие известные положения предводителя, земца, врача, деятеля Красного Креста, призваны действовать, а не рассуждать. Некогда рассуждать и о себе думать, скажут они, когда есть великое общее дело.

То же скажет кажущийся виновником всего дела царь. Он, так же как солдат, удивится вопросу о том, нужна ли теперь война. Он не допускает даже мысли о том, что можно было бы теперь прекратить войну. Он

скажет, что он не может не исполнять того, что требует от него весь народ, что, хотя он и признает войну великим злом и употреблял и готов употреблять все средства для уничтожения ее, в данном случае он не мог не объявить ее и не может не продолжать ее. Это необходимо для блага и величия России.

Все эти люди на вопрос о том, почему он, такой-то, Иван, Петр, Николай, признавая для себя обязанность христианского закона, запрещающего не только убийство ближнего, но требующего любви к нему, служения ему, позволяют себе участие в войне, то есть в насилии, в грабеже, убийстве, — одинаково всегда ответят тем, что поступают они так во имя или отечества, или веры, или присяги, или чести, или цивилизации, или будущего блага всего человечества, вообще чего-то отвлеченного и неопределенного. Кроме того, все эти люди всегда так усиленно заняты или приготовлениями к войне, или распоряжениями, или рассуждениями о ней, что в свободное время могут только отдыхать от своих трудов и не имеют времени за-

ниматься рассуждениями о своей жизни, которые они считают праздными.

V

Люди нашего христианского мира и нашего времени подобны человеку, который, пропустив настоящую дорогу, чем дальше едет, тем всё больше и больше убеждается в том, что едет не туда, куда надобно. И чем больше он сомневается в верности пути, тем быстрее и отчаяннее гонит по нем, утешаясь мыслью, что куда-нибудь да выедет. Но приходит время, когда становится совершенно ясно, что путь, по которому он едет, никуда не приведет, кроме как к пропасти, которую он начинает уже видеть перед собой.

В таком положении находится теперь христианское человечество нашего времени. Ведь совершенно очевидно, что если мы будем продолжать жить так же, как теперь, руководясь как в частной жизни, так и в жизни отдельных государств одним желанием блага себе и своему

государству, и будем, как теперь, обеспечивать это благо насилием, то, неизбежно увеличивая средства насилия друг против друга и государства против государства, мы, во-первых, будем всё больше и больше разоряться, перенося большую часть своей производительности на вооружение; во-вторых, убивая в войнах друг против друга физически лучших людей, будем всё более и более вырождаться и нравственно падать и развращаться.

Что это так будет, если мы не изменим нашей жизни, это так же верно, как математически верно то, что две непараллельные линии должны встретиться. Но мало того, что это теоретически верно: в наше время это становится верно уже не для одного рассудка, но и для чувства. Пропасть, к которой мы идем, уже становится видна нам, и самые простые, не философствующие, неученые люди не могут не видеть того, что, всё больше и больше вооружаясь друг против друга и истребляя друг друга на войнах, мы, как пауки в банке, ни к чему иному не можем прийти, как

только к уничтожению друг друга.

Искреннему, серьёзному, разумному человеку нельзя уже утешать себя мыслью о том, что дело может исправить, как думали прежде, всемирная монархия Рима, Карла Великого, Наполеона, средневековая духовная власть папы, или священные союзы, или политическое равновесие европейского концерта и мирные международные судилища, или, как думали некоторые, увеличение военных сил и вновь изобретенные могущественные орудия истребления.

Устроить всемирную монархию или республику с европейскими штатами невозможно, потому что различные народы никогда не захотят соединиться в одно государство. Устроить международные судилища для решения международных споров? Но кто же заставит подчиниться решению судилища тяжущегося, у которого под ружьем миллионы войска? Разоружиться? Никто не хочет и не может начинать. Придумать еще более ужасные средства истребления: баллоны с начи-

ненными удушливыми газами бомбами, снарядами, которыми люди будут посыпать друг друга? Что бы ни придумали, все государства заведутся такими же орудиями истребления, пушечное же мясо, как после холодного оружия шло под пули и после пуль покорно шло под гранаты, бомбы, дальнбойные орудия, картечницы, мины, пойдет и под высыпаемые из баллонов бомбы, начиненные удушливыми газами.

Ничто очевиднее речей господина Муравьева и профессора Мартенса о том, что японская война не противоречит Гаагской конференции мира, ничто очевиднее этих речей не показывает, до какой степени среди нашего мира извращено орудие передачи мысли — слово и совершенно потеряна способность ясного, разумного мышления. Мысль и слово употребляются не на то, чтобы служить руководством человеческой деятельности, а на то, чтобы оправдывать всякую деятельность, как бы она ни была преступна. Последняя бурская война и теперь японская, которая всякую минуту может перейти

во всеобщую бойню, без малейшего сомнения доказали это. Все антимилитаристические рассуждения так же мало могут содействовать прекращению войны, как самые красноречивые, убедительные, обращенные к грызущимся собакам доводы о том, что им выгоднее разделить тот кусок мяса, за который они грызутся, чем перекусать друг друга и лишиться куска мяса, который унесет проходя, неучаствующая в драке собака.

Мы разогнались к пропасти и не можем остановиться и летим в нее.

Для всякого разумного человека, думающего о том положении, в котором находится теперь человечество, и о том, к которому оно неизбежно приближается, не может не быть очевидно, что практического выхода из этого положения нет никакого, что нельзя придумать никакого такого устройства, учреждения, которое спасло бы нас от той гибели, к которой мы неудержимо стремимся.

Не говоря уже об экономических неразрешимых и всё усложняющихся и усложняющихся опасностях, взаимные

отношения вооружающихся друг против друга держав, всякую минуту готовые разразиться и разражающиеся войнами, ясно указывают на ту неизбежную гибель, к которой влечется всё так называемое цивилизованное человечество.

Так что же делать?

VI

Две тысячи лет тому назад Иоанн Креститель и за ним Христос говорили людям: «исполнилось время и приблизилось царство Божие, одумайтесь (μετανοείτε) и веруйте в Евангелие» (Марка I, 15). И «если не одумаетесь, все погибнете» (Луки 40 XIII, 5).

Но люди не послушали его. И та гибель, которую он предсказывал, уже близка. И мы, люди нашего времени, не можем не видеть ее. Мы погибаем уже и потому не можем пропустить мимо ушей того, старого по времени, но нового для нас, средства спасения. Мы не можем не видеть того, что кроме всех других бедствий, проистекающих из нашей дур-

ной, неразумной жизни, одни военные приготовления и неизбежные вследствие них войны неминуемо должны погубить нас. Мы не можем не видеть, что все придумываемые людьми практические средства избавления от этих зол оказываются и должны оказываться бессильными и что бедственность положения народов, вооружающихся друг против друга, не может не идти всё усиливаясь и усиливаясь. И потому слова Христа, больше чем когда-нибудь и к кому-нибудь, относятся к нам и нашему времени.

Христос говорил: одумайтесь, т. е. каждый человек остановись в своей начатой деятельности и спроси себя: кто ты? откуда ты взялся и в чем твое назначение? И, ответив на эти вопросы, соответственно ответу реши, свойственно ли твоему назначению то, что ты делаешь. И стоит только каждому человеку нашего мира и времени, то есть человеку, знающему сущность христианского учения, на минуту остановиться в своей деятельности, забыть то, чем его считают люди: императором, солдатом, ми-

нистром, журналистом, и серьезно спросить себя: кто он и в чем его назначение, — чтобы усомниться в полезности, законности, разумности своей деятельности. Прежде чем я император, солдат, министр, журналист, — должен ответить себе всякий человек нашего времени и христианского мира, — прежде всего я человек, т. е. ограниченное существо, посланное высшей волей в бесконечный по времени и пространству мир для того, чтобы, пробыв в нем мгновенье, умереть, т. е. исчезнуть из него. И потому все те личные, общественные и даже общечеловеческие цели, которые я могу ставить себе и которые ставят мне люди, вследствие краткости моей жизни, так же как и вследствие бесконечности жизни мира, все ничтожны и должны быть подчинены той высшей цели, для достижения которой я послан в мир. Конечная цель эта, вследствие моей ограниченности, недоступна мне, но она есть (как должна быть цель всего существующего), и мое дело в том, чтобы быть орудием ее, то есть назначение мое в том, чтобы

быть работником Бога, исполнять Его дело. И поняв так свое назначение, всякий человек нашего мира и времени, от императора до солдата, не может не посмотреть иначе на те обязанности, которые он сам или люди наложили на него.

Прежде чем меня короновали, признали императором, — должен сказать себе император, — прежде чем я обязался исполнять свои обязанности главы государства, я тем самым, что живу, обещался исполнить то, чего требует от меня та высшая воля, которая послала меня в жизнь. Требования эти я не только знаю, но чувствую в своем сердце. Они состоят в том, как это выражено в христианском законе, который я исповедую, чтобы я покорялся воле Бога и исполнял то, чего она хочет от меня, любил бы ближнего, служил ему, поступал бы с ним, как я хочу чтобы поступали со мной. То ли я делаю, управляя людьми, предписывая насилия, казни и самое ужасное дело — войны?

Люди говорят мне, что я должен делать это. Бог же говорит, что я должен делать со-

вершенно другое. И потому, сколько бы мне ни говорили, что я, как глава государства, должен руководить насилиями, сборами податей, казнями и, главное, войной, т. е. убийством ближнего, я не хочу и не могу этого делать.

И то же самое должен сказать себе солдат, которому внушено, что он должен убивать людей, и министр, считавший своей обязанностью приготовления, к войне, и журналист, возбуждающий к войне, и всякий человек, задавший себе вопрос о том, что он такое, в чём его назначение в жизни. А как только глава государства перестанет распоряжаться войной, солдат перестанет воевать, министр готовить средства к войне, журналист возбуждать к ней, так без всяких новых учреждений, приспособлений, равновесия, судилищ, само собою уничтожится то безвыходное положение, в которое поставили себя люди не только по отношению к войне, но и ко всем тем бедствиям, которые они сами наносят себе.

Так что, как ни странно это кажется, самое верное и несо-

мненное избавление людей от всех бедствий, которые они сами наносят себе, и от самого ужасного из них — от войны достигается не какими-либо внешними общими мерами, а только тем простым обращением к сознанию каждого отдельного человека, которое 1900 лет тому назад предлагал Христос, — тем, чтобы каждый человек одумался, спросил себя: кто он? зачем он живет и что ему должно и что не должно делать?

VII

Зло, от которого страдают люди нашего времени, происходит оттого, что большинство их живет без того, что одно дает разумное руководство человеческой деятельности — без религии, не той религии, которая состоит в вере в догматы, в исполнение обрядов, доставляющих приятное развлечение, утешение, возбуждение, а той религии, которая устанавливает отношение человека ко Всему, к Богу, и потому дает общее высшее направление всей деятельности человеческой, без ко-

торой люди становятся на уровень животных и даже ниже их. Зло это, ведущее людей к неизбежной гибели, проявилось с особенной силой в наше время, потому что, утратив разумное руководство в жизни и направив все свои усилия на открытия и усовершенствования в области знаний преимущественно прикладных, люди нашего времени выработали себе огромную власть над силами природы; не имея же руководства для разумного приложения этой власти, они естественно стали употреблять ее на удовлетворение своих самых низких, животных побуждений.

Лишенные религии люди, обладая огромной властью над силами природы, подобны детям, которым дали бы для игры порох или гремучий газ. Глядя на то могущество, которым пользуются люди нашего времени, и на то, как они употребляют его, чувствуется, что по степени своего нравственного развития люди не имеют права не только на пользование железными дорогами, паром, электричеством, телефонами, фотографиями, беспроволочными

телеграфами, но даже простым искусством обработки железа и стали, потому что все эти усовершенствования и искусства они употребляют только на удовлетворение своих похотей, на забавы, разврат и истребление друг друга.

Что же делать? Отбросить все те усовершенствования жизни, всё то могущество, которое приобрело человечество? Забыть то, что оно узнало? Невозможно. Как ни зловредно употребляются эти умственные приобретения, они всё-таки приобретения, и люди не могут забыть их. Изменить те соединения народов, которые образовались веками и установить новые? Придумать такие новые учреждения, которые помешали бы меньшинству обманывать и эксплуатировать большинство? Распространить знания? Всё это испробовано и делается с большим усердием. Все эти мнимые приемы исправления составляют главное средство самозабвения, отвлечения себя от сознания неизбежной гибели. Изменяются границы государств, изменяются учреждения, распространяются знания, но люди в

других пределах, с другими учреждениями, с увеличенными знаниями остаются теми же зверями, готовыми всякую минуту разорвать друг друга, или теми рабами, какими всегда были и будут, пока будут руководиться не религиозным сознанием, а страстями, рассудком и посторонними внушениями.

Человеку нет выбора: он должен быть рабом наиболее бессовестного и наглого, чем другие, раба или — Бога, потому что для человека есть только одно средство быть свободным: это соединение своей воли с волей Бога. Лишенные религии люди, одни, отрицающие самую религию, другие, признающие религией те внешние, уродливые формы, которые заменили ее, и руководимые только своими личными похотями, страхом, человеческими законами и, главное, взаимным гипнозом, не могут перестать быть животными или рабами, и никакие внешние усилия не могут вывести их из этого состояния, потому что только религия делает человека свободным.

А большинство людей нашего времени лишено ее.

VIII

Но для того чтобы уничтожилось то зло, от которого мы страдаем, скажут люди, увлеченные различными житейскими деятельностями, необходимо не несколько людей, а чтобы все люди одумались и чтобы, одумавшись, одинаково поняли назначение своей жизни в исполнении воли Бога и служении ближнему.

Возможно ли это?

Не только возможно, — отвечаю я, — но невозможно, чтобы этого не было.

Невозможно людям не одуматься, то есть не поставить себе каждому человеку вопрос о том, кто он такое и зачем живет, потому что человек, как разумное существо, не может жить, не зная зачем он живет, и всегда ставил себе этот вопрос и всегда по мере степени своего развития отвечал на него в религиозном учении; в наше же время внутреннее противоречие, в котором чувствуют себя люди, с особенной настоятельностью вызывает этот вопрос и требует на него ответа. Невозможно же людям нашего времени отве-

тить на этот вопрос иначе, как признанием закона жизни в любви к людям и служении им, потому что это единственный разумный для нашего времени ответ о смысле человеческой жизни, и ответ этот 1900 лет тому назад выражен в христианской религии и точно так же известен огромному большинству всего человечества.

Ответ этот в скрытом состоянии живет в сознании всех людей христианского мира нашего времени, но явно не выражается и не служит руководством нашей жизни только потому, что с одной стороны люди, которые пользуются наибольшим авторитетом, так называемые ученые, находясь в грубом заблуждении о том, что религия есть временная ступень развития человечества, пережитая им, и что люди могут жить без религии, внушают это заблуждение начинающим образовываться людям из народа; с другой стороны, потому что люди, имеющие власть, сознательно и часто бессознательно (находясь сами в заблуждении о том, что церковная вера есть христианская религия) стараются под-

держивать и вызывать в народе грубые суеверия, выдаваемые за христианскую религию.

Только бы уничтожились эти два обмана, и та истинная религия, которая в скрытом состоянии уже живет в людях нашего времени, стала бы явной и обязательной.

Для того чтобы это совершилось, нужно, чтобы, с одной стороны, люди ученые поняли, что положение о братстве всех людей и правило о делании другим того, чего себе хочешь, не есть случайное, одно из многих человеческих рассуждений, которое может быть подчинено каким-либо другим соображениям, а есть несомненное, стоящее выше других соображений положение, вытекающее из неизменного отношения человека к бесконечному, к Богу, и есть религия и вся религия, и потому всегда обязательно.

С другой стороны, — чтобы те люди, которые сознательно и бессознательно проповедуют под видом христианства грубые суеверия, поняли, что все те догматы, таинства, обряды, которые они поддерживают и проповедуют, не только не без-

различны, как они думают, а в высшей степени вредны, скрывая от людей ту единую религиозную истину, которая выражена в исполнении воли Бога, братстве людей, служении людям, и что правило о том, чтобы поступать с другими, как хочешь чтобы поступали с тобой, не есть одно из предписаний христианской религии, а вся практическая религия, как это и сказано в Евангелии.

Для того чтобы люди нашего времени одинаково поставили себе вопрос о смысле жизни и одинаково ответили на него, нужно только людям, считающим себя просвещенными, перестать думать и внушать другим поколениям, что религия есть атавизм, пережиток прошлого дикого состояния, и что для хорошей жизни людей достаточно распространения образования, то есть самых разнообразных знаний, которые как-то приведут людей к справедливости и нравственной жизни; а понять, что для доброй жизни людей необходима религия и что религия эта есть уже и живет в сознании людей нашего времени; людям же, умышленно

и неумышленно одуряющим народ церковными суевериями, перестать делать это и признать, что важно и обязательно в христианстве не крещение, причастие, исповедание догматов и т. п., а только любовь к Богу и ближнему и исполнение заповедей о том, чтобы поступать с другими, как хочешь чтобы поступали с тобой, что в этом весь закон и пророки.

Если бы только поняли это как лжехристиане, так и люди науки и проповедовали бы и детям и неученым эти простые, ясные и нужные истины так же, как они проповедуют теперь свои сложные, путанные и ненужные положения, все люди одинаково понимали бы смысл своей жизни и признавали бы одни и те же вытекающие из него обязанности.

IX

Но как же поступить теперь, сейчас? — скажут мне, — у нас в России в ту минуту, когда враги уже напали на нас, убивают наших, угрожают нам, — как поступить русскому солда-

ту, офицеру, генералу, царю, частному человеку? Неужели предоставить врагам разорять наши владения, захватывать произведения наших трудов, захватывать пленных, убивать наших? Что делать теперь, когда дело начато?

Но ведь прежде чем начато дело войны, кем бы оно ни было начато, — должен ответить всякий одумавшийся человек, — прежде всего начато дело моей жизни. А дело моей жизни не имеет ничего общего с признанием прав на Порт-Артур китайцев, японцев или русских. Дело моей жизни в том, чтобы исполнять волю Того, кто меня послал в эту жизнь. И воля эта известна мне. Воля эта в том, чтобы я любил ближнего и служил ему. Для чего же я, следуя временным, случайным требованиям, неразумным и жестоким, отступлю от известного мне вечного и неизменного закона всей моей жизни? Если есть Бог, то Он не спросит меня, когда я умру (что может случиться всякую секунду), отстоял ли я Юнаппо с его лесными складами, и или Порт-Артур, или даже то сцепление, называ-

емое русским государством, которое Он не поручал мне, а спросит у меня: что я сделал с той жизнью, которую Он дал в мое распоряжение, употребил ли я ее на то, на что она была предназначена и под условием чего она была вверена мне? Исполнял ли я закон Его?

Так что на вопрос о том, что делать теперь, когда начата война, мне, человеку, понимающему свое назначение, какое бы я ни занимал положение, не может быть другого ответа, как тот, что никакие обстоятельства, — начата или не начата война, убиты ли тысячи японцев или русских, отнят ли не только Порт-Артур, но Петербург и Москва, — я не могу поступить иначе как так, как того требует от меня Бог, и потому я, как человек, не могу ни прямо, ни косвенно, ни распоряжениями, ни помощью, ни возбуждением к ней, участвовать в войне, не могу, не хочу и не буду. Что будет сейчас или вскоре из того, что я перестану делать то, что противно воле Бога, я не знаю и не могу знать, но верю, что из исполнения воли Бога не может выйти ничего, кроме хо-

рошего, для меня и для всех людей.

Вы с ужасом говорите о том, что бы было, если бы мы, русские, сейчас перестали воевать и уступили бы японцам всё то, что они хотят от нас.

Но если справедливо то, что спасение человечества от озверения, самоистребления только в одном: установлении в людях истинной религии, требующей любви к ближнему и служения ему (в чем нельзя не согласиться), то всякая война, всякий час ее и мое участие в ней только делает более трудным и отдаленным осуществление этого единственно возможного спасения. Так что даже становясь на вашу шаткую точку зрения — определения поступков по предполагаемым их последствиям, и тогда уступка японцам со стороны русских всего того, чего они хотят от нас, кроме несомненного блага прекращения разорения и убийства, было бы приближением к единственному средству спасения человечества от его гибели, тогда как продолжение войны, чем бы она ни кончилась, было бы отдалением от единственно-

го средства спасения.

Но если это и так, говорят на это, то прекратиться войны могут только тогда, когда все люди или большинство их откажется от участия в них. Отказ же одного человека, будет ли он царь или солдат, только напрасно, без всякой пользы для кого бы то ни было погубит его жизнь. Откажись теперь русский царь от войны, его свергли бы с престола, может быть, убили бы, чтобы избавиться от него; откажись от военной службы обыкновенный человек, его отдадут в дисциплинарный батальон, а может быть, и расстреляют. Для чего же без всякой пользы губить свою жизнь, могущую быть полезной обществу?— говорят обыкновенно люди, не думавшие о значении всей своей жизни и потому не понимающие его.

Но не то чувствует и говорит человек, понимающий назначение своей жизни, то есть человек религиозный. Такой человек руководится в своей деятельности не предполагаемыми последствиями своих поступков, а сознанием своего назначения в жизни. Фабричный рабочий

идет на фабрику и делает на ней предписанное ему дело без соображения о том, какие будут последствия его работ. Так же поступает солдат, исполняя волю начальства. То же делает религиозный человек, делая то дело, которое предписано ему Богом, не рассуждая о том, что именно выйдет из его работы. И потому для религиозного человека нет вопроса о том, много или мало людей поступают так же, как он, и что с ним может случиться, если он сделает то, что должно. Он знает, что кроме жизни и смерти ничего не будет, а что жизнь и смерть в руках Бога, которому он повинуетя.

Религиозный человек поступает так, а не иначе, не потому, что он хочет поступить так, или потому, что это выгодно ему или другим людям, а потому, что он, веруя в то, что жизнь его в воле Бога, не может поступить иначе.

В этом особенность деятельности религиозных людей.

И потому-то и спасение людей от тех бед, которые они причиняют сами себе, произойдет только в той мере, в которой

они будут руководиться в своей жизни не выгодой, не рассуждениями, а религиозным сознанием.

X

Но как же быть с врагами, которые нападают на нас?

«Любите врагов ваших, и не будет у вас врага»; сказано в «Учении Двенадцати Апостолов». И ответ этот — не одни слова, как это может казаться людям, привыкшим думать, что предписание любви к врагам есть нечто иносказательное и означает не то, что сказано, а что-то другое. Ответ этот есть указание очень ясной и определенной деятельности и ее последствий.

Любить врагов, японцев, китайцев, тех желтых людей, к которым заблудшие люди теперь стараются возбудить в нас ненависть, любить их — значит не убивать их для того, чтобы иметь право отравлять их опиумом, как делали это англичане, не убивать их для того, чтобы отнимать у них земли, как делали это французы, русские,

немцы, не закапывать их живыми в землю в наказание за повреждение дороги, не связывать косами и не топить в Амуре, как делали это русские.

«Ученик не бывает выше учителя... Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его».

Любить желтых людей, которых мы называем врагами, значит не учить их под именем христианства нелепым суевериям грехопадения, искупления, воскресения и т. п., не учить их искусству обманывать и убивать людей, а учить их справедливости, бескорыстию, милосердию, любви, и не словами, а примером нашей доброй жизни.

И что же мы делали и делаем с ними?..

Так что если бы мы точно любили врагов, хотя бы теперь начали так любить врагов японцев, у нас не было бы врага.

И потому, как ни странно это может показаться людям, занятым военными планами, приготовлениями, дипломатическими соображениями, административными, финансовыми, экономическими мерами, революционными, социалистическими

проповедями и различными ненужными знаниями, которыми они думают избавить человечество от его бедствий, — избавление людей не только от бедствий войн, но и от всех тех бедствий, которые сами себе причиняют люди, сделается не теми императорами, королями, которые будут учреждать союзы мира, не теми людьми, которые свергнут императоров, королей, или ограничат их конституциями или заменят монархии республиками, не конференциями мира, не осуществлением социалистических проектов, не победами и поражениями на суше и на море, не библиотеками, университетами, не теми праздными умственными упражнениями, которые теперь называются наукой, а только тем, что будет всё больше и больше тех простых людей, которые, как духоборы, Дрожжины, Ольховики в России, назарены в Австрии, Гутодье во Франции, Тервей в Голландии и другие, поставив себе целью не внешние изменения жизни, а наиточнейшее исполнение в себе воли Того, кто послал их в жизнь, на это исполнение

направят все свои силы. Только эти люди, осуществляя царствие Божие в себе, в своей душе, установят, не стремясь непосредственно к этой цели, то внешнее царство Божие, которого желает всякая душа человеческая.

Спасение произойдет только одним этим, а не каким-либо другим путем. И потому то, что делается теперь, как теми, которые, управляя людьми, внушают им религиозные и патриотические суеверия, возбуждая их к исключительности, ненависти и человекоубийству, или теми, которые, для избавления людей от порабощения и угнетения, призывают их к насильственным, внешним переворотам или думают, что приобретение людьми очень многих, случайных, большей частью ненужных знаний само собою приведет их к доброй жизни, — всё это, отвлекая людей от того, что им одно нужно, только отдаляет их от возможности спасения.

Зло, от которого страдают люди христианского мира, — в том, что они временно лишлись религии.

Одни люди, убедившись в

несоответствии существующей религии и степени умственного и научного развития человечества нашего времени, решили, что религии вообще совсем не нужно никакой, живут без религии и проповедуют бесполезность всякой, какой бы то ни было религии; другие же, держась той извращенной формы христианской религии, в которой она проповедуется теперь, точно так же живут без религии, исповедуя пустые, внешние формы, не могущие служить руководством жизни людей.

А между тем религия, отвечающая требованиям нашего времени, есть и известна всем людям и в скрытом состоянии живет в сердцах людей христианского мира. И потому, для того чтобы религия эта стала явной и обязательной для всех людей, нужно только то, чтобы ученые люди, руководители масс, поняли, что религия нужна людям, что без религии не могут жить люди доброй жизнью и что то, что они называют наукой, не может заменить религии; люди же, власть имеющие и поддерживающие старую, пустую форму религии,

поняли бы, что то, что они под-держивают и проповедуют под видом религии, есть не только не религия, но главное препятствие к тому, чтобы люди усвоили ту истинную религию, которую они уже знают и которая одна может спасти их от их бедствий.

Так что единственно верное средство спасения людей состоит только в том, чтобы перестать делать то, что мешает людям усвоить истинную религию, которая живет в сознании людей.

XI

Я кончал эту статью, когда пришло известие о гибели шестисот невинных жизней против Порт-Артура. Казалось бы, бесполезные страдания и смерть этих несчастных, обманутых, ни за что погибших ужасной смертью людей должны бы образумить тех, которые были причиной этой гибели. Я не говорю о Макарове и других офицерах — все эти люди знали, что и зачем они делают, и добровольно, из-за выгод, из-

за честолюбия, прикрываясь очевидной, но не обличаемой только потому, что она всеобщая, ложью патриотизма, делали то, что делали; я говорю о тех несчастных, собранных со всей России людях, которых с помощью религиозного обмана и под страхом наказания, оторвав от их честной, разумной, полезной, трудовой, семейной жизни, загнали на другой конец света, посадили на жестокую и нелепую машину убийства и, „разорвав в клочки, потопили вместе с этой глупой машиной в далеком море, без всякой нужды и какой бы то ни было возможности пользы от всех тех лишений, усилий, страданий и смерти, которая их постигла.

В 1830 году, во время польской войны, посланный от Хлопицкого в Петербург адъютант Вылежинский в разговоре с Дибичем, шедшем на французском языке, на поставленное Дибичем условие, чтобы русские войска вступили в Польшу, Вылежинский сказал:

— Господин маршал, я думаю, что при этих условиях совершенно невозможно, чтобы польский народ согласился при-

ять этот манифест.

— Поверьте, император не сделает уступок.

— Тогда я предвижу, что, к несчастью, будет война, много будет пролито крови, много несчастных жертв.

— Напрасно вы думаете так, самое большое погибнет с обеих сторон 10 000 человек, только всего.¹

«10 000 человек, только всего» — сказал своим немецким акцентом Дибич, вполне уверенный, что он, вместе с другим, столь же жестоким и чуждым, как и он, русской и польской жизни человеком, Николаем Павловичем, имеет полное право приговорить или не приговорить к смерти десятки, сотни тысяч русских и польских людей.

Не верится тому, что это могло быть, так это нелепо и ужасно, а между тем это было: 60 тысяч жизней кормильцев

семей погибло по их воле. И теперь происходит то же самое.

Для того чтобы не пустить Японцев в Манчжурию и выбить их из Кореи, понадобится по всем вероятностям не 10, а 50 и более тысяч. Не знаю, говорят ли словами Николай II и Куропаткин, как Дибич, что для этого нужно не более 50 тысяч жизней с одной русской стороны и только, но они это думают, не могут не думать, потому что дело, которое они делают, говорит за себя: тот не перестающий поток везомых теперь тысячами на Дальний Восток несчастных, обманутых русских крестьян, — это те самые не более 50 тысяч живых русских людей, которых Николай Романов и Алексей Куропаткин решили убить и будут убивать ради поддержания тех глупостей, грабительств и всяких гадостей, которые делали в Китае и Корее безнравственные, тщеславные люди, сидящие теперь спокойно в своих дворцах и ожидающие новой славы и новых выгод и барышей от убийства этих 50 000 ни в чем не виноватых, ничего не приобретающих своими страданиями и смертями,

¹ Вылежинский прибавляет от себя: «Фельдмаршал не думал тогда, что более 60 000 только русских погибнет в этой войне, не столько от неприятельского огня, сколько от болезней, и что он сам будет в том числе.

несчастных, обманутых русских рабочих людей. Из-за чужой земли, на которую русские не имеют никакого права, которая грабительски захвачена у законных владельцев и которая в действительности и не нужна русским, да еще из-за каких-то темных дел аферистов, хотевших в Корее наживать деньги на чужих лесах, тратятся огромные миллионы денег, то есть большая часть трудов всего русского народа, закабаляются в долги будущие поколения этого народа, отнимаются от труда его лучшие работники и безжалостно обрекаются на смерть десятки тысяч его сынов. И гибель этих несчастных уж начинается. Мало того, война ведется теми, которые затеяли ее, так дурно, небрежно: всё так не предвидено, не приготовлено, что, как и говорит одна газета, главный шанс успеха России в том, что у нее неистощимый человеческий материал. На это и рассчитывают те, которые посылают на смерть десятки тысяч русских людей.

Прямо говорится: прискорбные неудачи нашего флота должны быть возмещены на

суше. По-русски это значит то, что если начальство дурно распоряжалось на море и погубило своей небрежностью не только народные миллионы, но тысячи жизней, то мы наверстаем это тем, что приговорим к смерти на земле еще несколько десятков тысяч.

Пешая саранча переходит реки так, что нижние слои тонут до тех пор, пока из потонувших образуется мост, по которому пройдут верхние. Так распоряжаются теперь и с русским народом.

И вот первый нижний слой уж начинает топиться, показывая путь другим тысячам, которые все так же погибнут.

И что же, начинают понимать свой грех, свое преступление зачинщики, распорядители и возбудители этого ужасного дела? Нисколько. Они вполне уверены, что исполняли и исполняют свою обязанность, и гордятся своей деятельностью.

Толкуют о потере храброго Макарова, который, как все согласны, мог очень искусно убивать людей, сожалеют о потонувшей хорошей машине убийства, стоившей столько-то мил-

лионов рублей, рассуждают о том, какого найти другого, столь же искусного, как бедный, заблудший Макаров, убийцу, придумывают новые, еще более действительные оружия убийства, и все виновники этого страшного дела, от царя до последнего журналиста, все в один голос взывают к новым безумствам, жестокостям, к усилению зверства и человеконенавистничества.

«Макаров не один в России, и каждый поставленный на его место адмирал пойдет по его следам и будет продолжать план и мысль честно в бою погибшего Макарова», пишет «Новое время».

«Будем тепло молиться Богу о положивших души свои за святую родину, ни минуты не сомневаясь в том, что она же, родина наша, даст нам новых, столь же доблестных сынов для дальнейшей борьбы и найдет в них неисчерпаемый запас сил для достойного окончания дела», пишут «Петербургские ведомости».

«Зрелая нация не сделает другого вывода из поражения, хотя бы и неслыханного для

нее, как тот, что надо продолжать, развить и закончить борьбу. Найдем же в себе новые силы; явятся новые витязи духа», пишет «Русь». И т. п.

И с еще бóльшим остервенением продолжают убийства и всякого рода преступления. Восторгаются воинственным духом охотников, которые, застав врасплох 50 своих ближних, перерезали их всех, или заняли селение и перерезали все население, или повесили, расстреляли обвиняемых в шпионстве, т. е. в том самом деле, которое считается необходимым и не переставая делается с нашей стороны. И о таких злодеяниях доносится торжественными телеграммами главному распорядителю их, царю, который посылает своим доблестным войскам благословение на продолжение таких дел.

Разве не ясно, что если есть спасение из этого положения, то только одно: то, которое проповедует Христос.

Ищите Царствия Божия и правды Его (того, которое внутри вас) и остальное, то есть всё то практическое благо, к которому может стремиться чело-

век, само собою осуществится.

Таков закон жизни: практическое благо достигается не тогда, когда человек стремится к этому практическому благу — такое стремление, напротив, большей частью отдаляет человека от достижения того, чего он ищет, — а только тогда, когда человек, не думая о достижении практического блага, стремится к наисовершенному исполнению того, что он перед Богом, перед Началом и Законом своей жизни считает должным. Только тогда, попутно, достигается и практическое благо.

Так что истинное спасение людей одно: исполнение воли Бога каждым отдельным человеком в себе, т. е. в той части мира, которая одна подлежит его власти. В этом главное, единственное назначение каждого отдельного человека, и это вместе с тем единственное средство воздействия на других каждого отдельного человека; и потому на это, и только на это, должны быть направлены все усилия каждого человека.

XII

Только что отослал последние листы статьи о войне, как пришло ужасное известие о новом злодеянии, совершенном над русским народом теми легкомысленными, ошалевшими от власти людьми, которые присвоили себе право распоряжаться им. Опять наряженные в разные пестрые наряды, раболопные и грубые рабы рабов, равных сортов генералы, из-за желания отличиться или насолить один другому, или заслужить право присоединить к своим дурацким пестрым нарядам еще звездочку, побрякушку или ленточку, или по глупости, или по неряшеству, — опять эти ничтожные, жалкие люди погубили в страшных страданиях несколько тысяч тех почтенных, добрых, трудолюбивых рабочих людей, которые кормят их. И опять это злодеяние не только не заставляет задуматься или покаяться виновников этого дела, но и слышишь и читаешь только о том, как бы поскорее еще искалечить и убить побольше людей и еще больше разорить семей и русских и

японских.

Мало того: чтобы приготовить людей к новым таким же злодеяниям, виновники этих преступлений не только не признают того, что всем очевидно, что для русских это было даже с их патриотической, военной точки зрения постыдным поражением, но стараются внушить легковерным людям, что эти, как скотина на бойню, заведенные в западню несчастные русские рабочие люди, которых перебили и искалечили несколько тысяч только потому, что один генерал не понял того, что сказал другой генерал, — совершили геройский подвиг тем, что те из них, которые не могли убежать, были убиты, а те, которые убежали, остались живы. То же, что один из этих ужасных, безнравственных, жестоких людей, величаемых генералами и адмиралами, потопил множество мирных японцев, расписывается также как великий, доблестный подвиг, долженствующий радовать русских людей. И во всех газетах перепечатывается ужасное воззвание к убийству:

«Пусть две тысячи убитых на

Ялу русских солдат вместе с искалеченными «Ретвизаном» и его собратьями, с нашими погибшими миноносцами научат наши крейсера, с какими разгромами им надо обрушиться на берега низкой Японии. Она послала своих солдат проливать русскую кровь, и не должно быть ей пощады; теперь нельзя, теперь грешно сентиментальничать, надо воевать, надо наносить такие тяжелые удары; чтобы воспоминание о них веяло холодом на коварные сердца японцев. Теперь-то и время крейсерам выйти в море, чтобы испепелить города Японии, чтобы пронестись ужасным несчастьем вдоль ее красивых берегов.

Довольно сентиментальничать».

И начатое ужасное дело продолжается. Продолжаются грабежи, насилия, убийство, лицемерие, воровство и, главное, ужаснейшая ложь: извращение религиозных учений, как христианского, так и буддийского.

Царь, главное ответственное лицо, продолжает делать парады войскам, благодарить, награждать, поощрять, издает

указ о сборе запасных. Верно-подданные вновь и вновь подвергают к стопам называемого ими обожаемым монарха свои имущества и жизни, но на словах только. Сами же, желая отличиться друг перед другом на деле, а не на словах, отрывают отцов, кормильцев от осиротевших семейств, приготавливая их к отправке на бойню. Газетчики, чем хуже положение русских, тем бессовестнее лгут, переделывая постыдные поражения в победы, зная, что никто их не опровергнет, и спокойно собирают деньги за подписку и продажу. Чем больше идет на войну денег и трудов народа, тем больше грабят всякие начальники и аферисты, зная, что никто их не обличит, потому что все грабят. Военные, воспитанные для убийства, прошедшие десятки лет в школе бесчеловечности, грубости и праздности, радуются, несчастные, тому, что, кроме прибавки содержания, убитые открывают вакансию для их повышения. Христианские пастыри продолжают призывать людей к величайшему преступлению, продолжают кощунствовать, прося

у Бога помощи делу войны, и не только не осуждают, но оправдывают и восхваляют того из таких пастырей, который с крестом в руках поощрял людей к убийству на самом месте преступления. И то же происходит в Японии. Еще с большим рвением, вследствие своих побед, набрасываются на убийство подражающие всему скверному в Европе, заблудшие японцы. Так же делает парады, награждает Микадо. Так же храблятся разные генералы, воображая себе, что они, научившись убивать, научились просвещению. Так же стонет несчастный рабочий народ, отрываемый от полезного труда и семей. Так же лгут и радуются подписке газетчики, и так же, вероятно (так как там, где убийство возведено в доблесть, должны процветать всякие пороки), так же, вероятно, наживают деньги всякие начальники и аферисты, и японские богословы и религиозные учителя, не отстающие, как их военные в технике вооружения, и в технике религиозного обмана и кощунства от европейцев, извращают великое буддийское учение, не только допуская, но

оправдывая запрещенное Буддой убийство.

Буддийский ученый, начальствующий над 800 монастырями, Сойен Шакю объясняет, что, хотя Будда и запретил убийство, он сказал, что он не будет спокоен до тех пор, пока все существа не будут соединены в бесконечном, любящем сердце, а потому, чтобы привести находящиеся в беспорядке вещи в порядок, нужно воевать и убивать людей.

И как будто никогда не существовало христианского и буддийского учения о единстве человеческого духа, о братстве людей, о любви, сострадании, о неприкосновенности жизни человеческой. Люди, уже просвещенные светом истины, и японцы и русские, как дикие звери, хуже диких зверей, бросаются друг на друга с одним желанием уничтожить как можно больше жизней. Тысячи несчастных уже стонут и корчатся от жестоких страданий и мучительно умирают в японских и русских лазаретах, с недоумением спрашивая себя, зачем сделали над ними это ужасное дело, и другие тысячи гниют в земле и

над землей или плавают по морю, распухая и разлагаясь. И десятки тысяч жен, отцов, матерей, детей оплакивают своих ни за что погубленных кормильцев. Но всего этого мало, и готовятся все новые и новые жертвы. Главная забота начальников убийства в том, чтобы с русской стороны поток пушечного мяса — трех тысяч человек в день, обреченных на гибель, ни на минуту не прерывался. И о том же озабочены и японцы. Пешую саранчу не переставая гонят в реку, чтобы задние ряды прошли по тем, которые затонули...

Да когда же это кончится? И когда же, наконец, обманутые люди опомнятся и скажут: «да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов». Ведь сказать это так естественно теперь, когда у нас в России идет плач и вой сотен тысяч матерей, жен, детей, от которых отбира-

ют их кормильцев, так называемых запасных. Ведь эти самые люди, большинство запасных, знают грамоте: они знают, что такое Дальний Восток; знают, что война идет не из какого-нибудь сколько-нибудь нужного русским людям дела, а за какую-то чужую, арендовую, как они говорят, землю, в которой выгодно было строить дорогу и делать свои дела каким-то гадким аферистам; знают или могут знать и то, что их будут бить, как овец на бойне, потому что у японцев последние усовершенствованные орудия убийства, а у нас нет их, так как русское начальство, которое посылает их на смерть, не догадалось во-время завести таких же орудий, как у японцев. Ведь так естественно, зная всё это, сказать: «да идите вы, те, кто затеял это дело, все вы, кому нужна война и кто оправдывает ее, идите вы под японские пули и мины, а мы не пойдем, потому что нам не только не нужно этого, но мы не можем понять, зачем это кому-нибудь может быть нужно».

Но нет, они не говорят этого, идут и будут идти, не могут не

идти до тех пор, пока будут бояться того, что губит тело, а не того, что губит тело и душу.

«Убьют ли, искалечат ли в этих каких-то Юнампо, куда гонят нас, — рассуждают они, — еще неизвестно, может быть и целы выйдем, да еще с наградами и торжеством, как те моряки, которых так чествуют теперь по всей России за то, что бомбы и пули японцев попали не в них, а в других; а отказаться, наверное посадят в тюрьму, будут морить голодом, сечь, сошлют в Якутскую область, а то и убьют сейчас же». И с отчаянием в сердце, оставляя добрую, разумную жизнь, жен, детей, они идут.

Вчера я встретил провожаемого матерью и женой запасного. Они втроем ехали на телеге. Он был немного выпивши, лицо жены распухло от слез. Он обратился ко мне:

— Прощай, Лев Николаевич, на Дальний Восток.

— Что же, воевать будешь?

— Надо же кому-нибудь драться.

— Никому не надо драться.

Он задумался.

— Как же быть-то? Куда же

денешься?

Я видел, что он понял меня, понял, что то дело, на которое посылают его, дурное дело.

«Куда же денешься?» Вот точное выражение того душевного состояния, которое в официальном и газетном мире переводится словами: «За веру, царя и отечество». Те, которые, бросая голодные семьи, идут на страдания и смерть, говорят то, что чувствуют: «Куда же денешься?» Те же, которые сидят в безопасности в своих роскошных дворцах, говорят, что все русские готовы пожертвовать жизнью за обожаемого монарха, за славу и величие России.

Вчера я получил от знакомого мне крестьянина одно за другим два письма.

Вот первое:

«Дорогой Лев Николаевич.

— Ну вот, сегодня я получил явочную карту о призыве на службу, завтра должен явиться на сборный пункт. Вот и все, а там дальше на Дальний Восток под японские пули.

«Про мое и горе моей семьи я вам не говорю, вам ли не понять всего ужаса моего положе-

ния и ужасов войны. Всем этим вы давно уже переболели и все понимаете. А как мне все хотелось у вас побывать, с вами поговорить. Я было написал вам большое письмо, в котором изложил муки моей души, но не успел переписать, как получил явочную карту. Что делать теперь моей жене с четырьмя детьми? Как старый человек, вы, разумеется, не можете интересоваться судьбой моей семьи, но вы можете попросить кого-либо из ваших друзей, ради прогулки, навестить мою сиротелую семью. Я вас прошу душевно, что если моя жена не выдержит муки своего сиротства с кучей ребят и решится пойти к вам за помощью и советом — вы примите ее и утешьте: она хоть вас и не знает лично, но верит в ваше слово, а это много значит.

«Противиться призыву я не мог, но я наперед говорю, что через меня ни одна японская семья сиротой не останется. Господи, как всё это ужасно, как тяжело и больно бросать все, чем живешь и интересуешься».

Второе письмо такое:

«Милый Лев Николаевич,

Вот, миновал только день действительной службы, а я уже пережил вечность самой отчаянной муки. С 8 часов утра до 9 часов вечера нас толкли и канителили на казарменном дворе, как стадо животных. Три раза повторялась комедия телесного смотря, и все, заявлявшие себя больными, не получили к себе и по 10 минут внимания и были отмечены: «годен». Когда нас, этих годных, 2000 человек, погнали от воинского начальника в казармы, по улице чуть ли не в версту длиной стояла толпа — тысячи родственников, матерей, жен с детьми на руках, и если бы вы слышали и видели, как они цеплялись за своих отцов, мужей, сыновей, и, тащась на их шеях, отчаянно рыдали.

Я вообще веду себя сдержанно и владею своими чувствами, но я не выдержал и также плакал...» (На газетном языке это самое выражается так: подъем патриотизма огромный.) «Где та мера, чтобы измерить всё это огульное горе, которое распространится теперь чуть ли ни на одну треть земного шара? А мы,

мы теперь пушечное мясо, которое в недалеком будущем не замедлят подставить жертвами богу мщения и ужаса...

«Я никак не могу установить внутреннего равновесия. О, как я ненавижу себя за эту двойственность, которая мешает мне служить одному господину и Богу...»

Человек этот недостаточно еще верит в то, что страшно не то, что погубит тело, а то, что погубит и тело и душу, и потому и не может отказаться; но, покидая семью, вперед обещается, что через него не осиротится ни одна японская семья. Он верит в главный закон Бога, закон всех религий: поступать с другими так, как хочешь чтобы поступали с тобой. И таких людей в наше время, более или менее сознательно признающих этот закон, не в одном христианском, но и в буддийском, магометанском, конфуцианском, браминском мире не тысячи, а миллионы.

Есть истинные герои — не те, которых чествуют теперь за то, что они, желая убивать других, сами не были убиты, а истинные герои, сидящие теперь

по тюрьмам и в Якутской области за то, что они прямо отказались идти в ряды убийц и предпочли мученичество отступлению от закона Христа. Есть и такие, как тот, который пишет мне, которые пойдут, но не будут убивать. Но и то большинство, которое идет, не думая, стараясь не думать о том, что оно делает, в глубине души уже чувствует теперь, что делает дурное дело, повинуюсь властям, отрывающим их от труда и семьи и посылающим их на ненужное, противное их душе и вере смертоубийство; но идут только потому, что они так опутаны со всех сторон, что «куда же денешься?»

Те же, которые остаются, не только чувствуют, но знают и выражают это. Вчера я встретил на большой дороге порожним возвращавшихся из Тулы крестьян. Один из них, идя подле телеги, читал листок.

Я спросил:

— Что это, телеграмма?

Он остановился.

— Это вчерашняя, а есть и нынешняя.

Он достал другую из кармана. Мы остановились. Я читал.

— Что вчера на вокзале было, — начал он, — страсть. Женщины, дети, больше тысячи; режут, обступили поезд, не пускают.

Чужие плакали, глядучи. Одна тульская женщина ахнула и тут же померла; пять человек детей. Распихали по приютам, а его всё же погнажи... И на что нам эта какая-то Манчжурия? Своей земли много. А что народа побили и денег загубили...

Да, совсем иное отношение людей к войне теперь, чем то, которое было прежде, даже недавно в 77 году. Никогда не было, того, что совершается теперь.

Газеты пишут, что при встречах царя, разъезжающего по России гипнотизировать людей, отправляемых на убийство, проявляется неопиcуемый восторг в народе. В действительности же проявляется совсем другое. Со всех сторон слышатся рассказы о том, как там повесилось трое призванных запасных, там еще двое, там оставшаяся без мужа женщина принесла детей в воинское присутствие и оставила их там, а другая повесилась во дворе воинского начальника. Все недовольны,

мрачны, озлоблены. Слова: «за веру, царя и отечество», гимны и крики «ура» уже не действуют на людей, как прежде: другая, противоположная волна сознания неправды и греха того дела, к которому призываются люди, всё больше и больше захватывает народ.

Да, великая борьба нашего времени не та, которая идет теперь между японцами и русскими, или та, которая может разгореться между белой и желтой расами, не та борьба, которая ведется минами, бомбами, пулями, а та духовная борьба, которая не переставая, шла и теперь идет между готовым к проявлению просвещенным сознанием человечества и тем мраком и тяжестью, которые окружают и давят его.

Христос, тогда еще, в свое время томился ожиданием и говорил: «Огонь пришел низвесть я на землю, и как желал бы, чтобы он возгорелся». (Лука XII, 49.)

Чего желал Христос, совершается. Огонь возгорается. Не будем же противиться, а будем служить ему.

30 Апреля 1904 г.

Я никогда бы не кончил своей статьи о войне, если бы продолжал включать в нее всё то, что подтверждает ее главную мысль. Вчера получено известие о затоплении японских броненосцев, и в так называемых высших сферах русского знатного, богатого, интеллигентного общества без всякого зазрения совести радуются гибели тысячи человеческих жизней. Нынче же я получил от рядового матроса, человека, стоящего на самой низшей ступени общества, следующее письмо:

«Письмо отъ матроса (следует имя, отчество и фамилия). Многа уважаемаму Леву Николаевичу кланеюсь и Вамъ низажуаще Почтение низкае Поклонъ слюбовью многуважаемае Левъ некалаевичъ Вотъ и четаль ваше сочение оно для мене очень была четать Прятна я очень Любитель Быль четать ваше сочение такъ Левъ некалаевичъ унасъ теперь Военая дество какъ Припишите Мне пожалуста Угодна оно Богу ил нетъ что насъ началства застав-

лаеть убевать Прашу я Васъ левъ никалаевичъ Припишите мена Пожалуста что есть теперя на свети Правда ил нетъ Припишите мне Левъ никалаевичъ унасъ уцеркви Идетъ Малитва Священник поминаетъ Христа-любимое военства Правда эта или нетъ что Богъ Узлюбель Воену Прашу я васъ левъ некалаевичъ нетли у васъ такихъ книжекъ чтобъ и увидалъ есть насвети Правда или нетъ Пришлите мне такихъ книжекъ сколка это будетъ стоеть я заплачу Прашу я васъ левъ некалаевичъ неаставте мое прозби когда книжакъ нетъ то пришли-те Мне письмо я очень Буду радъ какъ я Получу ать васъ Письмо Снетерпениемъ буду аждать ать васъ Писма Теперъ да сведане остаюсь живъ издаровъ итого вамъ желаю ота Госпада Бога добраго здорове вделахъ вашихъ хорошаго успеха».

Следует адрес: Порт-Артур, название судна, на котором служит пишущий, звание, имя, отчество, фамилия.

Прямо словами я не могу ответить этому милому, серьезно и истинно просвещенному

человеку. Он в Порт-Артуре, с которым уже нет сообщения ни письменного, ни телеграфного. Но у нас с ним всё-таки есть средство общения. Средство это есть тот Бог, в которого мы оба верим и про которого мы оба знаем, что военное «действие» не угодно Ему. Возникшее в его душе сомнение есть уже и разрешение его.

И сомнение это возникло и живет теперь в душах тысяч и тысяч людей, не только русских и не только японских, но и всех тех несчастных людей, которые насилем принуждаемы к исполнению самого противного человеческой природе дела.

Гипноз, которым одуряли и теперь стараются одурять людей, скоро проходит, и действие его всё слабеет и слабеет; сомнение же о том, «угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать», становится всё сильнее и сильнее, ничем не может быть уничтожаемо и всё более и более распространяется.

Сомнение о том, угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать, это искра того огня, который Христос

Л. Н. Толстой — Одумайтесь!

низвел на землю и который великая радость.
начинает возгораться.

И знать и чувствовать это —

8 Мая 1904 г.

Л. Н. Толстой. ПСС, т. 36, М.-Л., «ГИХЛ», 1936.

8 февраля 1904 началась русско-японская война. На следующий день Л. Н. записал свои мысли по этому поводу, из которых через четыре месяца выросла статья «Одумайтесь!».

20 февраля Лев Николаевич получил телеграмму из Филадельфии от большой американской газеты с вопросом: «За кого он — за русских, японцев или никого?» Ответ Толстого был следующий: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый и вынужденный правительствами воевать против совести, религии и собственного благосостояния». Интересовались его мнением по поводу начавшейся войны и французские корреспонденты Жюль Кларети и Жорж Бурдон.

Вчера я получил от знакомого мне крестьянина одно за другим два письма — имеется в виду М. П. Новиков (1870-1937), чью статью «Наш долг перед Толстым» см. в № 1 нашего Альманаха.

Впервые статья издана в Англии, в издательстве «Свободное Слово», В. Г. Чертковым, в 1904 году, в двух вариантах: в полном, вместе с цитатами, которые занимали приблизительно половину текста, и без цитат, для более удобного нелегального распространения среди простого народа и солдат — так мы и воспроизводим.

В России «Одумайтесь!» вышло впервые в 1906 г., в издательстве «Обновление» и тут же конфисковано. В 1911 напечатано в 19-й части собрания сочинений Толстого и конфисковано.

Статья имела большой успех. «Русские ведомости» перепечатали некоторые отзывы из английской прессы:

«Последнее воззвание Толстого представляет один из самых замечательных документов мировой истории. Это пространная и красноречивая проповедь на текст "война есть убийство". На эту тему он проповедует с логическим пренебрежением к самым излюбленным преданиям мира. Он обнажает войну, срывая с нее ее украшения, гордость, торжественность, и выставляет ее в ее голом безобразии к ужасу человечества. "Храбрость", "патриотизм", "военная слава" — все это для бесстрашного русского реформатора пустые слова, изобретенные для поддержания системы огульной резни, которую люди называют войной... Для цивилизованного человечества, освободившегося или, по крайней мере, отчасти освободившегося от дикого состояния, позорно то, что война, со всеми связанными с нею жестокостями и страданиями, все еще считается не бедствием, которому люди подвергаются, а доблестным делом, достойным восхваления».

«Статья Толстого есть пророческое слово, освещенное светом неземного происхождения. Оно дышит самым духом Христа. Но как ни замечательна эта статья со стороны освещения внутренних условий русской жизни, наш интерес сосредоточивается в борьбе иной, нежели та, которая теперь свирепствует между Россией и Японией. Толстой воплощает самое глубокое сознание современного просвещения. Бог заставляет людей выбирать между Его волей и той животностью, которая до сих пор господствовала среди большинства человечества... Наступает новая заря в эволюции высшего человечества... В словах Толстого есть дух, опасный для всех правительств. Но "когда правители отдаются безнравственному честолюбию и убивают своих братьев, увлекаясь грабительскими войнами, они не должны удивляться, если народ отрекается от них"».

Понятно, что российская проправительственная пресса отнеслась к статье крайне отрицательно. Обвинить писателя в том, что он "продался" вражеской державе, как это делается в настоящее

время, было затруднительно, поэтому просто утверждали, что он выжил из ума.

«Московские Ведомости» 10 июля (27 июня) 1904 года:

«Граф Толстой ныне совершенно чужд России, и для него совершенно безразлично, будут ли Японцы владеть Москвой, Петербургом и всей Россией, лишь бы Россия скорее подписала мир с Японией, на каких угодно, хотя бы самых унижительных и постыдных условиях. Так пошло и подло чувствовать, думать и высказываться не может ни один Русский человек.

Теперь он выпустил за границей возмутительнейший памфлет против России, с которой он уже окончательно порывает всякие связи. Если он еще живет в пределах России, то это объясняется лишь великодушием Русского Правительства, чтущего еще бывшего талантливоего писателя Льва Николаевича Толстого, с которым теперешний старый яснополянский маньяк и богохульник ничего общего, кроме имени, не имеет.

Если бы Правительство сочло возможным сорвать личину с гр. Толстого и показать его русскому народу во всей его безобразной наготе, то этим положен был бы конец всему нашему "толстовству", и тогда, но только тогда, можно было бы предоставить старому сумасброду спокойно доживать свой век в его Ясной Поляне и хоронить там свою бывшую славу».

Кроме указанных Л. Н. экономических причин войны, было еще желание таким образом поднять престиж правительства: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» сказал министр внутренних дел В. К. Плеве. В реальности же именно эта война и подтолкнула страну к революции 1905-7 гг. Война закончилась 5 сентября 1905 г. поражением России. 72.000 пленных пришлось выкупать у Японии за золото. Через некоторое время правительством Николая II она была объявлена ошибкой.

В. Г. Чертков

Что сказал бы Толстой?

Доклад, прочитанный В. Г. Чертковым в Зале Консерватории в Москве, на вечере, устроенном Обществом Истинной Свободы в память 92-й годовщины дня рождения Л. Н. Толстого, 28 августа (10 сент.) 1920 г.

Перед лицом тех ужасов, которые в настоящее время творятся среди человечества, — присутствуя при тех зверствах, которые день и ночь совершаются вокруг нас, многие и многие вспоминают Толстого и спрашивают себя, какое было бы его отношение ко всему этому, если бы он был с нами? И надобно заметить, что спрашивающие, что сказал бы Толстой, если бы он не умер, часто бывают незнакомы с тем, что он действительно говорил, когда был жив. А между тем он так ясно предвидел то, что сейчас происходит, что некоторые его статьи об общественной жизни кажутся написанными сегодня, а не пятнадцать лет тому назад.

Думаю, что в виде вступления к вечеру, посвященному памяти Льва Николаевича Толстого, уместно будет прочесть несколько отрывков из тех его писаний, в которых он предупреждал нас о том, что нам теперь приходится переживать.

О современном состоянии нашей общественной жизни он пишет:

„Никогда люди так ясно не сознавали своих прав на свободу, своего равенства и своего братства, несмотря на все различие национальностей и государств: никогда люди не чувствовали и не понимали так ясно, что все эти бедствия, которым они подвергаются и которые ожидают их, не

должны быть, — что условия, вызывающие эти бедствия, должны быть изменены, и что изменение это во власти их самих".1)

Но, вместе с тем, он говорит:

„Никогда в жизни народов не было такого упадка нравственного чувства, такого принижения и всеобщей подлости, не было такого периода не только несогласия, но резко-го противоречия между сознанием, между идеалом жизни и ее действительностью, — как тот, который мы переживаем теперь".2)

„Во имя блага, свободы, обеспеченности и нравственности людям приходится отказываться и от всякого блага, от всякой свободы, от всякой обеспеченности и от всяких самых даже низших требований нравственности".3)

При этих условиях:

„Неизбежно должны будут происходить большие волнения, жестокости, обманы, предательства, всякого рода беззакония и, вследствие этих беззаконий, должна охладеть любовь, самое важное и нужное для общественной жизни людей свойство"... 4) „Внешние признаки этого я вижу в напряженной борьбе сословий во всех народах; в холодной жестокости богачей; в озлоблении и отчаянии бедных; в безумном, бессмысленном, все растущем вооружении всех государств друг против друга; в распространении неосуществимого, ужасающего по своему деспотизму и удивительного по своему легкомыслию учения социализма; в ненужности и глупости возводимых в наиважнейшую духовную деятельность праздных рассуждений и исследований, называемых наукой; в болезненной развращенности и бессодержательности искусства во всех его проявлениях; главное же, не только в отсутствии в руководящих сферах какой бы то ни было религии, но в сознательном отрицании всякой религии и замене ее признанием законности подавления слабых сильными и потому в полном отсутствии каких бы то

ни было разумных руководящих начал жизни".5)

Говоря здесь о социализме, Толстой, само собой разумеется, имеет в виду не то, что есть в социализме хорошего, навеянного христианством. Он отрицает не свободный социализм, вытекающий из внутреннего сознания согласия и единения; а — социализм принудительный, социализм навязываемый, так называемый „государственный", который тщетно стремится осуществить свободу, равенство и братство, обращая людей в рабов посредством штыка и палача.

Но Толстой не падал духом. Он сознавал, что ужас и безобразие человеческой жизни стали переходить всякие пределы и в сгущавшемся вокруг него мраке он прозревал отблески приближающегося рассвета.

„Ведь то, что теперь делается", размышлял он, „это последние судороги умирающей насильнической, злобной, нелюбовной жизни. Ведь теперь уже не может быть не ясно, что все эти борьбы, вся эта ненависть, все эти насильственные устройства, отстаивание властей, государств разных народов, — что все это бессмысленные, ни к чему, кроме как к все увеличивающимся бедствиям, не ведущие обманы".6)

Он предсказывал „революцию" и приветствовал ее:

„Бывают времена, когда в жизни, как отдельного человека, так и всего человечества сразу открывается ясно та ошибка, которая сделана была в направлении прошедшего, и выясняется та деятельность, которая должна исправить эту ошибку. Это времена революций. И в таком положении находятся теперь христианские народы". 7)

Но революцию Толстой понимает в гораздо более „революционном", глубоком смысле, чем обыкновенно ее понимают. Для него революция не есть замена одной насильственной власти другой, не есть замещение старого начальства новым.

„Переворот", поясняет он, „предстоящий теперь человечеству, состоит в освобождении себя от обмана повинове-

ния человеческой власти. И так как сущность этого переворота совсем иная, чем сущность всех прежде бывших в христианском мире революций, то и деятельность людей, участвующих в этом перевороте, не может не быть совсем иная, чем деятельность участников прежних революций. Деятельность участников прежних революций состояла в насильственном свержении власти и захвате ее. Деятельность участников теперешнего переворота должна и может состоять только в прекращении потерявшего смысл повиновения какой бы то ни было насильнической власти и в устроении своей жизни независимо от правительства". 8)

„Пусть только народ перестанет повиноваться правительству, — и не будет ни податей, ни отнятий земли, ни всяких стеснений от власти, ни солдатства, ни войн". 9)

„Для того, чтобы совершился этот великий переворот, нужно только чтобы люди поняли, что государство, отечество есть фикция; а жизнь и истинная свобода есть реальность; и что поэтому не жизнью и свободой надо жертвовать для искусственного соединения, называемого государством, а ради истинной жизни и свободы — освободиться от суеверия государства и вытекающего из него преступного повиновения людям". 10)

„Народу не нужно никакого, ни самого деспотического, ни самого демократического правительства, как не нужны человеку ни медные, ни железные, ни короткие, ни длинные цепи. Народу не нужны никакие отдельные свободы, а нужна одна, настоящая, полная, простая свобода". 11)

„Мы не можем знать, в какие условия станут народы, переставшие повиноваться власти, но несомненно знаем, что мы, каждый из нас, должны делать для того, чтобы эти условия жизни народов были наилучшие.

„Мы несомненно знаем, что для того, чтобы условия эти были наилучшими, мы прежде всего должны воздерживаться от тех дел насилия, которые требует от нас существую-

щая власть, и точно также и от тех, к которым призывают нас люди, борющиеся с существующей властью для установления новой, и потому должны не повиноваться никакой власти. И должны не повиноваться не потому, что мы знаем, как сложится наша жизнь, вследствие нашего прекращения повиновения власти, а потому, что повиновение власти, требующей от нас нарушения закона Бога, — есть грех. Это мы несомненно знаем, знаем и то, что от того, что мы не будем нарушать волю Бога, не будем делать греха, ничего, кроме добра, как для нас, так и для всего мира, выйти не может “. 12)

Толстой спрашивал себя, почему же народ все еще не приступает к этой коренной революции, почему он не освобождает себя, наконец, от всякой государственной власти этим единственным возможным средством неповиновения начальству?

„Это так просто“, замечает он, „и так кажется легко. Отчего же люди не делали это до сих пор и теперь еще не делают этого?“ 13)

И он отвечает:

„А от того, что для того, чтобы не повиноваться правительству, надо повиноваться Богу, т. е. жить доброй, нравственной жизнью. Только в той мере, в которой люди живут такой жизнью, т. е. повинуются Богу, могут они и перестать повиноваться людям и освободиться“. 14)

И он видел приближение того времени, когда люди поймут, что надо как говорили первые христиане, „повиноваться Богу более, нежели человекам“, чтобы достигнуть того блага, которого они ищут.

„Человечество“, писал он „в наше время находится в муках родов этого устанавливающегося Царства Божии, и муки эти неизбежно кончатся родами“. 15)

И как радовался Лев Николаевич этому приближению. В его частных письмах, мы встречаем такие строки:

„Как бы желал вам передать все то радостное, те призна-

ки приближения весны, которые чувствую в доходящих до меня проявлениях жизни со всех сторон". 16)

Или, в другом письме:

„Не только иногда, но и теперь постоянно вижу зарю нового света. И она все разгорается. И радостно и жить и умирать". 17)

Невольно представляешь себе, насколько Лев Николаевич, еще больше нарадовался бы, если бы дожил до наших дней и увидел бы, с каким еще большим, совсем особенным напряжением русский народ теперь повсеместно ищет правды Божьей и с какой горячей отзывчивостью, с каким радостным восторгом узнает он свою собственную душу в писаниях его — Толстого.

Но Толстой хорошо понимал, что

„наступление этой новой жизни не делается само собой, наступление это зависит от нас. Мы должны сделать его, — „Царство Божие внутри нас". 18)

Но что нам нужно делать для того, чтобы приблизить это „Царство Божие"? В чем заключается добрая, нравственная жизнь? И где нам найти необходимые силы для повиновения Богу, а не людям?

Всякое дело человеческой жизни начинается в сознании людей. В России, в настоящее время, народное духовное сознание пробуждено и развивается с поразительным напряжением. Для того, чтобы мы имели возможность принимать посильное участие в этом движении, от которого зависит вся духовная судьба нашего народа и в настоящем и в будущем, от каждого из нас требуется очень немного. Но, вместе с тем, это „немногое" является делом громадной важности. А именно, нам необходимо обратиться к тому голосу добра и правды, который звучит в глубине души каждого из нас, и прислушиваться к нему с намерением исполнять не свою волю, но — волю той Высшей Силы, которая пустила нас в жизнь. Голос этот прежде всего говорит нам, что мы должны доверять самим себе, верить тому хорошему и разумному, что вложено в наше сознание; — верить нашему здравому смыслу, говорящему нам, что

плохими средствами, т. е. притесняя, насилуя и убивая людей невозможно достигнуть ничего хорошего: — верить своему сердцу, внушающему нам, что нужно всех любить и жалеть, не разделяя людей на друзей и врагов, но относясь ко всем как к братьям, — детям одного Отца небесного. А поверив этому голосу Божьему в нашем сознании, мы должны напрягать все свои силы к тому, чтобы согласовать нашу собственную жизнь с этими требованиями, и, вместе с тем, должны делать все от нас зависящее для распространения среди людей того света разумения, которым мы располагаем. Живя так и не боясь, а жалея тех кто, как говорил Иисус, „в состоянии убить наше тело, но души нашей не могут убить" мы сделаем все, что в наших силах, для уменьшения тех ужасов, которые сейчас происходят вокруг нас, и вообще — для исполнения перед Богом и людьми нашего назначения на земле.

Об этом Толстой прекрасно говорит в одном из своих воззваний (к юношеству), из которого я, в заключение, приведу несколько строк:

„Верьте только себе, и не бойтесь несогласия со взглядами и мыслями людей, окружающих вас, если только несогласные с ними ответы ваши на представляющиеся вам вопросы основаны не на ваших личных желаниях, а на желании исполнить назначение своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала вас в жизнь. Верьте себе, особенно когда ответы, представляющиеся вам, подтверждаются теми вечными началами мудрости людской, выраженной во всех религиозных учениях и в наиболее близком вам учении Христа в его высшем, духовном значении...

„Не верьте тому особенно усилившемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека — это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время общества, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию. Не верьте этому, цель эта ничтожна перед целью проявления в

себе того божественного начала, которое заложено в душе вашей. И цель эта ложна, если она допускает отступления от начала добра, заложенного в душе вашей. Не верьте этому.

„Не верьте тому, что осуществление добра и истины невозможно в душе нашей. Такое осуществление добра и истины не только не невозможно в душе нашей, но вся жизнь, и ваша, и всех людей, только в одном этом, и только это осуществление в каждом человеке ведет не только к лучшему переустройству общества, но и ко всему тому благу человечества, которое предназначено ему и которое осуществляется только личными усилиями каждого отдельного человека.

„Да, верьте себе, когда в душе вашей будут говорить не желание превзойти других людей, отличиться от других, быть могущественным, знаменитым, прославленным, быть спасителем людей, избавителем их от вредного устройства жизни (такие желания часто подменяют желания добра), а верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться, потому что в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот Бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас подобное Ему, начало, — жить по Божьи, как говорят мужики.

„Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе Бога, и вы сделаете все, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира".

19)

Вот, что говорил Толстой пятнадцать лет тому назад. Мы не можем знать, что именно сказал бы он сейчас, если бы был жив, но знаем, что сказанное им тогда остается истиной и до сих пор и на все времена.

1), 2), 3) и 4) Из неизданных черновых Л. Н. Толстого к „Царство Божие" 1892 г. (Архив В. Г. Черткова). Те же мысли, но более подробно, изложены в его книге „Царство Божие внутри вас". (Издана в России в 1907 г., „Посредником" и другими). — **В. Ч.**

5), 7) „Конец века" 1906 г. Изд. „Единения" 1917 г. Москва.

6) „Любите друг друга". 1909 г. изд. „Посредника" 1917 г. М.

8), 9), 10), 11), 13), 14) „Конец века" 1906 г.

12) „О значении русской революции".

15), 18) Послесловие к книге „Жизнь и смерть Дрожжина". 1895 г. (заграничное изд.).

16), 17) Из частных писем. 1889 г. и 1900 г.

19) „Верьте себе".

Впервые напечатано: «Голос Толстого и Единение и Истинная Свобода», Октябрь-Ноябрь 1920.

«Предположим, что местные уличные беспорядки и убийства в конце концов вызовут более обширное восстание среди рабочего народа... Можно ли, в таком случае, рассчитывать на то, что он сумел бы ввести новые, лучшие общественные порядки? Если, после продолжительной междоусобной войны, победа и досталась бы народу, то народ этот составляли бы толпы разъяренных людей, озверевших в дикой резне. Понятно, что эта масса одичавших людей, потерявших божеский облик и всякую власть над собою, оказалась бы в полном распоряжении тех вождей, которые руководили ею во время войны. А во время междоусобной резни командуют толпами народа люди самые бессовестные и отчаянные. Захвативши в свои руки власть, люди эти еще хуже, чем кто-либо другой, стали бы вить веревки из того же рабочего народа и губить его сотнями тысяч, ради удовлетворения своего собственного тщеславия, честолюбия и выгоды. Так постоянно бывало в истории человечества. Да иначе и быть не может: когда народ теряет удерж над собою, то он неизбежно становится слепым орудием в руках обманщиков.

В. Г. Чертков. «О революции»

Владимир Григорьевич Чертков

Биографический очерк

В Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого переписка с его ближайшим другом и единомышленником составила пять томов (тт. 85-89). В первом из них дана небольшая биография и список основных сочинений В. Г. Черткова. Редактором этого тома являлась Л. Я. Гуревич (1866-1940), в прошлом — издательница журнала «Северный вестник», в котором был напечатан ряд произведений Льва Николаевича, и которая лично знала их обоих.

Владимир Григорьевич Чертков... родился 22 октября [3 ноября] 1854 г. в Петербурге. Родители его, Григорий Иванович Чертков (1828—1884) и Елизавета Ивановна Черткова, урожденная гр. Чернышева-Кругликова (1832—1922), принадлежали к высшему кругу петербургского аристократического общества, соприкасавшемуся с царским двором. Дворянский род Чертковых, судьбы которого прослеживаются в прошлом начиная с XVII в., числил за собой несколько преданных царской власти деятелей на военном и государственном поприще, из которых один — Александр Дмитриевич

Чертков (1789—1858) — был в то же время археологом, историком и создателем «Чертковской библиотеки», находящейся теперь в Московском Историческом музее. Григорий Иванович Чертков окончил Пажеский корпус и при Николае I был его флигель-адъютантом, а при Александре II генерал-адъютантом, проходя в то же время разные ступени военного командования — от командира Преображенского полка до начальника дивизии. Типичный военный того времени по своему кругозору, автор весьма распространенной тогда в войсках «Солдатской памятки», он отличался в то же время редкой в придворных сферах прямоотой и

независимостью характера. Вызванная гангреной ампутация обеих ног прервала в 1870-х гг. его военную карьеру, но и последние десять лет своей жизни он продолжал работать по своей специальности у себя на дому, занимая пост председателя главного Комитета по устройству и образованию войск.

Мать В. Г. Черткова, Елизавета Ивановна, с которой он был особенно близок, происходила из семьи декабристов; родной дядя ее гр. Захар Григорьевич Чернышев (1796—1862) был сослан после 14 декабря в Читу; тетка ее Александра Григорьевна, урожд. Чернышева, была замужем за Никитой Михайловичем Муравьевым (1796—1844), который стоял во главе Северного общества, был приговорен к смертной казни, но помилован и сослан на каторжные работы в Сибирь, куда жена последовала за ним. Бабка В. Г. Черткова, Софья Григорьевна, гр. Чернышева-Кругликова, поддерживала отношения с братом и сестрой, и дети ее выросли в атмосфере семейного горя.

Мать В. Г. Черткова, Елизавета Ивановна, была еще молодой девушкой, когда родители ее умерли. Ее рано начали вывозить в свет, где при своей выдающейся красоте она не могла не пользоваться успехом. На первом же придворном балу она была представлена Николаю I, на испытующий вопрос которого о ее сосланном дяде она твердо ответила, что сохранила с ним самые сердечные родственные отношения. Выйдя замуж за Г. И. Черткова, она сохраняла такое видное положение в свете и при дворе, что Александр II, с которым она была хорошо знакома еще в то время, когда он был наследником, будучи уже царем, запросто приезжал к ней и ее мужу без всякой охраны. Однако она не имела никакого тяготения к придворной жизни и когда императрица Мария Александровна предложила назначить ее статс-дамой, она отказалась. Через несколько лет после вступления в брак обязанности матери отвлекли ее от светской жизни: из трех сыновей ее, Григория, Владимира и Михаила,

И. Е. Репин. Портрет В. Г. Черткова (1890).

Картинная галерея Альманаха, № 2.

старший и младший постоянно болели, и она подолгу жила с ними за границей, на юге, где в 1866 г. скончался ее младший сын, а четыре года спустя и старший. Но уже после смерти младшего сына светская жизнь стала невозможной для нее. Она находила утешение только в религии и, познакомившись за границей с последователями лорда Редстока, основателя евангелического учения, на всю жизнь сделалась строгой евангелисткой. Во время приезда Редстока в Петербург, она познакомилась с ним мужа своей сестры, В. А. Пашкова, и таким образом содействовала возникновению русской организации евангелистов, так называемых «Пашковцев». Свое время она делила между единственным оставшимся у нее сыном и мужем и занятиями широко поставленной благотворительностью.

В. Г. Чертков вырос в атмосфере религиозных интересов, скованных определенной догматикой, и среди людей, хотя и независимых по характеру, но полностью принимавших строй окружающей их жизни. Образо-

вание он получил домашнее, пользуясь уроками серьезных преподавателей. Имея склонность к ораторским выступлениям, он намеревался в дальнейшем закончить университет и сделаться адвокатом, защитником невинно-пострадавших. Но вследствие тяжелой болезни, явившейся результатом солнечного удара на охоте в воронежских степях, ему были строго запрещены усиленные умственные занятия. Тогда он поступил вольноопределяющимся в конногвардейский полк и вскоре был произведен в офицеры. В течение семи лет он жил той жизнью аристократа-офицера, вспоминая которую тридцать лет спустя, он писал: «Всем трем классическим порокам — вину, картами женщинам — я предавался без удержу, живя, как в чаду, с редкими промежутками отрезвления».¹ Но эти промежутки внутреннего отрезвления, о которых он говорит, не проходили для него

¹ «Страница из воспоминаний. Дежурство в военных госпиталях», Вестник Европы, 1909, XI и отдельной брошюрой, М., 1914.

даром. Он много читал, и особенное влияние оказали на него в эту пору жизни произведения Достоевского, содействовавшие пробуждению умственных запросов и установлению демократического отношения к людям. Он сделал попытку организовать в полковом клубе чтения и собеседования на исторические темы, однако по требованию начальства они вскоре были прекращены. Но особенно много дали ему для расширения его внутреннего кругозора обязательные тогда для младших офицеров гвардейских полков дежурства в военных госпиталях, порядки которых, безобразные по отношению к содержащимся там солдатам и особенно жестокие по отношению к попадавшим туда больным политическим заключенным, толкнули его к открытому протесту и противодействию приказам военного госпитального начальства, что должно было иметь для него серьезные последствия. Дело было замято только в виду положения его отца. Жизнь его продолжала идти по прежнему пути, но моменты внутреннего просветле-

ния оставляли все более глубокий след. «Тогда спадали с моих глаз очки условного общественного мнения моей среды, и я видел себя таким, каким был на самом деле... Со всем страстным напряжением пробуждавшегося сознания я обращался к той высшей сущности,... которую я тогда представлял себе еще в виде личного бога», говорит он в той же «Странице воспоминаний». Он обращался тогда к Евангелию и, оставляя в стороне уже смущавшее его чудесное и непонятное, в жизни и учении Иисуса находил поддержку тем сомнениям в правильности существующего общественного строя, которые пробуждались в нем самом. Однако его еще смущал вопрос о приложимости евангельского учения к жизни и, как бы проверяя на других основательность своего преклонения перед ним, он стал читать наиболее простые и понятные места Евангелия больным солдатам. Подсаживаясь к ним на кровать, он вступал с ними в разговоры, которые раскрывали перед ним их жизнь и вместе с тем утверждали его в мысли, что Еванге-

лие так же действует на них, как и на него. «Какая, думал я, непримиримая, казалось бы, противоположность между положением этого умирающего солдата и моим! Он — по рождению кормящий себя и других крестьянин, я — праздный, поедающий чужие труды барченок-аристократ... А между тем оказывается, что общее есть»...

Начавшийся таким образом внутренний процесс привел В. Г. Черткова к убеждению, что христианство в том виде, как он теперь понимал его, несовместимо с той жизнью, которую он вел, как представитель своего класса, и прежде всего несовместимо с военной службой. В 1879 г. он решил выйти в отставку, но по настоянию своего отца взял лишь отпуск на одиннадцать месяцев и уехал в Англию. По возвращении оттуда, склонившись на просьбы родителей, «для испытания себя» продлил военную службу еще на один год. В 1881 г. убийство Александра II, которого он лично знал с детства, вместе с жалостью вызвало в нем вспышку уже угасавших монархических чувств. Но

это было ненадолго. В том же году, не взирая на огорчение родителей, ожидавших назначения его на флигель-адъютантскую должность при Александре III, особенно благоволившем к ним, Чертков вышел в отставку и навсегда порвал со всем складом своей петербургской жизни.

Уехав в степное имение своих родителей, Лизиновку, Острогожского у. Воронежской губ., он решил посвятить себя облегчению нужд местного крестьянского населения. Он устраивал потребительские лавки, ссудосберегательные товарищества, школы, библиотеки, читальню, чайную, а в своей слободе Лизиновке, имевшей до 5000 жителей, стал насаждать ремесла, основав там ремесленную школу с сапожным, столярным, бондарным и ведерным отделениями, которая стала выпускать местных мастеров по этим специальностям, что давало крестьянам дополнительный заработок и освобождало население от необходимости пользоваться в указанных областях товарами купцов-спекулянтов. Одновременно он работал и в

местном земстве, где ему удалось сплотить группу людей, имевших в виду крестьянские интересы. Позднее, в 1883 г., он был выбран земским собранием в члены училищного совета и, объезжая школы, находившиеся даже на большом расстоянии от Лизиновки, повсюду вел борьбу с рутинной и казенщиной преподавания, заступался за народных учителей, когда их притесняли местные власти, и заботился о повышении их образовательного и педагогического уровня. Привычки личной своей жизни он к этому времени уже очень упростил и, переселившись из дома родителей в комнату при ремесленной школе, жил там с учителями и сотрудниками, которым хотел передать и все управление школой на товарищеских началах. При поездках по железной дороге он садился в 3-й класс, где пускался в разговоры и споры «о таких вопросах, как несправедливое имущественное отношение между господами и рабочими, произвол и дикость государственной власти, бессмысленность церковных обрядов, корыстолюбие и обман церковно-

служителей» (из ненапечатанных отрывков Воспоминаний Черткова). По его словам эти поездки в 3-м классе, в простой одежде, были для него «настоящим откровением» по отношению к русскому народу.

В этой полосе своей жизни он был уже настолько далек от той сферы, к которой принадлежал по рождению, что типичные представители окрестного дворянства, богатые помещики, были настроены против него крайне враждебно и называли его «сумасшедшим». Слухи о характере его новой жизни дошли и до Александра III, по распоряжению которого за ним был установлен негласный надзор полиции.

Между тем совершающийся в нем процесс, всё дальше уводящий его от прежних понятий и привычек, не прекращался. Сознание нравственной недопустимости капиталистического строя, искание тех путей, которыми можно было бы практически разрешить для себя назревшие социальные вопросы в соответствии с евангельским учением всё более волновали его. Н. В. Давыдов, познакомив-

шийся с ним летом 1883 г. на свадьбе его приятеля, земского деятеля Р. А. Писарева, и имевший с ним тогда же долгий ночной разговор, сообщает в книге своей «Из прошлого», что «искание» Черткова носило в то время, «очень энергичный, даже страстный характер». В этом разговоре Чертков впервые узнал от Давыдова, что по всем особенно волнующим его вопросам он является единомышленником Толстого. Понятно, что с этого времени стремление увидеться с Толстым уже не оставляло Черткова. Толстой со своей стороны заинтересовался Чертковым по рассказам приезжавшего к нему в конце августа того же года Г. А. Русанова, пробывшего десять лет членом острогожского окружного суда. Через два месяца после этого, около 25 октября 1883 г., при проезде Черткова через Москву в Петербург для свидания с родными, состоялось, наконец, их знакомство, вскоре перешедшее в глубокую дружбу. Толстому было в то время 55 лет, Черткову 29, но эта очень значительная разница лет не отразилась на характере их отно-

шений.

Сближение их уже через год с небольшим завершилось общим большим делом: основанием «Посредника». История этого идейного предприятия, вызвавшего живые отклики в различных группах и слоях русского общества того времени и сыгравшего очень большую роль в приобщении к культуре трудящихся масс, выясняется с достаточной полнотой из... писем Толстого к Черткову и комментариев к ним. Здесь важно только отметить, что издательство, получившее название «Посредник» и далеко оставившее за собой по тиражу выпускаемых им книжек все существовавшие опыты в том же роде, как возникновением своим в конце 1884 г., так и организацией — с привлечением к делу Сытина и использованием его огромного распространительного аппарата — было всецело обязано Черткову. Отношение его к этому делу определялось теми взглядами его, которые он сформулировал в письме от 16 мая 1885 г. к одной молодой девушке, А. Н. Сиротининой, желавшей приобщиться к деятель-

ности «Посредника»: «Время и труд наш принадлежат не нам, капиталистам культуры и аристократам ощущения, а тем миллионам обделенных и всячески голодающих работников, которые носят нас на своих плечах и благодаря бедности которых нам удалось накопить наши умственные капиталы...» Живя после смерти отца, в 1884 г., с матерью — то в Петербурге, то в Лизиновке, а летом уезжая для сопровождения ее в Англию, он не переставал стоять в центре дела в качестве редактора его, интересоваться каждой мелочью в нем. Это положение вещей не изменилось и тогда, когда, женившись в 1886 г. на близкой ему по духу Анне Константиновне Дитерихс, работавшей в «Посреднике» со дня открытия его петербургского склада, Чертков с весны 1888 г. и самую редакцию «Посредника» перенес в деревню, на хутор Ржевск (недалеко от Лизиновки), где он работал совместно с женой, одно время при участии И. И. Горбунова-Посадова, поддерживая огромную переписку с авторами и художниками, делавшими ри-

сунки для книжек, с Сытиным, со складом «Посредника» и многочисленными добровольными распространителями его изданий, доставлявшими в редакцию отзывы читателей, собиранию которых Чертков придавал огромное значение. В редакторской своей деятельности он в это время уделял особое внимание серии книжек, излагавших учения мыслителей разных стран и эпох, для которой сам он написал книжку «Римский мудрец Эпиктет, его жизнь и учение», вышедшую в 1889 в изд. «Посредника».

По мере того как популярность «Посредника» и спрос на его книжки увеличивались, возрастала и придирчивость к нему со стороны цензуры. Старые связи Черткова, благодаря которым ему удалось в 1884 г. получить разрешение на открытие склада в Петербурге, были непригодны для того, чтобы охранять идейные интересы «Посредника». Приходилось для пропуска той или другой книжки изловчаться, представляя в цензуру печатающиеся книжки без фирмы «Посредника», иногда без имени автора, то в одном городе, то в другом, но кроме того часто идти на компромиссы, на урезки того, что было для редакции всего существеннее. Всё это настолько тяготило Черткова, что, проработав в качестве главного редактора «Посредника» девять лет, он к концу 1893 г. отказался от редакторства и передал свои обязанности П. И. Бирюкову и И. И. Горбунову. В это время дело было уже развернуто во всех своих отраслях и обслуживало не только художественной, но и научно-популярной литературой, и книжками религиоз-

но-философского и этического характера, и картинками с текстом — миллионы читателей «из народа», взрослых и детей, а также известные круги трудовой интеллигенции. Выпущено было в огромных тиражах, по исключительно-доступной цене от 1½ коп. за книжку, свыше 250 названий, из них 44 произведения Толстого. В беллетристическом отделе «Посредника» печатались Гаршин, Эртель, Лесков, Короленко, Чехов, Засодимский, Златовратский, Барыкова и мн. др. Из них Гаршин, Эртель, отчасти Барыкова сделались личными друзьями Черткова и поддерживали с ним отношения до конца жизни.²

Для иллюстрации печатающихся книжек и для создания особой серии картин с текстом, которые раскупались взамен популярных лубочных картинок, Чертков, особенно интересовавшийся этим, привлек к делу целый ряд художников, в том числе Крамского, Репина, Кив-

² Письма Эртеля к Черткову и многие письма Черткова к Эртелю вошли в том «Писем» последнего, под ред. М. Гершензона, М., 1909.

шенко, Савицкого, Ярошенко, Соллогуба и др. — частью «передвижников», частью принадлежавших к другим направлениям. Из названных художников рано умерший Крамской был знаком с Чертковым и во многом близок ему еще до основания «Посредника», с того времени, как по заказу его родителей писал его портрет.³

Еще в период своей редакторской деятельности в «Посреднике» Чертков, постоянно уговаривая Толстого отдавать как можно больше времени и сил художественному творчеству, тем не менее делал всё возможное для распространения его теоретических сочинений. Некоторые из них он размножал у себя на гектографе и рассылал знакомым, навлекая этим на себя крайнее неудовольствие могущественного в то время прокурора синода, К. П. Победоносцева. Но кроме того в первый же год своего знакомства с Толстым он взялся

за перевод на английский язык сочинений его «Исповедь», «В чем моя вера» и «Краткое изложение Евангелия». Перевод этот был исполнен при участии нескольких сотрудников, англичан, и выпущен без подписи Черткова в 1885 г. в Англии, одним томом, состоящим из трех частей, под общим заголовком «Christ's Christianity» («Христианство Христа»). Чертков издал его на собственные средства, которые он ежегодно получал от матери (отец его, опасаясь, что он раздаст всю землю крестьянам, завещал свои огромные воронежские имения Е. И. Чертковой, с тем, чтобы она делила с сыном лишь получаемые от них доходы) и большую часть которых тратил на свою просветительную деятельность среди крестьян и на содержание редакции «Посред-

³ Письма Крамского к Черткову напечатаны в книге «И. Н. Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», изд. Суворина, СПб., 1888.

ника». По его же инициативе и при его непосредственном участии было переведено на английский язык сочинение Толстого «Так что же нам делать», для которого он приискал издателя. Так положено было начало его деятельности по распространению трудов Толстого за границей.

Освободившись от редактирования «Посредника», Чертков в ближайшие годы, с 1894 до 1896 включительно, проводит лето в дер. Дёменке, около Ясной поляны. В это время Черткову удалось оказать Толстому помощь в деле упорядочения накопившихся за много лет и неразобранных бумаг его. Вместе с тем, начав уже с 1889 г. заботиться о том, чтобы всё написанное Толстым, — в том числе и все письма его к разным лицам, — систематически копировалось, Чертков за указанные годы достиг значительных результатов и в этом деле. В дальнейшем задача эта была осуществлена полностью, причем один экземпляр копий поступал на хранение к Черткову.

Проводя лето подле Толстого, в остальное время года

Чертковы обычно жили у себя на хуторе в Воронежской губ., отдаваясь теперь собиранию документальных данных касательно брожения религиозной мысли в разных русских народных сектах и у отдельных лиц и групп, отпадавших от господствующей церкви и тем самым вступавших в конфликт с правительством. Еще в ноябре 1888 г. Чертков писал Эртелю, что сектантство является той стороной русской народной жизни, которая известна ему не только через посредство литературы, но и путем непосредственного общения с представителями различных подпольных течений в русском народе. «Этому способствовали отчасти, — говорит он, — мои близкие сношения с кружком пашковцев, среди которых я вырос и который навещали всякие сочувствующие и несочувствующие сектанты самых разнообразных направлений и оттенков, а главное мой личный интерес ко всем тем «духовным» вопросам и движениям, которые волнуют в настоящее время народное море». В 1890-х гг. под влиянием доходивших до него с разных сторон

сведений о жесточайших гонениях на сектантов как со стороны властей, так и со стороны местного населения, подстрекаемого духовенством, Чертков задался целью собрать как можно больше материала на данную тему, чтобы, составив на основании его книгу, предать всё совершающееся широкой гласности. С этой целью он организовал целую сеть непосредственных письменных сношений с сектантами. Ближайшим его помощником в этом деле, кроме А. К. Чертковой, был живший у него И. М. Трегубов.

Особенное внимание Чертков уделял положению лиц, отказывающихся по религиозным убеждениям от военной службы и подвергавшихся за это таким мучительствам, которые не могли быть оправданы даже с точки зрения правительственных интересов. Участь Евдокима Дрожжина, в конце концов замученного на смерть в воронежском дисциплинарном батальоне, и других, шедших по тому же пути, вызывали с его стороны настойчивые обращения к высшим властям, с использованием всех прежних связей, но

обычно это ни к чему не приводило. В 1895 г. на Кавказе началось движение среди духоборцев (или духоборов, как их чаще называют) с массовым отказом от военной службы и торжественным сожжением всего имеющегося у них оружия на кострах. Это вызвало дикую расправу с ними со стороны представителей власти, массовые заключения в тюрьмы, сечение колючими розгами, расселение нескольких тысяч семей по пустынным углам Кавказа, где они гибли от брюшного тифа и малярии. Захваченный всем происшедшим так же, как и Толстой и другие близкие ему люди, Чертков изложил свой взгляд на дело в брошюре «Напрасная жестокость». Она была размножена гектографическим способом и разослана им правительственным лицам, а затем в 1896 г. нелегально отпечатана им в Лондоне, в типографии Вольной русской прессы. Несколько времени спустя, в декабре того же 1896 г., Чертков вместе с П. И. Бирюковым и И. М. Трегубовым составили и подписали касающееся положения духоборов воззвание к об-

ществу под заглавием «Помогите». Так же как и предыдущая брошюра, оно было разослано в большом числе экземпляров членам правительства и общественным деятелям, а в начале 1897 года вышло с послесловием Толстого в Лондоне, как издание Черткова. В январе 1897 г. Бирюков и Чертков написали новую брошюру на ту же тему — «Положение духоборов на Кавказе в 1896 г. и необходимые средства облегчения их участи», где осуждение правительственных действий было высказано еще откровеннее. Но уже через неделю после ее написания деятельность ее авторов на русской почве была пресечена постановлением Комитета Министров.

На 3 февраля находившийся в Петербурге Чертков был вызван по неизвестному ему поводу к министру внутренних дел Горемыкину и готовился идти к нему с сообщением о духоборах. Однако с утра 2 февраля в занимаемое Чертковым помещение, в Галерной гавани, нагрянули с длительным обыском. Протокола этого обыска Чертков не подписал, Горемы-

кина же известил письмом, что после происшедшего в квартире его, Черткова, «нападения и ограбления» он не поедет к нему. На следующий день Горемыкин приехал к Е. И. Чертковой, чтобы сообщить ей, что Комитет Министров, признавая сына ее виновным в пропаганде и незаконном вмешательстве в дела о сектантах, постановил сослать его в Сибирь, но так как императрица-мать, узнав об этом, просила Николая II смягчить это решение в память дружбы ее и Александра III к его родителям, то В. Г. Черткову предоставляется выбрать между высылкой под надзор полиции в Прибалтийский край или, на неопределенный срок, за границу. Запрошенный матерью, Чертков ответил, что предпочитает уехать за границу. Одновременно с Чертковым были высланы, в Прибалтийский край, Бирюков и Трегубов. 13 февраля 1897 г. Чертковы уехали в Англию, проведя перед тем несколько дней с Толстым, который, узнав об их высылке, поспешил приехать проститься с ними в Петербург.

Чертковы прожили в Англии

около одиннадцати лет, шире прежнего развертывая ту деятельность, которая была прекращена в России. По приезде в Лондон, Чертков издал там вышеуказанную брошюру, написанную им вместе с Бирюковым, — «Положение духоборов на Кавказе». В том же году он написал и напечатал посвященную духоборам брошюру на английском языке «Christian martyrdom in Russia» со статьей Толстого. В 1898 г., поселившись близ городка Пэрлей, в Эссексе, он выпустил небольшую книжку свою, под заглавием «Где брат твой? Об отношении русского правительства к людям, не могущим становиться убийцами». Но положение духоборов, продолжающее волновать Толстого и всех близких ему, требовало и чисто практической помощи: значительная часть их была выселена в Якутскую область, другая часть погибала на Кавказе, но в начале 1898 г. им удалось выхлопотать, через императрицу-мать, разрешение на выезд за границу. Необходимо было отыскать земли, куда можно было бы поселить до 7000 людей, и собрать

средства для их переселения. Об этом Толстой писал Черткову в марте 1898 г. В то время как сам он занялся

изысканием и собиранием этих средств, живя в России, Черткову удалось заинтересовать данным вопросом английских квакеров, которые были близки духоборам по религиозным убеждениям и имели постоянную организацию для помощи гонимым за религиозные убеждения в разных странах. Для переселения духоборов квакеры образовали особый Комитет с участием Черткова. Часть духоборов была временно поселена на острове Кипре, а затем для них были отысканы более подходящие земли в Канаде, куда они и были, наконец, перевезены.

Деятельность Черткова по переселению духоборов продолжалась два года. Одновременно он продолжал собирать, путем письменных и личных сношений, материалы, касаю-

щиеся других течений в русском сектантстве, образовав специальный архив по сектантскому движению, заключавший в себе к 1902 г. уже около 4000 документов.

Но главным делом Черткова в Англии было распространение запрещенных в России сочинений Толстого и общих с ним идей христианского анархизма. Уже в 1897 г. им были изданы отдельными брошюрами на русском языке несколько произведений Толстого, написанных в 1896 г.: «Как читать Евангелие и в чем его сущность», «Приближение конца», «Христианское учение», «Об отношении к государству» (три письма), а также более ранний труд его «Царство Божие внутри вас». Всё вновь написанное Толстым немедленно пересылалось Черткову в подлинниках или копиях и немедленно издавалось и тотчас же переводилось для издания на английском языке — самим Чертковым, по большей части вместе с английской писательницей И. Ф. Мэйо или А. К. Файфильдом, который сделался помощником Черткова в основанном им английском

издательстве под фирмой «Free Age Press». За время пребывания Черткова в Англии это издательство выпустило в свет, считая небольшое число повторных изданий, свыше 60 номеров крупных и мелких произведений Толстого и некоторых близких к нему авторов, причем на каждом выпуске значилось, что перепечатка его разрешается безвозмездно всем желающим. Большая часть их действительно перепечатывалась. С 1899 г., со времени напечатания романа «Воскресенье», Чертков сделался уполномоченным Толстого в отношении всех лиц, желавших переводить его произведения и издавать их на иностранных языках.

Русское издательство Черткова, получившее с конца 1898 г. название «Свободного слова», тоже разрасталось. Поселившись в 1901 г. около г. Крайстчерч, в 150 километрах от Лондона, Чертков оборудовал там на средства, полученные от его матери, русскую типографию и предпринял издание «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России», — первоначаль-

но в 10 томах. В то же время издательство продолжало печатать отдельными выпусками и вновь выходящие произведения Толстого. Но деятельность Черткова развивалась и в других направлениях. Уже в 1901 г. Чертковы стали издавать журнал «Свободное слово» (приблизительно 6 книжек в год) и «Листки свободного слова». В каждом № журнала помещались: 1) сведения о Толстом или отрывки из его неизданных писаний (из его дневника, из частных писем и т. п.); 2) обильные материалы о движениях в русском сектантстве и гонениях на него, об отказах от присяги и военной службы как в России, так и в других странах; 3) теоретические статьи по вопросам христианского анархизма («Что такое анархизм» — в №№ 8—13, «О власти» — в №№ 11—13, «Бескровное разрушение» в № 8 и т. п.); 4) многочисленные отклики на явления социально-политического характера в России и отчасти за границей, рассматриваемые с точки зрения христианского анархизма. Многие из этих заметок писал сам Чертков («Дело Павловских

крестьян — в №№ 1 и 3, «Случай с Балтийской эскадрой» — в связи с начавшейся войной на Дальнем Востоке — в № 43, «Толстой и японцы» в № 16, «О гурийском движении» в № 16, «Сведения из современной жизни в России» — в «Листках Своб. слова», №№ 8, 9, 14, 15); другие присылались корреспондентами Черткова с мест или составлялись в Англии по газетам (напр., заметки об избиении демонстрирующих безработных в Париже, о стеснениях свободы слова в Венгрии, о Кишиневском погроме, о разных манифестах в царской России). Журнал просуществовал, с перерывом в 1903 г., до сентября 1905 г., когда его пришлось прекратить по недостатку средств. К этому же времени стала замирать и деятельность «Свободного слова» по изданию отдельных книжек и сборников, которые выпускались Чертковыми еще до переезда их в Крайстчерч и которые можно распределить по тем же разделам, какие были указаны выше в журнале «Свободное слово». Так по разделу о русском сектантстве было отпечатано 8 вы-

пусков «Материалов» (предполагалось выпустить не менее 35) и несколько других книжек — некоторые из них с предисловием Черткова («Духоборцы в дисциплинарном батальоне», Christchurch 1902; «Преследования баптистов евангелической секты», Christchurch, 1902; «Письма духоборческого руководителя П. В. Веригина», Christchurch, 1901, предисловие к которым написано Чертковым вместе с А. К. Чертковой). Ряд небольших книжек посвящен был теоретическим вопросам христианского анархизма: «Что такое анархизм» Ан-ского со статьей Черткова, Christchurch, 1905, «Против власти». С польского. Под ред. Черткова, Christchurch, 1905, «О революции» В. Черткова, Christchurch, 1904, — книжка, напечатанная ранее по частям в журнале «Свободное слово», в которой Чертков, отрицая революцию, достигаемую насильственными средствами, заявляет: «не меньше революционеров, а больше, чем самые крайние из них, мы отрицаем всякое правительство», сравнивая же деятельность людей, которые со-

стоят на службе у правительства, с деятельностью революционеров, указывает, что первые «служат главным образом ради своей собственной выгоды», тогда как революционеры «жертвуют иногда даже самой жизнью ради того дела, которому они служат», представляя в этом отношении «образцовый пример самоотвержения». Откликами на явления окружающей социально-политической жизни явились изданные еще в Пэрлей книжки «Студенческое движение 1899 г.», сборник под ред. А. и В. Чертковых, 1900 г., со статьей Черткова, где он приветствует коллективный протест молодежи против порядков существующего строя, «Финляндский разгром», сборник под ред. и с предисловием Черткова, 1900 г., «13 лет в Шлиссельбургской крепости» — записки Л. А. Волькенштейн с предисловием Черткова, 1900 г. Кроме того, нужно отметить несколько изданных Чертковым книжек антиклерикального характера близких по воззрениям их авторов Толстому и Черткову: «О вопросах религии» Теодора Паркера с жиз-

неописанием его, написанным Чертковым, «Библия, ее происхождение, развитие и характер» Дж. Т. Сендерлэнда в переводе под ред. Черткова, 1904 г. и др. Издание всех этих книжек, как с редакционной, так и с чисто технической стороны подготавливалось Чертковым при неизменном участии А. К. Черткой.

Когда события, разыгрывавшиеся в России, стали указывать на возможность для Чертова вернуться туда, в центре его внимания оказался вопрос о хранении находившегося у него архива ненапечатанных рукописей, дневников и писем Толстого (свыше 6 000 писем в подлинниках и копиях), о котором Толстой говорил, как о самом полном собрании всего написанного им с 1881 г. До этого времени Чертков хранил этот архив в ящиках, нагроможденных в той самой комнате, где он спал и работал, но и этот способ хранения не мог считаться вполне надежным даже во время пребывания Чертовых в Англии. Поэтому в 1906 г. Чертков решил создать для архива особое несгораемое храни-

лище, которое и было построено согласно последнему слову техники на той вилле Тэктон-Хоуз, близ Крайстчерча, где он жил. Рукописи Толстого продолжали поступать туда и после переезда Чертовых в Россию, до смерти Толстого, и были перевезены в СССР лишь в 1928 г.

Всё указанное не исчерпывает однако деятельности Чертова за время пребывания его в Англии. Будучи склонен от природы к ораторским выступлениям и владея в совершенстве английским языком, что отмечается в отчетах о его выступлениях английскими газетами, он уже в 1899 г. прочел публичную лекцию в «Христианской ассоциации» г. Мальдона на тему «Наше современное цивилизованное, так называемое христианское общество». В 1901 г. он основал в тихом буржуазном городке Бурнемаут (неподалеку от Крайстчерча) общество под названием «Progress Meetings», целью которого были свободные от всяких условностей беседы о важнейших вопросах жизни, с докладами приглашаемых для этого лиц на философские и социальные те-

мы. Здесь в течение трех лет Чертков не раз выступал с чтением новейших произведений Толстого, переведенных на английский язык, и сделал до 25 докладов по основным вопросам своего мировоззрения, затрагивая и целый ряд конкретных явлений европейской жизни. Кроме того, он получал приглашения читать публичные лекции в ряде университетских городов Англии. Последние публичные выступления его в Англии, относящиеся к 1906 и 1908 гг., состоялись в Лондоне — на митинге «Общества борьбы с смертной казнью» и на Съезде вегетарианцев.

В это время для Черткова уже выяснилась возможность возвращения в Россию, куда он был допущен на короткое время еще в 1905 г. В 1906 г. он вновь получил такое же разрешение и ездил туда с сыном, а лето 1907 г. Чертковы провели уже близ Ясной поляны, в дачном поселке Козловка-Засека, но на зиму должны были вновь уехать в Англию для окончания там своих издательских дел. В это время для них строился дом на участке земли, купленном у

Александры Львовны Толстой, в имении ее Телятинки. В июне 1908 г. Чертковы окончательно покинули Англию и, проведя три месяца на даче Гужона, подысканной им Толстым в 7 верстах от Ясной поляны, поселились в Телятинках. В это время, постоянно выдаясь с Толстым, Чертков имел уже возможность представить ему огромный труд, начатый по его инициативе и под его непосредственным руководством еще около 1890 г. (работа над которым не закончена и до сих пор), — «Свод мыслей Толстого». Этот «Свод», задуманный как справочное издание, в котором мысли Толстого, высказанные в различных его писаниях, расположены по отдельным темам, заключал в себе до 25000 карточек и должен был бы составить в печати целый ряд томов. Толстой нашел этот труд чрезвычайно ценным для себя и отдавал для пополнения его те свои мысли, которые он вычеркивал из того или другого своего сочинения, как излишние там, и пользовался им при составлении 2-го издания «Круга чтения», «На каждый день» и

Л. Н. Толстой в Телятинках у
В. Г. Черткова. 1910. Фот. Т. Тапселя.

«Путь жизни».

Деревенская жизнь Чертковых, вблизи Толстого, имела в это время такой характер, что на нее не могли не обратить внимания враждебно настроенные к нему, как к ближайшему другу и единомышленнику Толстого, представители местного дворянства, духовенства и власти. По свидетельству лиц, гостивших у них тогда, дом Чертковых всегда был полон народа — сектантов, рабочих, революционеров, молодых людей; отказывающихся от воинской повинности, опростившихся интеллигентов и крестьянской молодежи новой формации. Потому не прошло и полугода со времени обоснования Черткова в Телятинках, как он был вы-

слан из пределов Тульской губернии «в виду вредного влияния на окружающее население». Распоряжение это было объявлено ему в начале марта 1909 г., но он выехал из Телятинок в Петербург, к матери, только 31 марта. Попытки его добиться разрешения на возврат в Тульскую губернию в течение полутора лет ни к чему не приводили. С июля 1909 г. до весны 1910 г. Чертковы жили в подмосковном имении Пашковых, Крёкшине, куда в сентябре 1909 г. на две недели приезжал к ним Толстой. Сам он ездил для свидания с Толстым в июле 1909 на границу Орловской и Тульской губ., в деревню Суворово близ Кочетов, где Толстой гостил в это время у дочери своей Татьяны Львовны Сухотиной, и в мае 1910 г. — в самые Кочеты, получив на это временное разрешение. Наконец в июне 1910 г. Толстой приезжал к Чертковым на две недели в с. Мещерское Подольского у. Московской губ., куда они переселились, чтобы быть ближе к Толстому.

20 июня 1910 г. Чертков получил разрешение вернуться в

Телятинки. В это время Толстой обдумывал последнюю редакцию своего завещания. 22 июля оно было написано — как известно, в том смысле, что все юридические права на литературное наследство Толстого переходили, после его смерти, к дочери его Александре Львовне, вследствие чего никто из остальных членов его семьи не мог использовать его произведений в качестве частной собственности. Истинное же выражение своей воли Толстой дал в «объяснительной записке» к завещанию, написанной по просьбе Толстого Чертковым и подписанной Толстым 31 июля того же 1910 г., где говорилось, что все его сочинения и писания всякого рода, как где-либо напечатанные, так и еще не изданные, могут быть издаваемы и перепечатываемы всеми, кто этого захочет, и что все рукописи и бумаги (в том числе дневники, черновики, письма и проч. и проч.), которые останутся после него, должны быть переданы В. Г. Черткову, с тем, чтобы он «занялся пересмотром их и изданием того, что он в них найдет желательным для

опубликования».

В последние месяцы жизни Толстого личное общение его с Чертковым было прекращено вследствие обострившейся вражды к Черткову Софьи Андреевны Толстой. В ночь с 27-го на 28-е октября Толстой, как известно, покинул Ясную поляну. Через несколько дней он уже слег с воспалением легких в Астапове и тотчас же вызвал к себе Черткова, который и оставался подле него до его кончины.

По возвращении Черткова в Телятинки жизнь его приняла прежний характер с тем однако отличием, что теперь он оказался в центре того движения, во главе которого до самой своей смерти стоял Толстой. К нему направлялись теперь и бесчисленные паломники, приезжавшие на могилу Толстого и осматривавшие места, где он жил, — иногда целые экскурсии из десятков и даже сотен человек. Они посещали Черткова, чтобы услышать от него живое слово о Толстом и уяснить себе те идеи христианского анархизма, которые были общими для него и для Черткова, для боль-

шинства же русского общества оставались не только спорными, но и несколько смутными уже потому, что важнейшие сочинения Толстого последнего периода в России всё еще не были напечатаны. Чертковы принимали всех приходивших и приезжавших к ним, стараясь удовлетворить все их запросы и наделяя их имевшейся у них литературой.

Но главной задачей Черткова было теперь исполнение последней воли Толстого, выраженной в объяснительной записке к официальному завещанию, которая возлагала на него обязанность объединить в своих руках все его напечатанные и ненапечатанные писания, упорядочить все рукописные материалы и сделать всё это общим достоянием во всем мире. При исполнении этой задачи Черткову пришлось натолкнуться на упорное сопротивление Софьи Андреевны Толстой, которая, отстаивая материальные интересы свои и своей семьи, доказывала, что все рукописи Толстого как первой, так отчасти и второй половины его литературной деятельности, отданные

ей на хранение в Исторический музей, составляют ее личную собственность. Завязалась длительная борьба, перешедшая и на юридическую почву. Дело доходило до сената, а со стороны Софьи Андреевны и ее приверженцев даже до Николая II. Черносотенные газеты обвиняли Черткова в намерении не допустить общество до подлинных писаний Толстого, что-то утаить или исказить.

Завещание Толстого осталось однако в силе. В 1912 г. вышли в свет, в издании Александры Львовны Толстой, три тома его посмертных художественных произведений, подготовленных к печати Чертковым, с его предисловием в I томе и послесловием в III томе. В том же году начало выходить в свет, в издании И. Д. Сытина, Полное Собрание сочинений Толстого, со включением многого, ранее в России не печатавшегося, под редакцией П. И. Бирюкова, с предисловием Черткова в I томе. Все произведения, вышедшие в этих посмертных изданиях, могли свободно перепечатываться и, поскольку это допускалось цензурой, перепечатыва-

Обед в Телятинках у В. Г. Черткова. 1910-е гг.

лись. Однако очень многое не вошло и в эти издания, и исследование огромного рукописного наследия Толстого продолжа-

лось Чертковым, при деятельном участии А. К. Черткой, в течение многих лет.

В декабре 1914 г. Чертковы

покинули Телятинки и переселились на постоянное жительство в Москву, в Лефортовский переулок. Империалистическая война вновь обострила вопрос о военной службе для всех тех, кто не считал возможным, по своим религиозным убеждениям, отбывать воинскую повинность и в мирное время. На попечении Чертковых оказались уже не десятки, а многие сотни людей, принадлежавших к разным сектам или руководимых личными воззрениями, которые терпели за отказ от участия в войне жестокие преследования царского правительства.хлопоты о смягчении их участи, нравственная поддержка их посредством переписки с ними, материальная помощь заключенным в тюрьмах, вместе с продолжающейся работой по упорядочению литературного наследия Толстого и завершения свода его мыслей, заполняли всё время Черткова.

Вопрос о судьбе отказывающихся от военной службы разрешился в благоприятном для них смысле только после революции. К концу 1918 г. по инициативе Черткова образовался

внецерковный «Объединенный совет религиозных общин и групп», объединившихся «на почве защиты свободы совести в связи с отказами от Воинской повинности», который избрал Черткова своим председателем. В декабре 1918 г. состоялось свидание Черткова с Лениным, который отнесся к задачам возникающего «Объединенного совета» с живым интересом и вниманием. Результатом этого явился декрет Совета Народных Комиссаров от 4 января 1919 г. «об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором говорилось: «1. Лицу, не могущему по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставить право по решению Народного суда заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях, или иной соответствующей общепользующей работой по выбору самого призываемого. 2. Народный суд при постановлении своего решения о замене воинской повинности другой гражданской обязанно-

стью запрашивает экспертизу московского «Объединенного совета религиозных общин и групп» по каждому отдельному делу. Экспертиза должна простираться как на то, что определенное религиозное убеждение исключает участие в военной службе, так и на то, что данное лицо действует искренно и добросовестно...». Таким образом «Объединенному совету» была поручена очень ответственная обязанность. Он просуществовал до 1921 г., дав за это время свою экспертизу по делам об отказе от воинской повинности более 6000 раз.

За этот же приблизительно период времени, с середины 1917 г. до конца 1920 г., Чертков редактировал журнал «Голос Толстого и Единение» и напечатал в нем ряд своих статей и заметок, из которых, кроме названных ниже заметок, посвященных Толстому, нужно отметить: «О прекращении войны» (1917 г., № 2), «Кооперация и политика» — речь на Чрезвычайном Всероссийском кооперативном съезде Союзов и объединений в Москве 12 сент. 1917 г. (1917-1918 г., № 6),

«Интеллигенция и народ» (1918 г., №№ 1, 2, 3), «Церковь и политика» (1918 г., № 4, вышла отдельной брошюрой, М., 1919), «По поводу вскрытия мощей» (1919, № 6). В мае 1920 г. он напечатал в журнале «Истинная свобода» (№ 2) свое «Письмо к англичанам» — о недопустимости вмешательства союзников в русские дела, которое было переведено на английский язык и вышло в газете «Manchester Guardian», а затем отдельной брошюрой, под заглавием «Letter to British working men». За этот же период времени Чертков многократно выступал с докладами и речами на собраниях в столовой Вегетарианского общества, в зале московского Политехнического музея, в Консерватории, Университете и пр.

В конце 1918 г. подвинулся к практическому разрешению для Черткова и вопрос об издании полного собрания сочинений Толстого, обнимающего все когда-либо им написанное. О желательности и необходимости такого издания, осуществимого в новых условиях жизни только при содействии государства,

высказался в самой определенной форме, при свидании своем с Чертковым в декабре 1918 г., Ленин. Но предстояло еще решить целый ряд важных и сложных организационных вопросов, связанных с этим изданием, и на это, вместе с про-

должающейся литературной подготовкой его, ушло более девяти лет. Договор Госиздата с Чертковым, как с главным редактором... Юбилейного издания, был подписан 2 апреля 1928 г.

В. Г. Чертков умер 9 ноября 1936 г. В последние годы жизни он так же собирал сведения о гонениях на сектантов — но уже не от царской, а от советской власти, поддерживал отказывающихся от службы в армии и смело обращался к правительству.

Кроме книжек и статей Черткова, названных нами выше, в тексте биографических сведений о нем, необходимо отметить еще, как важнейшие, следующие его произведения общего характера:

«Злая забава» (Мысли об охоте). С предисловием Л. Н. Толстого. В газ. «Новое время» за 1890 г., № 5284 от 13 ноября. Затем три отдельных издания «Посредника».

«Жизнь одна» (Об убийстве живых существ). — В «Вегетарианском обозрении» 1911 г., №№ 1—5. Отдельной книжкой — изд. «Посредника», М. 1912.

Предисловие к кн. «Тайный порок. Вып. 1. Трезвые мысли о половых отношениях». Изд. «Посредника», М., 1908.

Наибольшее число статей и заметок Черткова посвящено Толстому. Приводим их список с доступной нам полнотой:

1) Предисловие (написано вместе с П. И. Бирюковым) к кн.: «Осада Севастополя». Сокращено [Н. Л. Озмидовым] по «Рассказам о Севастопольской обороне» Льва Толстого. Изд. «Посредника», М., 1886 г.

2) «Разговоры Л. Н. Толстого, записанные В. Г. Чертковым». Гектографировано. Вошло в гектографированный сборник, составленный Д. Р. Кудрявцевым. Изд. Кудрявцева, 1893.

- 3) «Сведения о Л. Н. Толстом». Журнал «Свободное слово», Christchurch, 1901, № 1, столб. 33—34; 1902, № 2, 24—25; 1902, № 3, 26—28; 1903, № 4, 25—28; 1903, № 5, 27—29; 1903, № 7, 26—28.
- 4) Заметка к письму Л. Н. Толстого к министрам внутр. дел и юстиции. «Своб. слово», 1902, № 2, 5.
- 5) «Новое отлучение Толстого». «Своб. слово», 1903, № 4, 30-32.
- 6) «По поводу статьи Л. Н. Толстого о войне на дальнем Востоке». «Своб. слово», 1904, № 12, ст. 21—24.
- 7) «По поводу письма Л. Н. Толстого к царю». «Своб. слово», 1904, № 14, 7—8.
- 8) «Толстой и конституционное движение». «Своб. слово», 1905, № 15, 28—31.
- 9) «Толстой и японцы». «Своб. слово», 1905, № 16.
- 10) «Юбилей Толстого» (о способах чествования юбилея). «Речь», 1908, № 132 от 4 июня.
- 11) Письмо в редакцию (по поводу ссылки Н. Н. Гусева). «Русск. вед.», 1909, № 271. То же: «Новая Русь», № 320 от 4 декабря. Подписано: 16 ноября 1909.
- 12) «Заявление о печатании писем Л. Н. Толстого». «Новая Русь», 1909, № 354 от 25 декабря. То же — «Русск. вед.» и «Русск. слово», №№ от 25 декабря 1909.
- 13) «Две цензуры для Толстого». «Жизнь для всех», 1910, № 2. То же отдельной брошюрой под заглавием: «Дополнительная цензура для Толстого», М., 1914.
- 14) «Новый отрывок из Дневника Толстого» (письмо в редакцию). «Речь» 1910, № от 27 июля. То же: К очерку Л. Н. Толстого «Из дневника». «Киевский вестник». 1910, № от 27 июля.
- 15) «Об уходе Л. Н. Толстого из Ясной поляны». «Русское слово», 1910, № от 31 октября.
- 16) О последних днях Л. Н. Толстого. «Русск. вед.», 1911, № от 16 и 17 января. Отдельно издано под тем же заглавием — М., 1911.
- 17) «О литературном наследии Л. Н. Толстого». Ответ на заявление С. А. Толстой сотрудникам газет о рукописях, хранящихся в Историч. Музее. «Речь», «Русск. вед.», «Русское слово» 1911, №№

от 18 января.

18) «Детали». Заметка к рассказу Толстого «Нечаянно». «Речь», 1911, № 87 от 30 марта.

19) «Ответ на клевету». Разъяснения Черткова по поводу замечаний черносотенных газет касательно отношения его к литературному наследию Толстого. «Речь», 1911 № 175 от 29 июня. То же — «Русск. вед.», № от 29 июня. То же — «Русское слово», под заголовком «Объяснения Черткова», № 148 от 29 июня.

20) «О завещании». К фотографическому снимку с подлинника. «Солнце России», 1911, ноябрь, № 53.

21) О новых издателях сочинений Л. Н. Толстого» (Письмо в редакцию). «Биржевые вед.», 1911, № 12610 от 17 ноября.

22) Предисловие к Посмертным художественным произведениям Л. Н. Толстого, изд. А. Л. Толстой, т. I, М. 1912, стр. 3—4.

23) Послесловие к Посмертным худож. произведениям Л. Н. Толстого, изд. А. Л. Толстой, т. III, М., 1912, стр. 227—230.

24) Примечание к «Посмертным запискам старца Федора Кузьмича». «Русское богатство», 1912, № 2, стр. 35—36.

25) Примечание к статье Л. Н. Толстого «Благо любви». «Речь», 1912, № 306 от 7 ноября.

26) Примечания к Дневникам Л. Н. Толстого с 28 октября 1895 по 5 января 1897. «Русское слово», 1913, № от 14 апреля.

27) Предисловие к Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого под ред. П. И. Бирюкова, изд. Сытина, т. I, М. 1913, стр. 5—6. Подписано: Телятинки, 16 июня 1912.

28) Примечание к произвед. Л. Н. Толстого «Ходите в свете пока есть свет». Полн. собр. соч. под ред. П. И. Бирюкова, изд. Сытина, т. XVI, М., 1913, стр. 244—246.

29) «Рукописи Л. Н. Толстого» (Письмо в редакцию). «Речь», 1913, № 264 от 27 сентября.

30) «Свидание с Л. Н. Толстым в Кочетах у М. С. и Т. Л. Сухотиных», из дневника В. Г. Черткова. ТЕ. 1913 г., стр. 361—375.

31) «Отношение Л. Н. Толстого к земледельческим колониям». «Голос минувшего», 1913, XI.

32) «Об издании полного собрания мыслей Л. Н. Толстого». Не для продажи. М., 1915.

33) «О завещательных распоряжениях Л. Н. Толстого». В кн. Дневник Л. Н. Толстого. Под редакцией В. Г. Черткова. I. 1895—1899. М. 1916, стр. 239—252.

34) «Слова Л. Н. Толстого, записанные В. Г. Чертковым». «Ежемесячный журнал» В. С. Миролубова, 1916, №№ 1, 2, 3, 5.

35) «Пятая годовщина смерти Л. Н. Толстого». Журн. «Единение», 1916—1917, № 1, столб. 35—42.

36) «Помощь Толстого». Журн. «Голос Толстого и Единение», 1918, № 2, стр. 9.

37) «Жив Толстой». «Голос Толстого и Единение», 1918, № 4, стр. 5—6. Речь в зале моск. Политехнич. музея 12 сентября 1918.

38) «О «Посреднике», как истинно-народном издательстве». Журн. «Истинная свобода», 1920, сентябрь, № 6 — Речь по поводу 35-летней годовщины «Посредника», произнесенная 22 февраля 1920 г. в Москве.

39) «Нужна ли правда об уходе Л. Н. Толстого». Соедин. выпуск журналов «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода». 1920, номер, выпущенный к десятилетию со дня смерти Толстого.

40) «Что сказал бы Толстой». Соедин. вып. журналов «Голос Толстого и Единение» и «Истинная свобода», 1920, № 3.

41) «Мое знакомство с П. А. Кропоткиным». [Толстой и Кропоткин.] Листок «Анархической организации памяти Петра Алексеевича Кропоткина», 1921, 8 февраля.

42) «Уход Толстого». Изд. Центр. Товарищества Кооперативное изд-во «Голос Толстого», М. 1922.

43) «Отношение Толстого к молитве». Доклад в Моек. Вег. О-ве 20 ноября 1924 г. Гектографировано.

44) «Толстой о бессмертии». Гектографировано.

45) Предисловие к «Письмам Вс. М. Гаршина» [говорится и о Толстом]. Подготовлено к печати в сб. «Звенья».

Л. Н. Толстой. ПСС, том 85, М., «ГИХЛ», 1935 (в сокр.).

А. М. Хирьяков

Песнь Свободы

(Мирная Марсельеза)

Вперёд, товарищи, ступайте,
День славный наступил для вас.
Оружье вдребезги ломайте.
Убийц не будет среди нас. *(Два раза.)*

Вперёд идите, все народы
Давно вас ждут на братский пир,
И пусть под знаменем свободы
Для всех настанет вечный мир.

Припев:

Оружие долой! Солдаты по домам!
Вперёд, вперёд!
И пусть весь мир отчизной будет нам!

Зачем эти ружья и пики?
Не надо штыков и мечей,
Кровавых разбоев улики,
Наследие злых палачей. *(Два раза.)*

**Нет, нет, не подымутся руки,
Мы братскую кровь не прольём.
Довольно насилья и муки,
Мы песню свободе поём:**

Привев.

**Долой все границы, заставы,
Для братьев весь мир — общий дом.
И власти долой и державы,
Мы песню свободы поём. (Два раза.)**

**Все крепости, тюрьмы разрушим,
Оковы родимой страны,
И факелы злобы затушим
Дыханием мирным весны.**

Привев.

**Весеннее солнце сияет.
Ждёт пахаря поле давно,
Оружье из рук выпадает,
И падает в землю зерно. (Два раза.)**

**Пусть тучи над нами нависли;
Пусть дикие вихри ревут;
Нам зёрна могучие мысли
Обильную жатву дадут.**

Прпев.

Сквозь бурю, грозу, непогоду,
Подставив открытую грудь,
Идём мы за свет и свободу,
За мирный и радостный труд. *(Два раза.)*

Развейся, свободное знамя,
Свободное знамя труда!
Могучее доблести пламя
Не гасни в сердцах никогда!

Стихотворение написал Александр Модестович Хирьяков (1863-1940) — писатель, журналист, издатель. Много лет сотрудничал и с толстовским издательством «Посредник», и с народническими журналами. Более подробно см.: Ю. Рыкунина. Глазами «толстовца». А. М. Хирьяков и его воспоминания // Toronto Slavic Quarterly. № 37. Summer 2011: <http://www.utoronto.ca/tsq>.

Впервые текст гимна опубликован на страницах толстовского журнала «Свободное Слово» (№ 5, Май-Июнь 1903, Англия, под ред. В. Г. Черткова). Затем он был положен на музыку А. К. Чертковой и уже вместе с нотами вошел в третий выпуск «Сборника песен и гимнов свободных христиан». Christchurch, Hants, Англия, 1905. В России впервые напечатан в литературно-художественном журнале, близком к анархизму: «Перевал», 1907, № 7. За эту публикацию автор был арестован и на один месяц посажен в крепость.

В настоящее время песню (в сокр.) можно услышать в исполнении группы «Дрободун и калмык» (С. Путилов и Е. Федореева):

http://www.antimilitary.narod.ru/sborniki.htm#1905_gymn.

К истории «Песни Свободы»

Хотя среди военных у меня имеются и близкие родственники и друзья, но отношение мое к войне и военному делу с годами становилось все более и более отрицательным. Под влиянием этого отношения мною как-то была написана «Мирная Марсельеза» — песня крайне антимилитаристского характера. Песня эта имела неожиданный для меня успех. Она очень понравилась духовоборам, и теперь это одна из их любимых песен, для которой они придумали весьма своеобразный мотив, и они распевают ее и в Канаде и на Кавказе. За границей она появилась в переводе на нескольких иностранных языках. Один знакомый музыкант написал для нее новую музыку и попросил моего разрешения издать. Я, разумеется, охотно согласился.

А. Хирьяков. Три встречи. — «Современник», 1911, № 11.

1917 год. Февральская революция. Ликование в стране, охватившее почти все слои населения. Какой-то необычайно радостный дух царил в воздухе. Вернулись на свободу политзаключенные, в том числе множество толстовцев, приговоренных к каторге за отказ от военной службы. Постоянные демонстрации, в которых принимали участие люди самых различных партий и настроений. В демонстрациях шли и последователи Толстого, и близкие к ним «трезвенники», объединившиеся, большей частью рабочие, под водительством сильного волей человека Колоскова. Шли под голубыми полотнищами с пением «Мирной марсельезы», слова которой написал А. М. Хирьяков. Припев:

*Оружие долой, солдаты по домам,
Вперед, вперед, и пусть весь мир отчизной будет нам!*

Более светлого и радостного периода не было в истории России никогда.

Горбунов-Посадов М. И. «Воспоминания». Ч. 1., М., Гос. лит. музей, 1995.

Предстояло пройти сорок километров пешком в пустыне, пока не начнутся горы Узбекистана и Таджикистана, где было курортное местечко Ура-Тюбе... Лева думал, что они идут в какую-нибудь санаторную столовую, но ошибся. Выйдя на улицу и пройдя немного, они остановились перед небольшим зданием с вывеской: Столовая «Свой труд»... В небольшой комнатке ему была приготовлена постель, и он уже собрался ложиться, как вдруг в его комнату вошел средних лет человек с умным интеллигентным лицом и, вопросительно глядя на Леву, запел: «Оружие долой, солдаты все домой!»

Но тут же появилась сестра-заведующая и позвала:

— Алексей, Алексей, идите, не мешайте гостю отдыхать!

Незнакомец покорно удалился, чему-то усмехаясь... На проходивших собраниях трезвенников Лева читал Евангелие и горячо призывал всех бодрствовать и сохранять то, над чем трудились... С Алексеем он пилил и колол дрова. Это был муж заведующей столовой. Смелый толстовец, открыто исповедующий свои убеждения, за что попал в тюрьму и был выпущен оттуда с поврежденным рассудком.

Из мемуаров баптиста **Ю. С. Грачева** «В иродовой бездне», ч. 2, гл. 8-9 — эпизод 1930 года.

На наших собраниях можно было слышать иногда песни, не отражающие толстовского мировоззрения, а сектантского содержания. Тут были песни и евангелистов (баптистов), и молоканские (духовных христиан) "псалмы", и так называемые "хлыстовские", или "мормонские" (на редкость музыкальные!) духовные стихи, и песни малеванцев, и добролюбовские, и многие другие. Все это, на мой взгляд, было своеобразной данью прошлому, откуда эти люди вышли. Вместе с тем у нас можно было услышать и теософскую песню, и индусский гимн Вивекананды, и излюбленную песню народовольцев — «Медленно движется время...», и столь же известное стихотворение — «Колодники». Собственно, толстовских песен было сравнительно не так много: «Слушай слово, рассветает...» и «День свободы наступает...» — А. К. Чертковой, «Нам жизнь дана, чтобы любить...», «Счастлив тот, кто любит все живое...», «Учитель он был во французском селе» — Ив. Ив. Горбунова-Посадова. Пели и «Мирную марсельезу» А. М. Хирьякова, и некоторые стихи, сложенные самими переселенцами. Были некоторые песни от Евгения Ивановича Попова, любителя и собирателя народных мелодий («Нива моя, нива...»). Что же у нас не пелось совсем? Это были песни типа "разинских" («Выплывали... острогрудые челны...», затем — «Когда б имел златые горы...» и проч.).

Б. В. Мазурин. Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд».

Сост. В. А.

Ноты к Песни Свободы даны по изданию:

«Сборник песен и гимнов свободных христиан». Под ред. А. К. Чертковой. III-й вып. Christchurch, Hants, Англия, 1905.

ПѢСНЬ СВОБОДЫ. (Мирная марсельеза.)

№ 25.

Andante maestoso. Нескоро. Торжественно.

1-й голосъ

Акомпаниментъ

ff Очень громко.

1. Впе-редъ то-
2. За -

pp Громко, бодро.

ва - ри - ши сту - пай - те, День сла - вный на - сту - пилъ для
чужъ э - ти ружъ - я, и ти - ки не на - до итти - ковь и ме -

насъ, О ру - жье въ дре - без - ги ло - май - те, У
чей, кро - ва - мь раз - бо - еи - ли - ки на -

бійтъ не бу - деть сре - ди насъ! У - бійтъ не - бу - деть
сла - ди - е замъ па - ла - чей! Не - сла - ди - е замъ па - ла -

сре - ди насъ! Вне - редъ и - ди - те всѣ на - ро - ды Дав -
чей, Итъ, не под - ни - мут - ся ру - ки, Мы

А. М. Хирьяков — Песня Свободы (Мирная Марсельеза)

20

но вась ждутъ на - брат - ский ширь, И путь подь - зна - ме - нямъ сво -
брат - ску - ю кровь не про - лье - - мъ. До - воля - но на - сила - я и

The first system of the musical score is written in G major (one sharp) and 2/4 time. It features a vocal melody on a treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff (treble and bass clefs). The lyrics are in Russian, with some words in Cyrillic script. The melody is simple and melodic, with a piano accompaniment consisting of chords and moving lines.

бо - ды Для всѣхъ на ста - неть вѣч - ный
му - ки, мы тѣ - юю сво - бо - дѣ по -

The second system continues the musical score. The vocal melody and piano accompaniment are consistent with the first system. The lyrics continue, with some words in Cyrillic script. The melody is simple and melodic, with a piano accompaniment consisting of chords and moving lines.

ми - ру! (Хоръ:) О - ру жи - е до -
е мѣ!

The third system of the musical score is written in G major (one sharp) and 2/4 time. It features a vocal melody on a treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff (treble and bass clefs). The lyrics are in Russian, with some words in Cyrillic script. The melody is simple and melodic, with a piano accompaniment consisting of chords and moving lines.

лой! Сол - да - ты по до - мамъ! Вне -

The fourth system of the musical score is written in G major (one sharp) and 2/4 time. It features a vocal melody on a treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff (treble and bass clefs). The lyrics are in Russian, with some words in Cyrillic script. The melody is simple and melodic, with a piano accompaniment consisting of chords and moving lines.

редь, впе - редь! И пусть весь

мёр От - чиз - ной бу - деть намь! Вне -

редь, впе - редь! И пусть весь

мёр От - чиз - ной бу - деть намь!

Толстовец на Ставрополье

Дело было в начале восьмидесятых. Нас, студентов-первокурсников, отправили в один из колхозов Ставрополья на уборку урожая. Уже по месту, поняв всю нудность и однообразность уборки яблок, мы, небольшим, но дружным коллективом ребят, пристроились в грузчики. Работа более творческая, менее однообразная, да и оплата повыше. Суть работы заключалась в том, что все, собрав яблоки в ящики, оставляли эти ящики прямо в рядах под деревьями. Затем, когда народ переходил на следующие ряды, приезжали мы на тракторе с прицепом и сначала вывозили эти ящики на край поля, а затем мы же грузили их на приходящие фуры.

И если народом на уборке командовали горластые казачки-колхозницы, то у нас был свой командир. Дремучий дедушка лесовичёк. Молчаливый, но улыбчивый. С седой бородой

по пояс, которая на лице оставляла открытыми только кончик носа и глаза. В затертой, но всегда чистой телогреечке, кирзовых, солдатских сапогах. И с неизменной сигаретой «Астра», которую он магическим образом умудрялся докуривать до нуля (сигареты без фильтра) и при этом борода оставалась целая. Работал дедушка бригадиром грузчиков, и по совместительству сторожем. И жил все лето в таком бунгало, собранном из камыша, на краю колхозного сада.

И вот сидим мы на очередном перекуре. А курить-то нам и нечего. Тогда в стране как раз начались перебои с табаком, ну и понятно, что мы в студенческом лагере с приезжающей раз в неделю автолавкой это почувствовали очень остро. И я прошу своего товарища по-англицки, мол стрельни у дедушки сигаретку, на двоих покурим. По-англицки, чтобы де-

душка не понял, а то неудобно как-то. А товарищ мне по-англицки же отвечает, мол, сам стреляни, я у него уже два раза стрелял. А я говорю, мол, я тоже два раза. А дедушка достает свою пачку «Астры» протягивает ее нам и тоже по-англицки говорит, мол, два раза, не два раза, какая разница. Мол, если курить хочется, то лучше покурить, чем маяться, а у него, мол, запас богатый, не обеднеет.

После того как у нас прошел легкий ступор от того, что дедушка легко и свободно заговорил на английском, мы накинулись на него всей бригадой и стали пытаться его. Как? Откуда? Почему? И выяснилось, что дедушка из Толстовцев. Они еще в двадцатые годы прошлого века уехали из России в Турцию всем селом. Там им дали землю, гражданство. Он родился уже там. Служил в турецкой армии.

Дослужился до сержанта. Уехал во Францию. Записался в Иностранный Легион. Повоевал во всяких малых и больших войнах в Африке. Но понял, что идеи Толстого ему ближе, чем автомат, и вернулся в Турцию. Занялся сельским хозяйством. А тут как раз к власти у нас пришел Хрущев и предложил им всем вернуться. Они всем селом и вернулись. Но вместе их не поселили, а разбросали по всему бывшему Союзу. Лично он попал на Ставрополье. Человек свободно говорил, читал, писал на Турецком, Английском, Французском, Немецком, Суахили, и еще на четырех языках он только говорил.

К чему это я? Да так вспомнилось. Хотя мораль все же есть. Учите иностранные языки. Может пригодиться даже в яблоневых садах Ставрополья.

Источник: <http://www.tourblogger.ru/node/82748>.

К сожалению, нам неизвестны фамилии ни автора, ни героя этого очерка, но мы помещаем его здесь, поскольку одной из задач нашего Альманаха является собирание всех фрагментов истории толстовского движения. То, что герой очерка продолжает курить, показывает, что он не до конца проникся толстовскими взглядами.

Павел Ефремов
(Россия)

Украина и революция

Снова приходится писать о политике, об этой проклятой политике, в которой всегда побеждает не тот, кто прав, а тот, кто ловчее говорит и оказывается в нужное время в нужном месте, снова нужно коснуться этого царства "ораторов", которые вовсе не стремятся найти истину, а лишь под соусом риторики внушить людям то, что почти никогда не может быть доказано. Я долго молчал, почти два месяца стараясь не касаться того, что происходило в Киеве, так как, очевидно, что я вполне не могу поддержать ни одну из сторон. Но сейчас время пришло, и я не могу молчать.

Сначала немного о том, как развивались события с тех пор, как я начал за ними следить. Разговоры о "евроинтеграции"

Украины шли уже достаточно давно, и, наконец, была установлена дата возможного подписания договора: 28 ноября 2013 года. Интересно, что на протяжении по крайней мере всего 2013-го года украинские власти активно использовали данную тему для поднятия своего престижа у населения, напирая, по-видимому, чуть ли не на историческую миссию сегодняшнего украинского правительства, которое должно было положить начало реальному сближению ЕС и Украины. Создавалось ощущение, что украинская власть стремится на данной платформе объединить Украину — и это как будто им даже удавалось.

В сентябре минувшего года мне довелось вновь побывать в Закарпатье и во Львове. Из общения с хозяевами квартиры, в

которой я останавливался в городке Рахове, я вывел, что у этих людей, критически в целом настроенным по отношению к современному президенту и правительству, появляется какое-то если не уважение, то сочувствие, симпатия по отношению к ним: что вот-де думала Москва, что сейчас Янукович им Украину на блюдечке поднесёт, а он, нет, не такой негодай, не предал нас: вот и в Европу идём, и от газового рабства всеми силами отбиваемся. Во львовском университете — в который, кстати сказать, в отличие от всех российских вузов может пройти любой желающий — царил чуть ли не всеобщий праздник: «Наконец, мы европейцы!» На первом этаже висела "Жива стіна" — подобие стенгазеты, которая создаётся всеми желающими. Почти вся она была исписана выражениями восторга по поводу будущей евроинтеграции. Тут же висели приглашения на семинар по теме «Що значить бути европейцем?» Во мне это тогда, кроме частички всеобщего ликования, которою заразился и я, видя всеобщую радость, вызвало и

какую-то горькую усмешку: какую такую великую ценность для Украины может представлять буржуазная Европа, находящаяся сегодня в духовном тупике? Показалось забавным, что сами мыслящие европейцы зачастую критически настроены по отношению к своей "высокой культуре", которая вся была основана на желании роскоши, на безумном богатстве одних и крайней нищете и эксплуатации других и, конечно, к тому "обществу потребления", которое основано на Западе. Да, сами эти европейцы скорее были бы готовы повернуться к тому, от чего так хотят откеститься их украинские поклонники: к культуре Востока, к культуре "варварской азиатской России"... В целом моё отношение к тому, что было связано с "евроинтеграцией Украины" не изменилось и в последующие два месяца и было если не безразличным, то нейтральным, и выразить его можно было так: всё это игра ради удержания власти правящей группировкой, а будет ли в самом деле лучше украинскому народу от неё — это ещё вопрос.

Но вот 21 ноября: внезапно, за неделю до подписания договора, руководство страны "передумало". Я уже давно не смотрю российские федеральные каналы, но в тот вечер я был не дома, и новость эту я узнал от самого главного "рупора режима" — «Первого канала». Мне показалось, что и там были в некотором замешательстве, не успели подать всё как следует и под нужным соусом, представить дело как победу "братства Украины и России". Кому-то может показаться, что начавшиеся протесты — это совершенно неадекватная реакция, но пусть они подумают над тем, что происходило в Украине перед этим: в течение нескольких лет власть, которую называли "пророссийской", и первые шаги которой не заставляли в этом усомниться (достаточно вспомнить продление аренды Севастопольской базы ЧФ и закон о "мовной политике") манила людей "европейской мечтой": мы отказались вступать в НАТО, были вынуждены поступиться России базами — и всё из-за этой проклятой Тимошенко! — но вот с Ев-

ропой-то мы уж точно соединимся. Прямая подготовка к подписанию договора об ассоциации начинается более чем за полтора года до самой его даты; всё это время, если не с прямой поддержки властей (а она, уверен, была), то с её молчаливого согласия, в стране нарастают проевропейские настроения, движущиеся к своему пику по мере приближения к "заветному дню", с экранов политики вещают о том, какое светлое будущее ждёт Украину после него, и если и звучат какие-то опасения, то все они тонут во всеобщем энтузиазме. Кажется, наконец, преодолен тот особенно сильный на Украине разрыв между властью и народом, между Востоком и Западом — и вдруг: Кабмин принял решения приостановить подготовку к ратификации договора... Я не знаю, выгодно или нет Украине соглашение с Евросоюзом, и могу даже допустить, что прерывая эти переговоры, украинское правительство руководствовалось наряду со всем прочим и интересами народа, но! Что, понимание это должно было прийти только в последнюю

неделю? Какое право украинское правительство имело, зная о рисках, водить в течение всех этих месяцев население за нос? Что оно делало: под столом торговалось с ЕС до последнего и, поняв, что своего не добьётся, пошло на попятную? Или только за неделю вдруг прозрело? Какое бы предположение не оказалось верным, ясно, что такое правительство должно было вместе с отказом от подписания документа, вызвавшего такой резонанс, отказаться и от своих полномочий, ибо оно либо всё это время лгало людям, что всё идёт гладко, либо совершенно некомпетентно, раз смогло реально оценить риск лишь в самый последний момент.

Ничего из этого не произошло, правительство продолжило функционировать так, как будто ничего не было. Тогда же в центре Киева начал появляться первый "Евромайдан", состоявший в основном из студентов из Львова, надеявшихся на сближение со столь близкой для них Европой и разочарованных в своих надеждах. Наивным выглядело то, как они хотели своим присутствием убедить пре-

зидента подписать этот договор, в то время как он отказался выполнять требования, наложенные ЕС, а значит, не мог бы выполнить их желания, даже если бы и хотел. Может быть, тем дело и кончилось бы: постояли на морозе да разошлись-разъехались эти хлопцы и девчата по домам, к тому же и сессия уже на носу была. Но украинское правительство не захотело ждать: в ночь на 30-е ноября в 4 часа "милиция" начала разгон мирного митинга, причём с жестокостью, которую не проявлял даже нынешний кремлёвский режим в свои худшие годы, жестокостью, сравнимой только с тем, что творит в соседней стране такая же "милиция" "бацьки Лукашенко". И вот после этого вопиющего факта насилия, никто "наверху", в том числе, и сам глава МВД не только не пошёл под суд, но и не лишился своих полномочий за акцию проведённую не где-нибудь в деревне Кукуево, а в самом центре столицы! Здесь очень важно понять с кем сравнивать Украину: если с соседними "братскими" Россией и Белоруссией, то всё в полном

порядке и непонятно ещё, почему власть не довела после своего дела до конца, посадив и тех, кого не успели задержать сразу; если же с цивилизованным миром, в который она так стремилась, то ясно, что после этого правительство становится банкротом и должно немедленно сложить с себя свои функции. Но не происходит ни того ни другого: ни правительство, ни даже министр, подчинённые которого совершили преступление, не только не отвечают перед судом, но даже и не думают уходить со своих постов. С другой стороны, они напуганы — и не мешают людям выходить вновь на улицы. Вот с этого начинается Майдан, который войдёт в историю: сотни тысяч людей на улицах, захваченный центр города и здания администрации, противостояние, которому на сегодня уже без недели два месяца.

Казалось бы, украинская власть совершила уже все ошибки, которые можно было совершить, но нет: нужно ещё принять новый закон, ограничивающий права людей на митинги — якобы, для того, чтобы

туда не попадали экстремисты, закон, исполнение которого, как видно из последних событий, она совершенно не способна хотя бы обеспечить — я уже не говорю о том, что истинной целью его, разумеется, является не забота о мирности собраний, а запрет на открытый протест против действующего режима, и здесь украинская власть снова попыталась взять пример с "большого брата", вот уже год использующего "закон об иностранных агентах" для подавления всякого инакомыслия. Провокаторы есть, но за всё время этого противостояния стало ясно, что восставший народ Украины сам намного лучше умеет находить и обезвреживать экстремистов и "титушек" в своих рядах, чем все эти милиции и "Беркуты", он доказал это своим Майданом, существующим безо всякой власти и "правоохранительных органов" исключительно на самоорганизации народа. В действительности же, принятые законы — это не что иное, как попытка развязать себе руки и дать себе формальный повод для того, что бы расправиться с теми, кто сего-

дня стоит на улице и не дать повторить этого тем, кто придут им на смену завтра. Протест, который, казалось, пошёл на спад, вспыхнул с новой силой. Пролилась кровь: говорят о двух до семи жертвах; повсюду в Интернете бродят ролики, в которых "защитники правопорядка" издеваются над людьми. Эта кровь, кто бы ни был убийцами, это попрание человеческого достоинства дорого будут стоять украинской власти. Я думаю, что точка невозврата для неё уже пройдена, и устоит ли она или нет — это сегодня вопрос не принципиальный: ясно, что Украина стала другой и то засилье олигархов, воров и бюрократов, которое царило в ней, будет если не уничтожено, то, по крайней мере, сильно поражено в правах.

Многие скептически и даже крайне враждебно отнеслись к тем лозунгам, под которыми люди собирались в начале, хотя большинство и не понимало, что речь идёт не о безумном желании в благополучную Европу, а о возмущении совершенно безответственной политикой руководства, повинного

сначала во лжи, а затем в насилии — и не готового отвечать за свои поступки. По мере развития событий становилось ясно, что недовольство людей провалом разрекламированной евроинтеграции и последовавшим разгоном Евромайдана — это лишь часть общего недовольства нынешней властью. Людям становилось ясно, что всё случившееся, их обманутые надежды — всё это вполне в её духе, и *всегда* было в её духе. И потому требование, которое народ поставил теперь — это уже вовсе не ответственность за Майдан — это устранение от власти тех, кто всё это время обманывал и грабил его, умело спекулируя на "языковом вопросе".

Необходимо смотреть вперёд: что будет дальше? Ведь ясно, что то, что несёт Украине триумvirат "Кличко-Яценюк-Тягнибок" вовсе не решит тех проблем, ради разрешения которых восстал её народ. Мы все помним события девятилетней давности — Помаранчевую Революцию, которая была рождением независимой Украины, настоящим рождением, ибо декларация, наспех принятая вне-

запно перекрасившимися в патриотов и либералов членами Верховного Совета УССР и поддержанная голосованием напуганного событиями в Москве народа, конечно, никаким началом Новой Украины считаться не может. Что произошло после этого? Самое большое в истории Украины разочарование — когда оказалось, что, как бы ни менялись стоящие у власти лица, какую бы риторику они ни использовали, сущность их деятельности остаётся неизменной: грабёж всех видов, кумовство, "крышевание" преступности, подавление инакомыслия. Победа Януковича и «Партии регионов» было ничем иным, как реакцией на всё это, порождением этого разочарования в Свободе: «Смотрите, куда вас завели эти демагоги: українська мова, демократия, европейский выбор, права человека, а на деле воровство, коррупция, экономический кризис — так вот сидите и не "дёргайтесь", а мы будем, как и раньше управлять вами». Таков был message* этого реван-

ша, иначе бы партия, составленная из олигархов и бюрократов, народившихся и "выдвинувшихся" ещё при Кучме, никогда не смогла бы возвратить себе власть. Сегодня ситуация повторяется, и вопрос состоит в том, будет ли повторено то, что было тогда: безмерное разочарование после подъёма духа — или же будет создано что-то совершенно новое, что-то, что не просто изменит власть, а сделает невозможным то, в чём повинна всякая власть: в злоупотреблениях теми средствами, которые переданы ей обществом. Ясно, что пока к власти будут приходить нечестные люди, будут и злоупотребления властью, и никакая самая "парламентская республика", никакая конституция 2004 года, о восстановлении которой сейчас кричат с трибуны Майдана, от этого не застрахованы и ничего не изменят по существу. Чем какой-нибудь Сильвио Берлускони, правящий в парламентской Италии, лучше украинского президента Януковича? Ничем. Парламентское большинство точно так же будет голосовать за самыми мизерными ис-

* "Месседж", послание, основное значение — *Ред.*

ключениями, за проекты, вносимые лидерами этого большинства, и народ всё так же будет разочаровываться в своих ожиданиях, выходить на новые Майданы, и, в конце концов, святой порыв к Свободе превратится для него в тот же фарс, в который он превратился в Европе, в которой выступления трудящихся имеют своей целью лишь поддержку своей партии или какой-то идеи в политическом плане, в экономическом же — увеличение зарплаты или возвращение отнятых льгот — но никак не изменение системы, в которой один человек или группа людей устанавливает закон для ВСЕХ и один человек или группа людей имеют право присваивать себе львиную долю

того, что произведено сотнями и тысячами людей. А ведь именно это и произойдёт сразу, коль скоро будет объявлено о победе революции и сместившие нынешний режим или договорившиеся с ним оппозиционные лидеры так или иначе сами станут властью. Я уже представляю себе, как они сами будут "деликатно" просить народ освободить помещение КМДА и центр города. Неужели ради этого, ради этой новой кабалы всё это стояние в мороз, эти несчастные жертвы, эти унижения — чтобы привести на место одних угнетателей других?!

25 января 2014

Печатается в сокращении.

В. Адаменко

Два года спустя

Прошло уже два года с известных событий на Украине, о которых более подробно было рассказано в статье Павла Ефремова. Заметно повлияли они на жизнь украинского и русского народов.

Если бы мирное противостояние студентов и президента Украины закончилось их победой, то все развивалось бы по сценарию мирных ненасильственных революций, как, например, в 1986 году на Филиппинах или в августе 1991 в Москве. Но с того момента, как студентов сменили националисты, все стало развиваться по сценарию обычных революций (как в России с октября 1917).

Почему не произошло того же, что 30 лет назад на Филиппинах? Почему там мирное противостояние было успешным? Потому что участвовало в нем гораздо большее число людей: от полутора до двух миллионов человек; потому что были люди и организации, в основном, католические, для которых ненасилие было жизнен-

ным принципом, а не одним из политических инструментов, и они готовили людей к такому мирному сопротивлению годами.

Все революции, и насильственные и ненасильственные, проходят одинаковые стадии: духовный подъем; радость разрушения старого; завышенные надежды на построение нового и лучшего порядка; борьба с защитниками старого строя и конкурентами из числа самих же революционеров; усталость и разочарование народа, обнаружившего, что новые власти совершают старые преступления, а сами рядовые участники переворота не получили почти ничего. Учеными все это описано довольно давно (например, в книге П. А. Сорокина «Социология революции», 1925). Существенная разница только в том, что при ненасильственной революции жертв в сотни, тысячи раз меньше. В Москве, в августе 1991 года погибло три, на Филиппинах в феврале 1986 — 15 человек.

Провал мирного противосто-

жения на Украине и замена мирных студентов на приверженцев насилия из числа украинских националистов стало основной точкой выбора. Дальше уже все было довольно-таки предсказуемо и логично. Националисты оказались более стойкими, более жертвенными, и они победили. На правах победителей они стали устанавливать во всей стране свои порядки. Олигарх, финансово поддерживавший протестующих, по праву победителя, занял место бежавшего президента.

Новые порядки, устанавливаемые из столицы насилем, оказались совершенно неприемлемыми для многих регионов. И там так же стали возникать вооруженные отряды, которые так же насилем стали защищать свои права и подталкивать население ко все большей и большей автономии от центрального правительства страны.

Этот конфликт через некоторое время сошел бы на нет, закончившись компромиссом или просто усталостью народа. Даже победа одной из сторон была бы меньшим бедствием для простого населения, чем граж-

данская война. И масса беженцев с востока Украины, — по сравнению с ничтожным количеством людей, желающих воевать, доказывает это. Но со всех сторон нашлись люди, имеющие власть и деньги, которые были заинтересованы в подогревании огня, видя в этом политическую выгоду для себя.

Правительство России всеми законными и незаконными средствами помогло отделению Крыма от Украины и присоединению к России. И опять же, на правах победителя, стало устанавливать там свои порядки. Существующие на государственных средства СМИ обеих стран всячески раздували ненависть и психологически готовили людей к войне, одновременно же, чисто теоретически, рассуждая о братстве наших народов.

Но войны, в обычной, открытой форме, между нашими странами не состоялось. На Украине началась и продолжается гражданская война, с участием и российских военных, но количество жертв неизмеримо меньше, чем если бы была обычная война. Тем более — с применением ядерного оружия, о чем стали рассуждать на теле-

видении обеих стран “ответственные” государственные деятели.

Войну между странами не удалось устроить из-за санкций со стороны большинства стран мира и достаточно заметного антивоенного движения внутри России. Действия были самые разнообразные по форме: одиночные пикеты; видеообращения в интернете рок-музыкантов, писателей, политиков; Антивоенный конгресс интеллигенции; Марши мира (весной и осенью 2014 года) и даже отдельные отказы от службы в армии по причине нежелания участвовать в такой войне. Многие пострадали.

Рок-музыкант А. Макаревич разочарованно писал: «С какой же скоростью все вернулось в совковую империю — со всеми “единогласно одобряем”, “гневно осуждаем”, с вводами войск куда посчитаем нужным и конфронтацией со всем человеческим миром!» Не удивительно, что власти нет дела до простых людей — удивительно, что простым людям нет дела до самих себя. Проблема не в том, что наши правители делают преступления, а в том, что

мы слишком послушны и слишком верим нашим государственным СМИ. «Не покидает тяжелое ощущение, что жизнь свою я прожил зря». Реальность показала, что это не совсем так. Антивоенные действия россиян против войны с Украиной были в тысячи раз более многочисленными, чем в свое время против вторжения в Чехословакию или Афганистан. Но, конечно, недостаточно мощными, чтобы военные действия остановить совсем; чтобы остановить стремительное разобщение между нашими странами и народами.

Возникает вопрос: насколько уместна критика действий властей со стороны со стороны единомышленников Л. Н. Толстого, еще точнее: в нашем Толстовском Альманахе?

Если заглянуть в прошлое, то осуждения действий властей и даже призывы к властям встречаются и в статьях Льва Николаевича, и еще больше в зарубежных изданиях В. Г. Чертова и П. И. Бирюкова, журналах 1920-х годов. Так же, как у революционеров и у либералов — но цели при этом различны:

— либералы критикуют вла-

сти, чтобы с помощью имеющихся законов и структур исправить отдельные недостатки, или наказать конкретного виновника;

— революционеры показывают преступления власти, чтобы увеличить злобу людей к власти предрежающим и подтолкнуть народ к революции;

— Л. Н. Толстой и его единомышленники обличали власть в первую очередь для того, чтобы помочь человеку отдалиться от участия в государственных насилиях, в преступлениях этой власти, от оправдания ее деятельности; ведь всякое подобное отдаление неизбежно связано с жертвой для самого человека — и он должен знать, во имя чего приносится эта жертва; от чего и для чего именно ему нужно воздерживаться.

И не всякие антивоенные действия нам близки. В России

ряд антивоенных действий проходил под выкрики «Слава Украине! — Героям Слава!» и с оправданием всех действий украинских националистов. А на Украине многие антивоенные выступления заканчивались славословием В. В. Путина. Выступать против своего патриотизма и поддерживать чужой патриотизм — это уже не антивоенная деятельность, а политическая, оппозиционная. Настоящие антивоенные выступления должны быть против всех милитаристов, против войны вообще, а не против политики какого-то отдельного правителя. Проще сказать: виновна война, само применение насилия, а кто из правителей насколько прав, кто не прав — это дело для нас второстепенное, здесь все относительно. Мы скорее против кровавых методов, а не против тех или иных целей.

Некоторые из документов, относящихся к антивоенному движению того времени, мы хотели бы опубликовать. Но в первую очередь нас интересует вопрос: как же отнеслись к этим событиям те, кому не безразлично духовное наследие Л. Н. Толстого. Мы предлагаем вашему вниманию статьи и подборки отдельных записей из социальной сети «В Контакте». Их точки зрения различны, но они скорее дополняют, чем противоречат друг другу.

Роман Алтухов

(Россия)

5 декабря 2013

Что Бог не в силе, а в правде — это высокая истина.

Но только путь революции, соответствующий этой истине — только один. И совершается эта, истинная, революция — не на площадях, а — в сознании и в душах людских. Это — духовное пробуждение человека к истинному, религиозному пониманию жизни, к вере как руководству поведением.

Если бы совершающие теперь самообманную, ложную, в чём-то, и насильническую революцию жители Украины взяли бы прежде за эту, истинную, ненасильственную революцию — выходить на площади не потребовалось бы.

Как не потребовалось бы и невозможно было бы и враждовать ни с кем: ни со своим правительством, ни с Россией.

...Да, НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ. А правда любит — не шум площадей и толпы на улицах, в парламентах, в храмах (там её не ищите...), а — тишину уединения человека наедите с Богом...

24 февраля 2014

Все значимые права не даются, а берутся. Но — если это настоящая свобода для всех и настоящее благополучие, добрая, разумная жизнь, а не новый эксплуататорский строй — берутся права не насилием, не погромами на улицах и не убийствами. Революция не начинается, а ЗАКАНЧИВАЕТСЯ, ОБРЫВАЕТСЯ, когда начинается насилие, вообще — любые усилия вовне, на других, а не личное совершенствование каждого. Законов Божьих — никто не отменит: Украину ждёт разочарование, кто бы там ни победил в насилии, за него, за кровь, а главное — за оправдание насилия, поддержку, благословение, надежду на насилие — наказаны будут все, и в России и на Украине.

26 февраля

Повторю, что писал уже во многих местах: уничтожение памятников — нехороший признак. Рабьего бунта. Имеем то правительство и тот строй, каких, в массе своей, заслуживаем — каковы сами своими безбожными образом мыслей и поведением, своими инстинктами... Любое устройство жизни можно оздоровить, меняясь самым к лучшему, своим религиозным жизнепониманием. Ни в России, ни на Украине — не понимают этого: церковное лжехристианство держит, как якорь, одних отпугивая, другим отравляя мозги омрачённостью, фанатизмом...

То реально ничтожное, а большею частью — самообманное, иллюзорное, декларативное, что нынче выгрызла с кровью себе Украина — стоило ли таких страстей?

3 марта

Немногого стоят "братские" отношения народов русского и украинского, если вражду между ними эти народы позволяют разжигать всякой дряни.

НЕТУ братства этого, — ибо нету религиозного христианского понимания жизни, а есть только подмен суррогатом церковных лжеучений и обрядоверий (православного, католического — не важно).

Потому что было бы христианское сознание (необходимое, чтобы были настоящие сёстры и братья) — не было бы ни величания "своего" государства, ни желания дурацкой "независимости", ни враждования с обитателями другого государства, ни готовности насилия против них, служа "своей" насильнической власти, "своему" правительству, "своим" идеям...

А нету братства — так не будет ни равенства, ни свободы, насколько они вообще возможны в жизни... не будет! И не за что тогда орать на улицах, а тем боле драться. Одуматься — и менять своё жизнепонимание, всем, от ветхой церковности ко Христу и христианству во всех его силе и значении.

5 марта

[об увольнении историка А. Зубова за сравнение действий российского правительства и гитлеровского]

Прикормили российского интеллигента — в 90-х, без зарплаты сидя, что-то такой державной преданности не выказывали, чтоб коллег своих за высказывания увольнять!

P.S. Мне-то уж терять нечего: три года, как отовсюду вышвырнут...

5 марта

[на странице анархистов]

Не нравится мне эта ваша оговорка о революции: «не только бои...»

Ещё раз повторю: настоящая, победная, народная революция — в принципе не только не требует для себя насилия, но и не допускает его, уничтожается им.

Она не начинается, а — ОБРЫВАЕТСЯ и ГУБИТСЯ уличными протестами, драками, разрушением, ненавистью, убийством...

Ибо это — свидетельство того, что делатели революции не осознали ни целей, ни методик её проведения: усилие направляют не каждый на себя, преобразование своей природы к более светло-разумному состоянию, совместимому с возможностью коммунистического, анархического общества, а — вовне, на других людей и предметы, природу, насилию, разоряя, разрушая...

Как в "коммунистическом" СССР: не только не построили коммунизма, но даже не осознали в 50-80-е гг. текущих задач.

То есть — не были готовы.

Вот так и анархисты, вижу по оговорке вашей — не готовы...

А если вы тупо позволяете растить из себя старшим то, что им желается: новых хищников-стяжателей, солдат, уличных бойцов, и сами предаётесь атавистическим животным влечениям стайного и агрессивного характера — увы! в революционеры большинство из вас никогда уже не сгодятся. Рационализации насилия — всегда самообман.

Всякая истинная революция, освобождающая навсегда, а не ме-

няющая пастухов в овечьих шкурах над стадом — НЕНАСИЛЬСТВЕННА по определению. Торжество любви, смирения, милосердия и непротivления, а не ненависти и борьбы.

7 марта

У меня из группы посбежали "младшие братья" с Украины, почти все — как я им объяснил, в простых фразах, без экивоков, сущность их майданов и пр. глупостей и гадостей с толстовских (точнее же — христианских позиций).

Толстовское ненасилие и христианство Христа (а не попов и толковников) — не интересуют их, видите ли, в условиях противостояния. Как, по большому счёту, не интересовала и никогда правда-истина... В чём дурней (и дур) вырастили с детства, воспитали: военный патриотизм, церковное лукавство, и вера в "хорошее", оправданное насилие — тем и живут.

13 марта

«Голод голодных и сытость сытых» — не повод для майданов и любого насилия. Чтобы не было противоестественного неравенства — надо у природы и друг и друга куски не рвать, не эксплуатировать никого, не стремиться дармоедствовать на чужой счёт, огребать под себя, для себя и "своих", защищать несправедно удерживаемое насилием. Революции тут — бесполезное перетряхивание бардака.

В остальном леди Роговцева — права, права. Не должно быть и войны. И Путину нечего делать в Крыму: он о "плацдарме" думает, а не о людях. Людям там — без Путина надо о себе подумать.

17 марта

Долго объяснять, почему мне, обитателю России, как-то не радостны эти результаты о присоединении...

На моей памяти, в молодые мои годы, — одна страна была. И вызовы истории, прогресса человечеству таковы, между прочим, что надо выбирать: или сознательно-разумная жизнь, а не по воле

несознаваемых инстинктов, то есть единение, братство, а не разделение на державы, разделы и переделы территорий и вражда, или — погибель неизбежная уже в начале этого тысячелетия, и природы, и человечества на этой планете.

Лев Николаевич Толстой считал, что "люди русского народа" (к которым он относил и украинцев, и белорусов, и всех, близких культурно, прежде всего — религиозным пониманием жизни, этикой) могут показать миру пример адекватного ответа на такие цивилизационные вызовы.

Но — увы! — видим и сто лет спустя обратное: не разумное убеждение и братское единение, а — тупое следование якобы "разумных", взрослых людей атавистическим инстинктам животных: поделить, переделить территорию, погрызться за неё, подражаться, пометить именно своими метками, обгадить чужие... Зверюшки Дарвина с "президентом" во главе!..))

18 марта

В "лучших", весьма памятных, советских традициях — декларирование мифического "единства" партии, правительства и народа, чтоб обелить и оправдать пакостные делишки — только уже не брежневские, а путинские. Намеренное смешение понятий "единого народа" и "единого государства". Государство — это не народ, а одна из НЕ ЛУЧШИХ, архаических, форм сосуществования сообщества разумных существ, причём — разных народов, языков, вер... Причём здесь народ, и ещё род какой-то?

Собраться компактно народу, всем, кто считает себя русскими, можно и без изменения границ и передела территорий. Не надо путинские военные похоти прикрывать архаикой патриотизма и национализма.

И — уже это собственно ваша, путинской России, паранойя: объявление "врагами народа и всего русского" тех, кто критикует не русское как таковое и не народ, а — некоторые неправды в государственной и общественной жизни. Включая неправду мифологизации и героизации истории.

Илья Пайкин

(Россия)

22 февраля 2014

Думаю, что эти смелые люди борются за то, чтобы ими управляли хорошие правители, — честные, добрые, умные, но для этого надо, чтобы большинство людей было таково, а это достигается усилием каждого над собой. Боюсь, что смена руководства в стране, без улучшения общего морального климата не стоила и капли крови. Извините за смелость суждения человека далекого от событий.

25 февраля

Никакие "достижения" не стоят человеческих жизней. Никакие правительства не бывают хорошими, к власти приходят всегда самые худшие (морально) люди.

3 марта

Корабли России и Украины стоят в 200 м друг от друга и ждут приказа атаки. Что же эта за профессия — быть должным по приказу умирать и убивать неизвестных тебе людей за небольшое жалование, не лучше ли с ними побрататься и идти пить пиво на берег.

8 марта

Я против всех насильственных революций, в том числе и украинской, но, к сожалению, большая часть вины всегда лежит на властях, которые не проводят политику в интересах народа, а без поддержки народа революция не возможна. Революция уже произошла. Большинство стран уже фактически признало новое правительство. Если мы полезем восстанавливать Януковича, от нас отвернется весь мир.

* * *

Мы еще очень порочны пока. Но Толстой надеялся, что когда мы подолеем и будем любить друг друга как самих себя, то государство (аппарат насилия) исчезнет, и все народы станут братьями без границ и войн.

9 марта

Толстой пользовался книгами, железной дорогой и т.д. И без государства люди будут строить дома и пахать землю и интернет — государство только мешает, облагая всех данью. А то, что я далек от совершенства и пользуюсь благами цивилизации — это вы правы.

* * *

Иван Белоусов: Сейчас, при том уровне культуры, который мы видели на Майдане, революция означает только победу одной бандитской группировки над другой.

Илья Пайкин: пожалуй так, но гасить огнем огонь — будет огромное пепелище. Будь каждый сам хорош и все хорошо будет. Я понимаю: хорош — тот, кто стремиться всех любить и понять и уж, во всяком случае, не прибегать к насилию.

...Это уже случилось, теперь возвращаться назад к до майдану потребует огромного нового насилия. Надо оставить их в покое.

10 марта

Я бы предпочел обращаться не к народам, а к человеку и сказать, что каждый из нас, сегодня живущий, а завтра могущий уйти в мир иной, живет не для геополитических разборок, достижения величия своих держав, что всегда требует пролития рек крови, а для того чтобы быть в любви и дружбе со всеми и в радости прожить тот недолгий срок, отпущенный нам на нашей маленькой планете.

* * *

Я против всяких границ и разделений народов на государства вообще.

12 марта

Конфликт России и Украины это глюк. Нет ни России, ни Украины. Есть люди, стоящие у власти, и их интересы и страхи, есть обычные люди, как мы с вами. Любой конфликт в конечном итоге сводится к тому, что одни люди (стоящие у власти) посылают других людей (обычных) убивать друг друга. Но если люди отказываются убивать друг друга, то конфликт невозможен. Все так далеко зашли в демонстрации своей компетентности, что забыли простой факт: Если вы считаете, что кто-то имеет право вам приказать убить кого-то, а вы при этом должны повиноваться, то рано или поздно кто-нибудь кого-нибудь начнет убивать. Все уже давно забыли о противоестественности такого института, в котором учат убивать людей и беспрекословно повиноваться приказам убивать. Бороться нужно не с "плохими" президентами. Нужно упразднить "Институт убийства". Пока людей организовано учат убивать друг друга, будут войны. А всё остальное просто мишура, чтобы отвлечь вас от осознания этого простого факта.

20 марта

Армия — это узаконенные уголовники, только действующие не самостоятельно, а по приказу.

24 марта

Толстого обвиняли в предательстве, за то, что он был против русско-японской войны, но потом разобрались, что прав был Толстой.

27 марта

Толстому возражали часто, что если насилуют ребенка, то разве нельзя убить насильника... Т. отвечал, что за 80 лет ни разу не видел насильника ребенка, но постоянно — государственные насилия над миллионами людей, существующими под предлогом законности противления насилием насилию (передаю смысл).

Иван Белоусов (Приднестровье)

5 февраля 2014

Слава героям, которые пожертвовали своею жизнью ради Отечества. В Индии, во время освободительного движения против Великобритании, тысячи борцов за свободу были убиты и тяжело ранены. Именно их жертва вынудила Английское правительство предоставить Индии независимость. Это был достойный подражания исторический прецедент. Однако, в истории мы знаем и множество псевдогероев, которые предпочитают жертвовать не своими жизнями, но чужими. Они шли на протест не умирать, но теснить, бить и убивать, если потребуется. И все их "геройство" заключается только в том, что тесня других людей, они сами РИСКУЮТ быть убитыми. В такой агрессии нет любви ни к кому, и к Родине, в том числе. Называть зверствующего насильника патриотом, вдохновленным любовью к Родине — лживо и цинично.

23 февраля

Майдан победил в битве, но потерпел поражение в войне. Теперь, на крови, ни у кого из оппозиции ничего путного уже не получится. Дай Бог хоть как-то остановить беспредел националистов и избежать продолжения кровопролития и беззакония. На самом деле, после такой победы Майдана, Украина как никогда близка к экономической катастрофе и гражданской войне.

* * *

У пропустившего удар в голову сознание помрачается на порядок меньше, чем у того, кто этот удар нанес.

Илья Овчаренко (Украина)

23 февраля 2014

Не могу считать я это победой, потому что она взята силой. Да, бесстрашный и стойкий характер майдана, который не испугался пуль снайперов и беркутцев, майдан, который отстаивал мирно свою идею, разумная самоорганизация — это героизм. НО, использование бит и коктейлей Молотова — это зло при любых условиях. Какой пример мы показываем другим народам? ТО, что используя биты и доступный напалм можно достигать желанных перемен? Мы подталкиваем другие народы к насилию? Нет, это не может быть победой и методом разумного человека. Иначе всеобщего хаоса оружием массового поражения не избежать.

21 февраля

Обе стороны используют варварские методы. Обе стороны говорят, что защищаются.

И ещё можно, как дети, говорить: "он первый начал..."

Беркут и Бунтовщики.

* * *

Одно дело осуждать, а другое дело помочь увидеть что есть что. Конечно, грань тут порой сложно провести, где осуждение, а где просвещение, обличение... но рискнуть, я думаю, стоит, тем более, когда дело касается человеческих жизней. "Не кайлом, а псалмом действовать", как говорится... жечь глаголом :). Когда я вижу, как молодёжь под личиной героизма и рыцарства оправдывает жестокость и насилие, более лёгких выражений я подобрать не могу. Знание помогает увидеть. И если бы все гуманные люди честно выражали то, что думают, вслух и прямо, то, думаю, многого зла в

нашей жизни можно было б избежать...

«Только бы верили люди, что сила не в силе, а в правде, и смело высказывали бы ее». Лев Толстой.

16 марта

Про Крым можно сказать так, сейчас туда уже завозят технику из Керчи залпового огня "Ураган" (техника "Град" уже есть). Если бы хоть одна из сторон проявила благоразумие. Или Украина просто сдала Крым, или РФ просто отступила, то было бы 0 (минимум) потерь. Теперь же в целях "самозащиты" будут использовать оружие, которое просто всё сравнивает с землёй и неизбежны смерти тысячи мирных жителей, на чьей они совести будут? на всех совести, кто платит налоги и кто разжигает конфликт, для кого кусок земли, "исторической справедливости" дороже человеческой жизни. Никто не хочет быть умнее, как в садиках нас учат??

Разве родитель не отдал бы все свои вещи, свою землю и дом, лишь бы не умер его ребёнок? Так зачем же держаться за кусок земли, территории украинским или российским родителям?

14 апреля

Дурдом на майдане, бесспорно. Майдан поставил на себе крест, когда в нём уже начали появляться "самообороновцы".

Но и милиция абсолютно не права, по той же причине. Милиция это не жертва (как на видео показано). Невинная жертва не указывает, что делать людям, не берёт в руки дубинки и щиты. Не загромождает дороги.

Закон джунглей и светской морали: Беркут нанёс первый удар и развязал руки экстремалам, это оправдало последних перед частью народа. Они в одной связки и друг другу служат... выиграет сильнейший и утверждает, — вот, видите, без нас был бы хаос от этих экстремистов (если б милиция победила) или Беркутов-титишек, и победившая сторона утверждает свой деспотизм...

Павел Ефремов

Одиночный пикет

НЕТ ОККУПАЦИИ УКРАИНЫ!
НЕТ БРАТОУБИЙСТВЕННОЙ ВОЙНЕ!

Сегодня вышел на одиночный пикет против введения войск в Украину с транспарантом: «Нет оккупации Украины! Нет братоубийственной войне!» возле здания краевой администрации. Очень скоро ко мне подошли полицейские, спросили, откуда я, проверили документы. Тут же один из них заявил: «О, он же похож на вчерашнего грабителя». Меня отвели в сторону, всё спрашивали, почему я за Майдан, я отвечал, что я не за Майдан, а за мир. Спросили: воевали мой дед, какую страну защищал, а кто защищал Крым — ведь русские и т. д. Скоро подъехала патрульная машина и меня повезли в отделение мили-

ции — «задержание по подозрению». Там написали объяснительную с моих слов, рапорт, сняли отпечатки пальцев и т. п. Продержали три часа вливая в уши, что в Крыму 80% граждан России и она защищает их. — От кого? — От бандеровцев, которые в Киеве захватили власть. — Но ведь они же ни на кого в Крыму не нападали? — А вы хотели бы, чтобы напали? Вот уже лидер «Правого сектора» призывает разогнать все выборы (намёк на знаменитое видео в Ровенской облраде — слышал звон да не знаю, где он.) Кругом все пытаются уверить меня, что Россия там кого-то спасает... Видно те 7 лет, что я не смотрю российское ТВ уже

вырыли пропасть между мною и «простым человеком» с промытым мозгом... И так 3 часа чепухи, потом так же нелепо, после нескольких часов ожидания просто отпустили...

власти у них делает обращение с людьми бесцеремонным и дерзким. Да, вот против этого восстал народ Украины — чтобы за пикет не задерживали «по подозрению в краже», чтобы не полиция чувствовала себя хозяином, а Человек.

Атмосфера этого ощущения

3 марта 2014

Печатается в сокращении.

Виталий Адаменко
(Россия)

Письмо к Антивоенному конгрессу

Добрый день!
Приветствую
всех собравшихся!

Не имея сейчас возможности выступить лично, хотелось бы в своем письме изложить две основные мысли.

1. АГС

Мы говорим о силе нашего правительства и слабости общества, но сила правительства — только та, что мы передаем ему. Мы служим в войсках, в поли-

ции, собираем и отдаем налоги и так сами поработаем себя. Не будем преувеличивать свою слабость и поддерживать догматический пессимизм.

Каждый человек призывного возраста должен знать, что у него есть возможность выбора. И не раз в четыре года на выборах, не по опросу ВЦИОМа, не на митингах и демонстрациях, а непосредственно. Есть возможность не становиться орудием в руках правящей группы, орудием угнетения своего и чужого народа. И для этого не нужно нарушения законов или написание новых. Статья 59, ч. 3 нашей российской Конституции позволяет каждому призывнику выбрать вместо службы в армии — Альтернативную Гражданскую Службу. КАЖДОМУ, а не только баптистам и кришнаитам. И тогда он не будет принуждаем умирать и убивать того первого встречного, на кого ему укажет начальство. Как только наш народ осознает такую свою возможность, он станет свободнее. Нужно приложить все усилия, чтобы он такую возможность осознал. Вероятно, наше правительство по-

нимает, что если оно отберет у молодежи такой вариант, то это слишком многих подтолкнет к эмиграции — с тонущего корабля.

Для тех, кто уже в армии и не имеет такого выбора, остаются советы, выраженные в замечательной статье Андрея Соболева «Парни, берегите свои души от кровопролития, дезертируйте!»¹. К его статье могу добавить то, что пишет в своем обращении украинский проект «Без границ»²:

3) если кто-то из военнослужащих оккупационных войск решит отказаться исполнять преступные приказы и прекратить свое участие в интервенции — мы готовы предоставить консультации и сопровождение относительно процедуры получения статуса беженца в Украине, или готовы помочь получить соответствующую консультацию в других странах.

По указанным выше вопросам обращайтесь, пожалуйста, по адресу
home@noborders.org.ua или по

*телефону +38068 790 33 77. **

И мы, в свою очередь, в случае военных действий, должны поддержать наших отказников и профессиональных военных, покинувших ряды нашей армии, чтобы избежать необходимости исполнять преступные приказы, — а также и отказников из украинской армии.

Мы должны как-то позаботиться и о наших гражданах, пострадавших за участие в антивоенных митингах, особенно в провинции, например: в Петрозаводске³, в Иркутске⁴.

2. Независимое СМИ.

В нашей стране многие безоговорочно верят государственному телевидению. Но есть

* Вот это, пожалуй, единственное, что было мной написано зря. Ни тогда, ни сейчас я ничего не знаю об этой организации, кроме объявления, распространенного в интернете. Конечно, не нужно распространять координаты организации, о деятельности которой я ничего не знаю, но желательно было отправить это письмо вовремя, и я надеялся, что его получатели — люди, куда более информированные, чем я. Жаль. Но подправлять текст задним числом желания у меня нет.

много и тех, кто не верит никому: российское телевидение искажает правду в нужную ему сторону, украинское и западное — в свою. Не имея возможности разбираться во всем этом, люди отходят в сторону. Антивоенному движению нужно создать собственное СМИ и постараться держать репутацию правдивого и справедливого источника информации. Объективность важнее оппозиционности. Сообщения должны быть не столько противоправительственные, сколько взвешенные и проверенные. Полагаю, что из числа сочувствующих движению можно найти людей, достаточно опытных в деле отделения правды от лжи, например, профессиональных историков и следователей; людей достаточно честных и уравновешенных, чтобы замечать ошибки и преступления с обеих сторон.

Среди моря лжи есть сообщения, которые легко проверить и подтвердить. Например, сообщение о том, что самопровозглашенный «губернатор Донбасса» Павел Губарев состоял в РНЕ⁵, я вчера проверил за полчаса, не вставая с кресла,

просто найдя соответствующую запись на странице РНЕ «В контакте».

Или факт противоположного характера. Много раз встречал упоминание о том, что русскоязычные жители Крыма высказались против вооруженной защиты их прав со стороны РФ и уже десятки тысяч подписали петицию на сайте «Avaaz.org»⁶. Но сама система Avaaz.org устроена так, чтобы собирать как можно больше подписей людей любой национальности, гражданства и места проживания, что полностью дискредитирует саму идею этой петиции и всех тех, кто о ней сообщал.

Публикация подтверждения первого сообщения и опровержения второго улучшила бы репутацию нашего СМИ. Главное — это репутация.

Хотелось бы, чтобы в наших сообщениях было поменьше

оскорблений, не допускался национализм. Если мы против российского национализма, то мы должны быть и против украинского и какого бы то ни было другого национализма. Меня крайне смутили выкрики «Слава Украине! — Героям Слава!», звучащие на московском антивоенном, в основном либеральном и интернациональном, Марше Мира.

Финансировать это издание, мне думается, можно исключительно из своих личных средств, так же как были собраны средства на Марш Мира, не пользуясь никакими иными фондами.

Благодарю всех собравшихся за внимание.

С уважением,
Виталий Адаменко.

19-20 марта 2014 года.

Ссылки:

1. Андрей Соболев. «Парни, берегите свои души от кровопролития, дезертируйте!»: <http://www.echo.msk.ru/blog/ags1968/1270106-echo>
2. Украинский проект «Без границ»: <http://noborders.org.ua/ru/o-nas/novosti/zayavlenye-proekta-bez-hranyts-o->

protyvodejstvyy-vojne-y-ynterventsyy-o-dezinformatsyy-o-hotovnosty-pomohat-bezhentsam-y-vnutrenne-peremeschennyih-lytsam

3. В Петрозаводске:

<http://avtonom.org/news/v-petrozavodske-lyudi-v-maskah-pohitili-i-zhestok-izbili-organizatorov-mitinga-protiv-voyny-v>

4. В Иркутске:

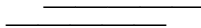
<http://avtonom.org/news/uchastnikov-avtonomnogo-deystviya-zaderzhali-vo-vremya-mitinga-v-irkutske>

5. Павел Губарев состоял в РНЕ:

<http://gigamir.net/news/politics/pub662847>

6. Петиция на сайте «Avaaz.org»:

https://secure.avaaz.org/ru/petition/Uvazhaemyy_Prezident_Rossiyskoy_Federacii_Vladimir_Vladimirovich_Putin_My_etnicheskie_russkie_i_russkoyazychnye_Ukrainy_/?pv=3.

19 марта 2014 года в Москве был проведен Антивоенный конгресс интеллигенции. Перед этим, 13 марта, было выпущено Обращение инициативной группы по его проведению. Я тоже присоединил свою подпись ко всему этому и получил приглашение. В те дни я болел и на конгресс поехать не мог, а посмотрел его в записи: <http://www.youtube.com/watch?v=0RZOpyvNP-I>

Увиденное не совсем понравилось мне, и я решил написать организаторам свое письмо. Конечно, критика со стороны человека, который сам не поехал и лично не выступил, мало чего стоит. Но мне, как и многим, тогда казалось, что вскоре создадут Рабочие группы, будут новые встречи, и у меня еще появится возможность выступить. Ответа я так и не получил.

Письмо было размещено мной на сайте «Зеленая палочка» (http://zpalochka.narod.ru/Adam_congress.doc) и на нескольких страницах интернета.

Я. Г. Кротов не захотел опубликовать мое письмо в своей Библиотеке, видимо, разочаровавшись в самой идее Конгресса.

6 апреля 2014 я отправил текст своего письма в редакцию газеты «Альтернативщик». Не для печати, а просто чтобы познакомить с ним членов редакции, о том сразу и написал. Текст был признан хорошим и емким, но не годящимся для газеты — на что я и не рассчитывал.

22 мая получил письмо от И. В. Петровицкой, которая прочла мой текст на сайте «Зеленая палочка»: «Замечательно. Жаль, что не знала о нем раньше...». В ответ я рассказал об истории его написания:

«Устроительница конгресса [Ирина Прохорова] объявляла, что будет продолжение и что будут созданы рабочие группы для решения тех или иных практических задач. На это письмо и было рассчитано. Т.е. кто-нибудь создал бы рабочие группы, в которых я посильно принял бы некоторое участие. Но никакого продолжения не было. Вернее, те действия, которые происходили позже, вряд ли можно назвать его продолжением. Потом, смотрю, участники потихоньку стали оглядываться и задаваться вопросом, кто в этом виноват?: то ли власть, то ли устроительница-миллиардерша... Но я-то точно знаю, почему продолжения не было :-)

Потому что у тех, кто собрались, смелости, сил и желания что-либо делать было ровно настолько, чтобы собраться. Они и собрались. На дальнейшее их не хватило. Всё. Никто больше ни в чем не виноват, даже власти.

И с моим письмом: по-хорошему было бы написать текст заранее, приехать, выступить, организовать две рабочие группы по обоим предложениям и т.д. Но у меня тоже на всё это сил нет, тем более что я в это время тоже болел — так что не на что обижаться, что на мое письмо устроители не ответили. Может быть и посчитали его провокацией. Да и мысль его написать пришла в голову не заранее, а по просмотре видеозаписи Конгресса — тех выступлений, которые там прозвучали — т.е. уже поздно. А если бы я вовремя написал, приехал и выступил — то, боюсь, что заслужил бы,

максимум, аплодисменты, ничего более.

Еще можно добавить, что все темные дела, совершающиеся в настоящее время, совершаются руками отнюдь не призывников...

15 мая отмечался «Международный день отказника от военной службы по убеждениям совести». С. Кривенко дал интервью на радио «Свобода»: www.svoboda.org/content/article/25386200.html. В нем явно чувствуется влияние заявления А. Савельева, обращения И. Овчаренко и моего письма — все эти тексты он накануне прочитал.

Смелых и откровенных писаний по поводу нынешнего конфликта, на самом деле, много. Например, Я. Г. Кротов пишет что-нибудь на эту тему, наверное, через день. Или, например, наш самарский журналист А. В. Лашманкин: <http://vk.com/id13034420>.

Только у них взгляды несколько иные, чем у меня, и мне далеко не все нравится, как и им мое».

И еще из моей переписки по поводу статьи Зинаиды Миркиной «Я не хочу, чтобы в Москве был майдан».

01.06.14: «Предварительно же могу сказать: майдан хорош ровно постольку, поскольку его можно удержать в ненасильственных рамках — но если инициатива будет перехвачена вооруженными отрядами, хорошего ждать впереди уже нечего. Независимо от того, есть или нет вторжения соседних стран. Представьте себе, что у нас начнется свой майдан, потом появятся вооруженные отряды НБП, АКМ, и РНЕ в результате чего к власти придет коалиция из Лимонова, Баркашова и им подобных. В частности, тогда дела на Украине из спецоперации превратятся в полноценную войну, как они и хотят. Зачем тогда всё это? Лучше уж так, как есть.

Впрочем, это все пересказ статей Толстого и Черткова о революции».

Илья Овчаренко

Обращение

к Правому Сектору,
Дмитрию Ярошу и
к народу Украины

Я хотел бы обратиться к людям из Правого Сектора, особенно к Дмитрию Ярошу. Я также думал обратиться и к силовикам РФ, но пока оставил эту идею, потому что у меня сложилось такое впечатление, что силовики РФ кроме как Путина больше никакого Бога не признают. А вот в рядах правого сектора я слышал такие лозунги, как «С нами Бог!», «Слава Христу!» Поэтому я обращаюсь в первую очередь к вам, Правый сектор и Дмитрий Ярош. Я, как один из представителей украинского народа, хотел бы уделить внимание

трём понятиям: Справедливость, Свобода и Религия, то есть мировоззрениям, которые звучат в ваших взглядах.

Вы говорите, что боритесь за свободу. Но что Вы понимаете под свободой? Я хотел напомнить учение мудрых людей, которые были на протяжении столетий, что истинная свобода есть свобода от зла в своей душе, что свобода не зависит от окружающего мира, но есть только проявление души и собственных мыслей, на которые мир никак не может повлиять. На свободу души и собственных поступков невозможно одеть оковы. Свобода — это

духовная сущность, и окружающий мир тут бессилён. Невозможно добиваться свободы от окружающего мира и от людей. Свобода добывается только собственным духовным ростом, поступками перед собственной совестью и Богом, независимо от всего мира. Вас могут посадить в тюрьму и надеть оковы, но свобода остаётся внутри.

Это то, что касается «свободы». Что касается «справедливости».

Справедливость связана с понятиями моральность, мировоззрение, религия и ощущение собственной совести.

Понимание справедливости и свободы связано с пониманием смысла своей жизни, пониманием морального закона, пониманием закона Бога. Настоящая борьба происходит в душе каждого человека, когда он всё выше и выше поднимается в моральном уровне. Это есть настоящая борьба и революция, которая изменяет людей, а не форму правления. Форма правления не сделает народ менее завистливым, не уменьшит эгоистичность между людьми. Форма правления не уменьшит

желание людей к животному способу решения проблем, то есть по закону джунглей: кто сильнее, тот и прав. Форма правления при низкой моральности всегда складывается в пирамидную структуру и «перегрузка» власти здесь невозможна.

Людей изменяет только понимание своего смысла жизни, понимание что есть «добро», а что «зло». То есть мировоззрение. И только когда люди будут прилагать усилия на собственное духовное развитие, возможны позитивные изменения.

Я хотел бы напомнить, что закон Бога самый главный, а законы государства — пустые слова. Можно предложить закон, чтоб осенью были подснежники, а зимой — жарко, но это ж бессмыслица. Потому что есть законы самые главные, которые приводят в движение всё существующее. От которых зависит всё. Те законы, которые держат всё.

Все люди происходят от одного бесконечного начала, то есть Бога. Все люди — это братья и сёстры. Все границы и названия государств только

разделяют людей. Все линии, границы государств существуют только на картах. Признание границ и разделение на государства есть непонимание человеческого духовного общего начала.

Про это говорят все мудрые люди на протяжении столетий. Все их проповеди сходятся в одной основе. В моральном законе, который утверждает: Любите Бога и ближнего. Не делайте то, чего не хочешь, чтоб тебе делали. Это мы находим и в Старом завете, что в любви к ближнему весь закон и пророки. И особенно в Новом Завете Нагорная проповедь есть вершина выражения этого закона, в котором сказано даже, не гневаться на ближнего, не гневаться даже на сумасшедшего. Не отвечать злом на зло, не судиться, любить врагов, молиться за тех, кто вас гонит и проклинает. Все эти истины прописаны в народной мудрости многих наций, в конфуцианстве, буддизме.

Дмитрий Ярош, вы говорили, что придерживаетесь традиционного христианства. Я хотел бы напомнить про ранних хри-

стиан, которые в полной мере приняли закон Любви. Они не признавали границы, они не признавали армий, которые разделяют людей и единственной их силой было самопожертвование, ненасилие, любовь, терпение и слова истины. Они первые ласточки, которые своим примером жизни распространили идеи, те идеи, которые побеждают мирские законы. Они через самопожертвование распространили те идеи, которые приближают Царство Божие, когда «перекуют мечи на орала», когда воцарится «вечный мир». Они приблизили то время, когда братья и сёстры всего мира объединятся в одно общество в духе и истине.

Из современных деятелей это Мартин Кинг и Махатма Ганди. Они доказали всему миру, что темноту не одолеть темнотой, и они побеждали силы ярости через любовь, не давали спирали жестокости «око за око» раскручиваться. Они и их последователи терпеливо сносили все оскорбления, унижения, убийства и запугивание своих родственников, но старательно придерживались невозможно-

сти использования насилия в собственной борьбе.

Сковорода говорил: Всё, что выдаётся за закон Бога, но не требует любви, то всё это человеческие выдумки, а не закон Божий.

Только церковное учение перекручивает настолько простые и понятные прямые слова, которые написаны в Нагорной проповеди. Церковное учение оправдывает насильственный аппарат государства. И это началось ещё со времён Константина. Церковное учение оправдывает возможность использования силы. Но я прошу вас непредвзято спросить у собственного сердца, совести, души, перечитать Нагорную проповедь. Что есть главный закон морали? что есть закон Бога? Ещё со времён Моисея заповедь «не убий» была перекручена церковниками и учёными (книжниками) для оправдания тех, кто имеет власть. Если б призналась заповедь Бога «не убей» в полной мере никто б не брал в руки оружие, никто б не захотел защищать Короля или Монарха, Тирана, потому что это противоречие с наивысшим

законом.

«Не бойтесь тех, кто может убить ваше тело, души же убить не могут». Скорее бойтесь того, кто может погубить тело и душу вашу.

Душу губит непонимание закона Любви. Душу губит ненависть и вражда. Душу губит незнание смысла жизни.

Только бы в своих поступках руководиться этим простым Божиим законом. Когда всё больше людей будет прикладывать усилия для того чтобы не совершать зла, только тогда возможны благие перемены. Когда больше и больше людей поймёт наивысший закон и смысл своей жизни и исходя из него поймёт невозможность вступать в ряды каких-либо силовых структур, а особенно армии. Только при соблюдении Божьего закона возможно преодолеть и сделать полную «перезагрузку» власти, объединить людей, создать мир без войны. Только при понимании всего греха использования насилия возможно преодолеть пирамидную структуру, когда сильные правят слабыми, потому что вся эта структура создана за счёт

простых людей из народа, которые преследуют свои эгоистические цели, которые не понимают истинного блага любви, блага самопожертвования во имя любви, братских ценностей. Той любви, которая ни при каких условиях не может выражаться силой и принуждением к чему-либо.

Христос не создавал армии. Христос не брал в руки дубину и меч. Христос не учил военной подготовке своих апостолов. Христос только проповедовал слова истины и бессмысленность насилия при любых условиях. Так как нет никакого блага для души накапливать, бороться и бояться за прах мирских благ.

Я призываю не подчиняться государственным законам, если они не совпадают с законом любви, законом Бога, то есть не делать то, чего не хочешь, чтоб тебе делали. Не идти в силовые структуры, не идти в структуры, которые обучают убийству и принуждать людей. Самозащита это не оправдание насилию. Самозащита через насилие, это по сути каннибализм, то есть поддержка своей жизни за счёт

убийства человека. «Из того, что возможно насилием подчинить людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинить людей насилию» [Б. Паскаль].

Невозможно построить храм на крови. Невозможно преодолеть кровь кровью, так же как и грязь грязью невозможно смыть.

Я призываю вас, Правый Сектор, Дмитрий Ярош, все граждане Украины, во имя любви и высшего закона не воевать в Крыму и где-либо. Я призываю к вам с тем, что война погубит намного больше жизней и душ через распространение примера жестокости и ненависти. Это дурной пример всем народам, это дурной пример простым людям, что через насилие можно достигать желанных целей, будь то защита или еще что-то. Все войны оправдываются «самозащитой».

Я взываю к вам, что невозможно «защищать» людей при современно оружию массового уничтожения системы «Ураган», «Град». Тут невозможна победа, потому что неизбежны смерти детей, женщин, мирного

населения. Пусть Путин и любители так называемой «сильной власти» тешатся своей силой и новой землёй, красуются своими танчиками. Но жизнь людей намного важнее, чем историческая или правовая справедливость. «Не воевать» это проявление рассудительности, а не слабости. Жизнь людей, Закон Любви превыше всего!

Остальное камни, грязь и прах земли, пусть за это борются червяки и муравьи. Помечать территорию и за неё воевать — всё это спускает нас до уровня животных.

У меня всё.

Слава Христу!

20 марта 2014

Перевод автора.

Если справедливо, что все добрые люди хотят того, чтобы прекратились те злодеяния, грабежи, богатства богатых, нищета нищих, все те убийства, преступления, которые омрачают жизнь человечества, то им надо понять, что достигнуть этого никак нельзя борьбой и возмездием. Все родит себе подобное, и пока мы не противопоставим обидам и насилиям злодеев совсем противные им дела, а, напротив, будем делать то же самое, что и они, то тем будем только пробуждать, поощрять и воспитывать в них все то зло, об искоренении которого мечтаем.

15 апреля 2014

Текст на украинском и русском языках: <http://pacificum.livejournal.com/57076.html>

Видео: http://vk.com/noarmynowar?z=video3282419_167992984%2Fvideos3282419

Из жизни Сидарты, прозванного Буддой, т. е. святым

Около середины 80-х годов Лев Николаевич Толстой усиленно занимался, в связи с основавшимся при его участии народным издательством «Посредник», составлением книжечек для народного чтения. Он старался привлекать к этому труду всех, кто имел возможность и желание участвовать в нем самостоятельными произведениями, переводами, переложениями, или какой-либо другой литературной работой.

Увлечение Л. Н-ча этим делом заразило временно и некоторых из его семейных. Один из его сыновей выразил желание принять участие в этих работах. Обрадованный Л. Н. тотчас же занялся составлением для него программы народной книжки о жизни и учении Сидарты Будды. Л. Н. сам написал вступление и первые две главы этой книжки для того, чтобы установить «тон» последующего изложения. Однако ни сын Л. Н-ча, ни кто другой из его семейных не осуществил этого труда, и конспект Л. Н-ча оставался долгое время без применения.

Тогда, в минуты досуга от текущих дел по тому же издательству «Посредник», я стал урывками продолжать начатое Л. Н-чем изложение о Будде. Мне удалось в то время составить несколько дальнейших глав о жизни Сидарты Будды и собрать довольно много материала для остальной части книги, окончить которую, однако, за недостатком времени мне не пришлось.

В настоящем выпуске нашего журнала печатается первая часть исполненной тогда работы, начиная с вступления и первых глав, принадлежащих перу Л. Н-ча. Дальнейшее же приводимое здесь изложение, составленное мною, было просмотрено и тщательно исправлено Л. Н-чем.

В. Чертков.

Если идти из середины России на зимний выход всё прямо, то тысяч за десять верст от нас, через Саратов, Уральск, Киргизскую степь, Ташкент, Бухару, придешь к высоким снеговым горам. Горы эти самые высокие на свете. Перевали через эти горы, и войдешь в Индийскую землю.

Индийская земля меньше русской втрое; но земля там плодородная и теплая — зимы нет; так что народу на этой земле кормится втрое больше, чем в России: народа считается в Индии числом до 240 миллионов. Теперь управляются индусы англичанами: 150 лет тому назад англичане завоевали Индию. Но до этого времени индусы жили свободно и управлялись сами своими царями.

В этой-то земле и среди этого народа родился, без малого за 2500 лет тому назад, за 600 лет до Р. Х. святой Сидарта Будда; и от него пошла великая буддийская вера, — та, в которую верует теперь третья часть всех людей на свете, более 400 миллионов людей.

В то время, когда родился

Будда, индусы верили в свою старинную веру. Учение этой веры было записано у них в книги больше 3000 лет тому назад, а началась она как только запомнят себя индусы. Книги браминов называются на их санскритском языке Ведами и считаются откровением свыше. Индусы говорят, что Веды написаны не людьми, а что они всегда были в уме Божества. Вера индусская была та же одна вера, которая записана в сердцах всех людей и без которой не бывает человек на свете. Вера индусов была такая же, как и вера всех народов — и персов, и китайцев, и египтян, и греков, и всех людей, какие живут на свете, — вера в то, что человек живет и умирает по воле Бога, и что тому, кто будет исполнять волю Бога, будет хорошо, а тому, кто не будет исполнять ее, будет дурно. Всегда и теперь в этом одном все веры людские. Все они согласны в том, что живем мы не сами по себе, а по воле Бога, что Бог — благой, и что для того, чтобы делать волю Бога, надо не делать зла, а делать добро. Такова же была и

вера индусская.

Они разное называли Бога: то Агни, то Варуна, то Индра, то Брами; но знали, что Бог един. Волю же единого Бога они понимали так же, как ее понимают все люди, как она записана в сердцах людей. Они знали, что воля Бога — добро и что делать зло — значит противиться воле Бога. Знали они и то, в чем добро и в чем зло так же, как это знают все люди. Так в одной из древних книг написано, что люди должны воздерживаться от убийства не только людей, но и всего живого, от гнева, от прелюбодеяния, от пьянства, обжорства, от лени, от лжи, от осуждения других и должны быть смиренны, воздержаны, честны, правдивы, чисты и должны воздавать добром за зло. Все это знали индусы и в этом полагали основание воли Бога.

В книгах Вед много высоко-го и божественного; но со временем к книгам этим стали прибавлять много пустого и лишнего. Случилось так, что между учителями, людьми, получавшими божеской воле, завелись люди лживые и корыст-

ные; эти люди стали учить индусов о том, что воля Божия не состоит в одном воздержании от зла и исполнении добра, но и во многом другом, нужном для Бога. И стали их учителя, жрецы-Брамины, вводить в учение о воле Бога много лишнего, ненужного и вредного для людей, но полезного для них. Ввели жертвоприношение, порядки молитв, омовения, очищения, ввели разделение людей всех на разные породы, уверив людей, что это все делается по воле Бога, и затемнили все истинное ложью и обманом. Жрецы-Брамины учили тому, что жертвоприношения спасают от всех зол и грехов; они учили тому, что спастись от грехов надо тем, чтобы уходить в леса и там мучать свою плоть постом и всякими страданиями. И сделалось то, что светские люди жили по-зверски, выкупая свои грехи жертвами, а монахи уходили от мира и в пустынях убивали свою плоть и жили без пользы для людей. Вера в истину ту, которая была в их священных книгах, все больше и больше ослабевала. И тогда-то родился, возрос и стал пропове-

довать свое учение святой Сидарта Будда.

В то время, когда родился Сидарта Будда, индуский народ весь был разделен на много маленьких царств. Все они жили отдельно и то дружили, то воевали друг с другом. На полдень от Гималайских гор текут и теперь речка Рапти и другая речка Рошни. Между этими-то речками и началом гор Гималайских было за 2500 лет тому назад небольшое, но богатое царство царьков Шакиев. Владели они округом тысяч в 30 десятин плодородной темной земли. Управление в их царстве от дедов и отцов шло хорошее. Народ сеял на заливных землях рис, торговал и платил богатые дани царям. Цари были очень богатые и жили роскошно. Вот из этого-то рода царей и был царь Судогдана, отец Сидарты Будды.

1

600 лет до Рождества Христова царствовал царь Судогдана. Женился он в молодости на красавице, царской дочери, по имени Майя. И не было у царя

детей. И на одиннадцатом году увидала царица Майя сон. Увидала она, что будто лежит она на своем ложе подле царя, своего супруга, и разверзлись потолок и крыша и над нею — звездное небо. И глядит она на небо и видит — из самой глубины неба, из-за всех других звезд выходит одна, становится все больше и больше, и видит царица, что идут из звезды этой шесть лучей светлых. И ярче и ярче становится звезда, и падает звезда ниже и ниже. И видит Майя — в середине звезды печать — белый слон с шестью клыками, и от каждого клыка — луч. Только рассмотрела это Майя, полетела звезда еще быстрее, ослепила, обожгла ее и, как стрела, вонзилась ей с левой стороны под сердце. Ужаснулась Майя, проснулась и сказала мужу свой сон.

Позвал царь сногадателей и спросил у них, что значит сон царицы? И сказали сногадатели:

— Сон к великому благу; сон означает то, что родит царица сына, и будет тот сын великой святости и мудрости на пользу всем людям. Он освободит мир от заблуждений и будет власт-

водить над людьми.

И точно — понесла с того дня Майя; и когда пришло ей время, родила сына необыкновенной красоты.

2

Обрадовался царь, что сбылось предсказание волхвов, и ждал теперь, что сбудется и предсказание о том, что сын этот будет властвовать над людьми. Царь понимал так, что его сын будет великим воином, завоюет других царей и будет царем над всем миром. Обрадовался царь и велел праздновать рождение сына по всему своему царству.

И стали сходиться со всего царства люди, чтобы поклониться младенцу. Пришел с другими и старец-пустынник, 50 лет не выходивший из своей пустыни. Пришел старец, и все узнали его и расступились перед ним, и царь встретил его. Когда же старец вошел к родильнице, она сказала женщинам:

— Положите младенца Сидарту к ногам старца!

Взглянул старец на младенца и сказал:

— Не трогайте младенца: не ему лежать у моих ног, а мне.

И сам распростерся на земле перед младенцем. И, встав, сказал:

— На дереве человеческого рода только один раз в тысячу лет зацветает цвет, тот цвет, который, распускаясь, наполняет мир благоуханием мудрости и любви. На твоей ветке, царица, распустился этот цветок. Но ты сделала свое дело и умрешь через семь дней.

Ушел старец. И точно — царица тихо умерла, назначив сыну в кормилицы служанку свою Магапру.

Огорчился царь Судогдана о смерти жены своей, но утешался сыном и тем, что было предсказано ему.

Рос сын и телом и духом; и пришло время учить его. Пригласил царь самого ученого человека своего царства — Висвамित्रа, чтобы обучить сына. И переехал Висвамитр во дворец царский и стал учить молодого Сидарту.

3

Стал мудрый Виславитр

учить юного Сидарту и удивился понятливости своего ученика. Что ни скажет Висмавитр, все сразу поймет и запомнит Сидарта; а другой раз и сам от себя продолжает и досказывает то, чего Висмавитр еще не толковал ему. Когда Висмавитр в первый раз стал учить своего ученика, как считать до ста, мальчик сразу понял, сосчитал до ста и тотчас стал считать дальше и досчитал до тысячи, десятков, сотен тысяч и миллионов. И какую науку ни показывал ему учитель, во всех Сидарта знал все лучше самого учителя.

И когда прошли так всю науку, то приподнялся старец со своего места, пал ниц перед дивным учеником своим и сказал:

— Не мне тебя учить, светлый юноша, а тебе подобает учить своих учителей. Для того только, должно быть, ты стал у меня учиться, чтобы показать мне, что и без книг ты уразумел все науки, и вместе с тем, что знания твои не вскружили тебе голову, не помешали тебе сохранить в своей душе смирение перед старшими.

Нрава Сидарта был тихого, скромного; в речах осторожен и мудр. Сердце у него было нежное, жалостливое, но и неустрашимое.

Никто из его сверстников не равнялся с ним в искусстве наездничества; никто лучше его не управлял колесницею. На охоте он всегда был первым, преследуя зверя, несмотря ни на какие препятствия и опасности. Но, нагнав оленя, он часто предоставлял ему уйти невредимым, и, во время скачки, обогнав своих товарищей, часто удерживал нарочно своего коня и пускал их вперед, не желая их огорчать. В самом разгаре веселых забав Сидарта часто скрывался с глаз своих товарищей и в уединении предавался своим думам.

И с каждым годом Сидарта становился жалостливее к окружающим его живым существам — людям и животным. Но он еще ничего не знал ни о горе, ни о страданиях и слезах. Знал он только понаслышке, что странные слова эти избегаются в разговорах с царями.

Гулял раз мальчик Сидарта в своем дворцовом саду. И услы-

шал он над головой своей частый, равномерный шорох. Он взглянул вверх — стая лебедей летела над его головою по направлению к северу. Впереди всех летел вожак — самый большой, а позади тянулись остальные. Загляделся Сидарта на лебедей и видит — передний вдруг замахал быстрее крыльями, зашатался и, кувыряясь, стал падать вниз: все скорее и скорее и — тяжело, грудью, ударился о землю у самых ног царевича. Крыло лебедя было пронзено стрелой, и алая кровь пачкала его белоснежные перья.

Сидарта присел на землю, бережно поднял к себе на колени раненого лебедя и осторожной рукою вытащил из крыла его стрелу. Потом, с лебедем на руках, нарвал он целительной травы, росшей в том месте, подошел к ручью, промыл лебедю рану и наложил на нее листьев целебной травы. Понемногу лебедь оживился и доверчиво прижался к груди своего спасителя. В это время подбежал к царевичу двоюродный его брат Девадата и, запыхавшись, воскликнул:

— Это я подстрелил его. Я

убил этого лебедя. Он не твой, но мой, — давай мне его!

— Нет, брат, отвечал Сидарта. Если бы лебедь был мертв, я бы отдал его тебе. Но он жив и страдает, и я не могу отдать его, потому что должен служить ему.

Девадата же возразил:

— Мертва ли, жива ли дикая птица эта, но принадлежит она тому, кто ее сразил. Отдай мне мою добычу.

Но Сидарта только нежно прижал листья целебной травы к крылу лебедя и сказал:

— Нет, милый брат! Я не могу отдать тебе лебедя — он мой, потому что я жалею и люблю его.

И еще сказал Сидарта:

— Да, я вижу теперь, как нужно внести в мир сострадание ко всем живым тварям и сдержанность поток земного горя! Но если ты настаиваешь на том, что лебедь твой, — сказал он брату, — то пойдем лучше к старейшим и мудрейшим, — пусть они рассудят между нами, и мы подчинимся их решению.

И сделали так братья. Созвал царь Судогдана совет из мудрейших подданных своих, и

стали они разбирать дело. Одни говорили одно, другие другое, и не могли они прийти ни к какому решению. Тогда встал один старец неизвестный и сказал:

— Жизнь принадлежит не тому, кто губит ее, а тому, кто спасает ее. Отдайте же лебедя тому, кто восстановил его жизнь!

Так сказал старец, и все присутствующие признали в душе мудрость его суда. Когда же царь захотел воздать хвалу праведному мудрецу, то его уже нигде не было, — он бесследно скрылся так же внезапно, как и появился.

Так царевич Сидарта положил начало своим делам любви и жалости.

4

Возрастал Сидарта и телом и духом. Внимательно присматривался он ко всему и допытывался смысла того, что видел. Он еще ничего не знал о людских несчастьях, нужде и горе. Кровь лебедя в первый раз показала Сидарте, что бывает на свете страдание, и он стал догадываться, что не все всегда бла-

гополучно и радостно на земле.

Заметил царь Судогдана, что царевич все чаще и чаще погружается в мрачные думы, и пожелал он развеселить своего сына.

Подозвал однажды к себе царь Сидарту и говорит:

— Что это ты, сынок дорогой, словно приуныл, затосковал? Пора теперь весенняя, — надобно радоваться и веселиться. Кому же быть счастливым, как не царскому сыну? Хочу я сегодня прокататься с тобою по нашему царству. Полюбуйся на плодородную страну нашу в ее весеннем убранстве, поглядим на народ наш, как он радостным трудом своим себя кормит и пополняет нашу царскую казну. Настанет время, — загорится для меня костер*, и тебе придется управлять страною, распоряжаться судьбами этого народа. Пора тебе познакомиться с ним.

И велел царь запретить свою колесницу, — поехал с царевичем осматривать землю. Было самое веселое время; повсюду

* У индусов тела покойников сжигаются на костре.

текли ручьи, зеленела трава, зацветали цветы; деревья одевались листвою. В лесах пели птицы, в траве копошились букашки, и пестрые ящерицы грелись на солнце. В прудах и речках играла рыба. По полям виднелись хлебопашцы, ходившие за плугами; дети-погонщики, помахивая кнутами, погоняли быков. Сеятели мерно переступали с ноги на ногу, раскидывая свои семена.

Все радовалось весне. Прозвонил и царевич. И глядя на сына своего, обрадовался царь Судогдана; и после этого раза велел он чаще водить царевича гулять по соседним полям и деревням.

Но не долго длилась радость царевича. Понемногу он стал ближе присматриваться к тому, что видели глаза его. И он заметил, что хлебопашцы тяжело переводят дыхание, едва справляясь с тяжелым трудом, и пот с них стекает ручьями. Он увидел, что волы изнемогают под тяжким ярмом, подгоняемые беспощадными погонщиками. Заметил также Сидарта, что ящерица ест муравья, змея — ящерицу, а коршун ест их обо-

их. Рыболов отбивает добычу свою у выдры, сорокопут ловит соловья, а соловей охотится за пестрыми бабочками.

И куда ни смотрел царевич, — везде он видел одно и то же: одни твари пожирали других, исподтишка подкарауливая, заманивая и обманывая свою добычу. Везде сильный губил слабого; везде были разбой и убийство, всюду жизнь питалась смертью! И понял Сидарта, что и люди так же, как животные, живут насчет своего ближнего, зверски притесняя, грабя и убивая один другого.

И великой тоски и жалости преисполнилась душа Сидарты.

— Эту ли, — думал он, — несчастную, злую жизнь мне так расхвалили? В ней ли можно обрести спокойствие и счастье?

И присел царевич, понуря голову, под тень высокого дерева, и погрузился в думы о том, сколько в мире страдания, горя и зла. И, размышляя, доискивался он причины всего этого несчастья и пути к освобождению мира от него. И долго после заката солнца все сидел он неподвижно на том же месте,

забывший о себе и поглощенный думами о борьбе со злом, о победе над страданием и горем.

И сохранилось в народе сказание, что в ту пору неслись под облаками святые, невидимые духи. И когда поравнялись они с деревом, где сидел Сидарта, пошатнулись крылья их, и неведомая сила притянула их вниз к ногам Сидарты. И увидели они чудного юношу, погруженного в думы, и алое сияние окружало голову его. И послышался им голос с небес:

— Вот избавитель мира. Преклонитесь перед ним!

И воспели духи хвалу Сидарте Будде и поднялись опять на облака и полетели дальше, спеша разнести радостную весть об избавителе мира.

5

После этого дня стал Сидарта все больше чуждаться окружающих его людей и проводить время в уединении и глубоком размышлении. Роскошная придворная жизнь потеряла для него всякую прелесть, и напрасно царедворцы пытались развесе-

лить его, придумывая для него новые игры и забавы.

Взволновался царь Судогдана, призвал на совет своих вельмож и сановников и сказал им:

— Слуги мои верные! Вспомните предсказание сногдателей и таинственного старца о том, что сын мой Сидарта станет великим мужем и будет властвовать над людьми. Слова эти должны исполниться: я надеялся, что сын мой сделается царем царей и, попирая под ногами врагов своих, покорить себе весь мир. Но — увы! — мы все замечаем в нем совсем иные склонности: его как будто привлекает образ жизни отшельников, путь самоотречения и укрощения плоти. Пускай ищут призрачных духовных благ те, кто судьбою лишен настоящих благ жизни. Сыну же моему не подобает волочить жалкую пустынническую жизнь. Он рожден для великих почестей, и я хочу пробудить в нем любовь ко всем радостям жизни. Пусть только загорится в нем желание власти и славы, пусть ступит он на доблестный путь храброго воина, и у него явится само со-

бой стремление подыматься все выше и выше над людьми, пока, наконец, не исполнится предсказание мудрецов. Вы же, мудрейшие из подданных моих, подайте мне совет, как лучше достигнуть этого?

И встал старейший из советников царских и сказал:

— Великий царь! Недуг царевича легко излечить, и вылечит его любовь к женщине. Сердце юноши еще не извело нежной страсти, еще не знакома ему прелесть женской красоты. Чего не удержать железными цепями, то женские ласки крепко свяжут. Надо найти царевичу жену.

Все согласились, но царь сказал:

— Если мы ему выберем жену, то навряд ли понравится она ему. А если мы предложим ему выбрать самому, то он улыбнется и откажется: ведь он еще и не подозревает наслаждений супружеской жизни.

Тогда сказал другой из советников царских:

— Вели созвать во дворец на празднество всех благородных девиц твоего царства. Пусть состязаются они между собою в

красоте и прелестях, а царевичу поручи быть судьей между ними и раздавать подарки тем, кого он найдет достойнее. Из всех девушек какая-нибудь понравится сыну твоему больше остальных. Мы же будем внимательно наблюдать со стороны и подметим которая. А тогда пусть девушка эта станет его женой.

Одобрил царь совет этот и разослал гонцов по всему царству своему сзывать во дворец на празднество всех благородных молодых девушек на состязание в красоте. Он всем обещал подарки, а великолепнейший подарок той, кто признана будет самой прекрасной из всех.

6

И в назначенный день стали со всех сторон стекаться девушки, одна краше другой, все пестро разодетые в шелковые ткани, нарумяненные, надушенные. И посадили вельможи юного царевича на возвышенный престол, а подарки разложили около него.

И стали по одной подходить

к нему девушки. Подходили они робко, с опущенными взорами, не решаясь смотреть в лицо Сидарте, так бесстрастно и спокойно-величаво глядел он на них. Каждая получала подарок из рук царевича, но ни одна не поколебала его спокойствия.

Наконец, после всех, подошла юная Язодхара. И, увидав ее, царевич вздрогнул. Не склоняя головы, стояла перед ним эта девушка и спокойно глядела на него своими темными глазами.

Она улыбнулась и тихо спросила:

— Есть ли подарок и для меня?

— Подарки все розданы, — отвечал царевич. — Но взамен того, дорогая сестра, прими вот это. Красота твоя выше всякого сравнения!

И царевич снял с своей шеи изумрудное ожерелье. Он нагнулся вперед и стал опоясывать им стройный стан Язодхары. И, опоясывая, он поднял голову и взглянул в темные очи девушки. И взгляды девушки и юноши встретились и слились; и от взгляда того зародилась между ними любовь.

Заметили вельможи, что Язодхара понравилась царевичу, и поспешили сообщить о том царю. Обрадовался царь Судогдана и, не медля, послал просить у отца Язодхары руки его дочери для царевича.

— Скажите царю, — ответил посланным отец Язодхары, — что я горжусь его предложением и с радостью дам свое согласие на этот брак. Но, будучи сам из царского рода, я свято храню предания старины. А по древнему обычаю в нашем роде, я могу отдать дочь мою только тому жениху, кто одержит верх над всеми своими сверстниками в воинственных играх. Если царевич хочет быть мужем моей дочери, то пусть он выйдет победителем из такого состязания.

Услышав слова эти, опечалился царь Судогдана.

«Куда, подумал он, сыну моему равняться с другими юношами в телесных состязаниях: ведь последние годы он только и делал, что сидел в уединении, погруженный в свои думы».

Но Сидарта узнал причину горя отца своего и сказал ему:

— Пускай состоится состязание, — я ведь и этому учился!

В назначенный день собралось множество зрителей присутствовать при торжественном состязании между юношами из-за руки прекрасной Язодхары. К великому удивлению всех зрителей, царевич Сидарта остался победителем во всех упражнениях — и в стрельбе из лука, и в битве мечом, и в езде на коне.

Тогда встала с своего места Язодхара, взяла венок из цветов, подошла к царевичу и повесила ему венок на шею. Краснея и опустив глаза, она тихо сказала:

— Бери меня, — я теперь твоя!

И радовался весь народ, глядя на жениха и невесту, и восклицали:

— Да здравствуют славный царевич наш Сидарта и невеста его Язодхара!

Свадьбу отпраздновали согласно древнему обряду. Затем связали вместе платье новобрачных, на головы их возложили венцы и пели свадебные песни.

7

Но сердце царя Судогданы

не успокоилось свадьбой. Он не понадеялся на силу любви и на женскую красоту и все придумывал, как бы еще лучше убедить Сидарту от тоски и тяжелых дум, все боялся, что царевич уйдет от него в отшельники, отречется от своей славной царской судьбы.

И придумал царь устроить для Сидарты крепкую тюрьму, откуда бы он не мог, да и не захотел уйти. И приказал царь построить для Сидарты такой потешный дворец, какого не было на свете видано. Был весь дворец из белорозового мрамора с золотыми главами, с высокими теремами и башнями, с расписными и раззолоченными палатами.

Поставили этот дворец на красивом месте, над рекой. Вокруг дворца по обеим сторонам речки Рогини на далекое место рассадили тенистые и плодовые деревья и цветники, так что через сады не доходили до ушей царевича звуки деревенской жизни. Слышалось только пение певчих птиц, наполнявших сады. Среди садов были водометы и пруды, и в прудах плавала и играла серебряная и зо-

лотая рыбка. Под кровлей дворца ласточки вили гнезда, а горлицы ворковали в садах. Ручные серны щипали цветы, и павлины гуляли, обметая блестящими хвостами ступени мраморных лестниц. Не было хищных зверей, ни птиц. Все жили мирно и радостно. А в пышных хоромах рабы и рабыни все были молодые и красивые. Были из них и певцы, и плясуны, и музыканты, и сказочники. И день и ночь там были готовы на золотых блюдах вкусные яства, разные сласти, редкие плоды и холодные напитки в драгоценных чашках. И день и ночь дымились в высоких курильницах опьянявшие духи, и журчали светлые водометы, и в полдневный зной было уютно и прохладно. А ночью зажигались душистые лампы, и при свете их царевич, если не хотел спать, мог слушать музыку или сказки, или смотреть на пляску красавиц.

Когда поспел дворец и все устроили в нем, царь Судогдана его осмотрел, остался им доволен и поселил там Сидарту с Язодхарой. И чтоб еще больше приучить царевича к радостной жизни, царь выбрал ему еще

двух красавиц: Готами и Минодару и отдал их ему в жены.

И еще приказал царь всем своим служащим, чтобы никогда при царевиче не поминал никто про людское горе, про нужду, про болезни, про страдания и смерть; чтобы никогда не мог увидеть царевич людских слез, не видал бы ни болезни, ни седого волоса, не видал бы старости, не видал бы даже усталости. Если случится, что запыхается плясунья, или подвернется у нее нога, или если ушибется кто, то сейчас прятали этих людей от царевича, чтобы никогда не видал он страдания, не знал бы, что есть на свете страдания. Птицу больную, букашку мертвую, лист поблекший и цветок завядший, — все, что только могло навести Сидарту на мысль о страдании и смерти и разбудить в его сердце прежнюю тоску, — сейчас убирали с его глаз долой приставленные к нему царские надсмотрщики.

Но и этого мало показалось царю Судогдане. Все боялся он, чтобы не затосковал опять его сын и не ушел бы от него. И велел он обнести всю усадьбу чу-

гунной решеткой с медными воротами и крепкими замками, а за этой решеткой поставил вторую еще выше, а за второй — третью. И у каждого ворот поставил сто человек верной стражи и приказал им: под страхом смертной казни — никого не впускать и не выпускать без его царского ведома, хотя бы то был и сам царевич.

И вот поселился Сидарта в новом дворце и стал жить в нем. И сначала показалось приставщикам царским, что Сидарта успокоился и живет беззаботно и счастливо в своем новом дворце. Время протекало в беспрестанных наслаждениях, дни за днями проходили в веселии, и никогда ничто не поминало царевичу о страданиях людей, ни о старости, ни о смерти. Он совсем забыл ужасное значение этих слов, забыл про все, о чем догадывался еще в отрочестве, о чем тогда скорбел душой и чему хотел помочь. Память о страждущем мире в то время отлетела от него, словно страшный сон, который он видел когда-то.

Но не могли надолго усыпить душу Сидарты ни чудные

песни и затейные сказки красавиц, ни рабская любовь наложниц, ни хитрые обманы царских приставщиков. Сама ненаглядная Язодхара не смогла убаюкать нужными ласками беспокойные мысли царевича. Вдруг опять все увидели, что затосковал он. Часто по целым дням Сидарта сидел молчаливый и задумчивый. Среди громкого веселья своих придворных он бледнел и вздрагивал, словно припоминая что-то страшное. А по ночам он беспокойно метался на мягком шелковом ложе и, вырываясь из жарких объятий Язодхары, вскрикивал: «Я вспомнил!.. Люди-братья, страдающие братья, я вспомнил вас; я все знаю, все слышу... Я иду!» И в эти минуты дивно сияло его бледное лицо, и кроткие глаза светились состраданием и любовью.

Тогда Язодхара, испуганная, просыпалась и робко спрашивала его: «Что с тобой, государь, куда ты хочешь идти?» И прижималась к нему вся в слезах».

И царевич, видя эти слезы, жалел ее и опять улыбался ей; а невольницы принимались петь и плясать, чтобы развеселить

их.

Язодхара, утешенная лаской мужа, сидела, нежно прильнув к его плечу, и думала, что он любит ее пляской рабынь и слушает их звонкие песни.

Но Сидарта опять погружался в свои грустные думы. Его мучили все те же неотвязные воспоминания, все те же безответные вопросы. Под веселый шум музыки и песен он думал:

«Жизнь моя проходит, словно вечный пир. Она полна роскоши, неги, веселья, но нет в ней никакого смысла, никакой цели. Что это за жизнь? Чем кончится вся эта пустая и глупая забава? Неужели жизнь мне дана только для моей потехи? И если так, то почему же не нашел я для себя ни покоя, ни счастья среди всей этой роскоши, веселья и сладострастия? Почему мысли мои уносятся далеко отсюда в тот другой, едва знакомый мне, страдающий мир, где царят неправда и зло? Зачем мне сквозь сон все мерещатся страдания далеких братьев? Отчего душа моя все рвется в тот неведомый мир, где несчастные люди, надорванные непосильным трудом, тонут в безбреж-

ном море крови и слез? Чей это могучий голос призывает меня и говорит: «Встань, Сидарта, сын Майи! Твое назначение не в сладкой и бессмысленной неге, не в наслаждении и бездельи. Миру нужен спаситель. Проснись! Тебя ждут темные, беззащитные братья, помоги им, полюби их, и ты узнаешь истинную цель твоей жизни. Иди и спасай».

И чем веселее плясали невольницы, чем громче они пели, тем яснее слышался Сидарте этот таинственный призывный голос, тем неотвязчивее восставала перед ним та другая жизнь далекого погибающего мира. И Язодхара опять замечала перемену в лице царевича, но не могла понять, о чем он тоскует».

Раз вечером Сидарта сидел, окруженный своим веселыми двором, и искусная сказочница Читра рассказывала ему старинные сказки про славных богатырей и царевичей, про золотогривых коней, про дивные, далекие страны.

Сидарта выслушал сказку и сказал, улыбаясь: «Славная сказка! Подари за нее Читре

свое жемчужное ожерелье, Язодхара!.. А как ты думаешь, милая жена, есть ли и вправду такой широкий большой свет, такие заморские страны? Есть ли там такие же живые души, как твоя и моя, — такие же любящие сердца? Есть, дорогая, есть, я знаю! Много, много там душ таких же родных, и, быть может, страдают они и несчастны. Ведь их надо бы любить, им помогать, не так ли, Язодхара? А мы с тобой и не видим их, и не знаем. Мы живем в этом дворце, как в тюрьме, мы скованы негой и роскошью, как крепкими оковами, и не можем помочь людям-братьям... Если бы мне такого коня-самолета, как в твоей сказке, Читра! Если бы мне широкие крылья орлиные... Полетел бы я выше наших гор, все увидел бы, что ни есть там, за нашими высокими золочеными решетками, увидел бы, как там братья наши живут».

И сказали ему придворные: «Там столица царя, отца твоего, государь, — и храмы, и дворцы, и царская палаты; а живет там твой счастливый и верноподданный народ».

И вскочил царевич с покойного ложа, и просветлело лицо его.

— Отдать приказ Чанне, вознице моему, чтобы была мне завтра в полдень запряжена колесница! — сказал он — Поеду в столицу мою, посмотрю на нее и на наш счастливый народ!

Тотчас доложили царю, что Сидарта собирается ехать в город. И сказал царь: «Что же, хорошо, пусть едет! Пора ему ознакомиться с народом».

А сам разослал по всем улицам города гонцов и глашатаев возвестить народу такой приказ:

— Великий царь Судогдана повелевает всем своим верноподданным, чтобы за ночь прибрали и вычистили и разукрасили всю столицу по праздничному; чтобы никто завтра не смел ни работать, ни торговать; чтобы не было видно на улицах ни грязи, ни пыли, ни крови, ни вонючих кож, ни нищих, ни хворых, ни слепых, ни калек; и чтобы мертвецов по городу не носили, и костров для них не готовили; чтобы все граждане молодые и здоровые мужчины, женщины и дети бежали бы в полдень навстречу

царевичу в праздничных платьях и подносили ему дары и приветствовали его. А кто того приказа царского не исполнит, тому — смерть.

И возвестили глашатаи приказ царя громким голосом по всем улицам города, от края в край, при барабанном бое. И покорный народ приготовился в точности исполнить его.

8

Только показалась из ворот расписная колесница царевича, запряженная белоснежными волами под блестящим ярмом, как весь народ, как один человек, радостно бросился навстречу. И мужчины, и женщины, и дети устилали путь колесницы душистыми цветами, дорогими тканями, и подносили дары, и кричали: «Да здравствует царевич Сидарта!»

Возрадовался царевич, увидав, как любит его народ, и сказал: «Хорошо наше царство! Счастлив весь наш добрый народ! И как легко доставить ему счастье: стоило мне только выехать, и вот — как все они рады!.. Даже малые дети меня

знают и любят. Вперед, Чанна! Поезжай по всем улицам, — полнубоюсь я нашей столицей, нашими потешными садами!»

И повез его Чанна. А веселая толпа окружала колесницу и бежала за нею, провожая ее громкими криками: «Да здравствует наш милостивый царевич Сидарта!»

Ехал царевич и любовался разукрашенными улицами и, улыбаясь ласково, кланялся народу на все четыре стороны, — как вдруг, откуда ни возмись, вышел прямо навстречу колеснице дряхлый и убогий старик, — такой древний старик, каких царевич не видывал отроду. Шел старик, еле-еле переступая ногами, согнувшись в три дуги над палкой, весь иссохший, в морщинах, совсем лысый и беззубый; полуслепые глаза его гноились; он глухо кашлял и хрипло дышал. Он остановился на перекрестке, когда колесница ехала мимо, и простонал: «Подайте милостыню, добрые люди!»

Окружили его надсмотрщики царские, затолкал его народ. — Куда лезешь? — закричали на него. — Убирайся с глаз долой!

И старик скрылся с глаз царевича.

Но Сидарта уже успел рассмотреть его: — Оставьте, оставьте, не обижайте его! — закричал он. — Стой, Чанна!.. Скажи мне, что это было? Какое это несчастное создание? Человек ли это!.. Отчего он так худ и слаб и жалок? Чанна, что с ним случилось?

Остановил Чанна колесницу и говорит: «С ним ничего особенного не случилось. Он только долго жил и стал стар. Это старик. Старые старики всегда такие бывают».

— Старик и старики?.. — шептал царевич побледневшими губами, не понимая смысла этого слова. — Стало-быть, он не один такой? Много еще их, — таких несчастных, в нашем царстве?

Улыбнулся Чанна: «Проживем столько лет, государь, так и все такие же будем. И этот старик был когда-то молод, и силен, и красив, и здоров, а как прожил 80 лет, — вот и состарился».

— Стало-быть и я, и моя Язодхара, и Готами, и Читра, и все, все наши, кого я люблю,

станут такими же? Неужели все!.. Все?

— Все, государь. С годами для всякого приходит старость. Но она не скоро приходит, — нам с тобой еще далеко до старости... Прикажешь ехать к потешным садам?

— Нет, домой, — сказал царевич, — скорее домой! Если правда, что старость удел всех людей и я должен быть таким же стариком, как и этот, не хочу больше видеть ничего. Глаза мои видели довольно.

Вернулся царевич домой и до ночи просидел молча, не дотрагиваясь до питья и пищи и не взглянув ни разу на любимых жен и на их веселые пляски. Заплакала Язодхара и бросилась к его ногам: «Чем провинилась я перед тобой, государь?» спросила она. «Или ты разлюбил меня?»

Царевич ее обнял и рассказал ей, что видел и что узнал, и сам заплакал горько.

— Обманывал меня царь-отец, скрывал от меня, что есть на свете старость, — сказал он. — И мы с тобой не знали, что нас ожидает, и наслаждались радостями жизни. Но теперь я

узнал и не могу больше... не могу больше никогда наслаждаться и радоваться!.. Все отравлено — с тех пор, как я увидал ее, старость ужасную, и узнал, что время — лютый враг — убьет нашу пылкую любовь, и наше счастье, и твою ненаглядную красоту, — все убьет! Только об одном теперь и думаю, как бы спастись нам и всем людям от беды неминуемой, от этой страшной старости.

И всю эту ночь царевич не спал и не нашел утешения и покоя. Доложили царю Судогдане о том, что случилось во время поездки царевича. Крепко опечалился царь, поехал навестить сына.

И сказал ему Сидарта: «Дозволь мне, государь, переодеться простым купцом и прогуляться с Чанной пешком по столице нашей и осмотреть всю поближе. Многое скрывал ты от меня, отец, многое там есть, чего я еще не знаю; а царям надо все знать!»

Обрадовался — утешился царь-отец: «Значит, мой Сидарта раздумал идти в отшельники, а, напротив, собирается быть хорошим, мудрым и великим

царем, как предсказано». И дозволил он сыну переодеться купцом и прогуляться по столице вдвоем с Чанной. А сам послал вперед гонцов и глашатаев возвестить народу, чтобы в тот день царевича не встречали и не узнавали.

На другой день пришел Сидарта в город пешком со своим верным слугой Чанной, оба одетые купцами. И никто не признавал их, никто не вышел на встречу.

В городе было все необыкновенному, по-будничному. Пестрая толпа шумела и сновала на площадях и улицах. Палящее солнце заливало все своими жаркими лучами, стояла пыль столбом, духота была страшная. На базарах народ кишмя-кишел: кто торговался, кто свой товар выкрикивал—выхваливал; все кричали, спорили, ссорились: медленно шли волы, передвигая в толпе громадные телеги на каменных колесах, и верблюды, тяжело навьюченные товарами; войско проходило, брэнча и стуча оружием и блестя на солнце мечами и щитами; ребятишки школьники сидели полукругом,

поджавши ноги, вокруг своего учителя и громко выкрикивали наизусть хором стихи священного писания; собравшаяся кучка народа любовалась на то, как разные ядовитые змейки плясали под дудку ловкого укротителя; прохожие торопились, встречались, шли каждый по своему делу.

Сидарта и Чанна прошли по всем улицам, никем не замеченные; до них никому дела не было. Дошли они до самых городских ворот, как вдруг услышали близ канавы при дороге жалкие, слабые человеческие стоны.

Бегом добежал Сидарта до канавы и увидел, — лежит на дороге человек в пыли и грязи; все тело его подергивалось в страшных судорогах, на измученном бледном лице горели красные пятна, глаза дико блуждали, на лбу стоял холодный пот. Человек стонал от боли.

Сидарта обнял его, приподнял на руках и спросил:

— Брат, что с тобой случилось? Отчего ты упал и встать не можешь?

Человек молчал. Его запекшийся язык не мог выговорить

ни слова. Он опять опрокинулся навзничь и захрипел.

— Чанна, что с ним? — испуганно спросил царевич. — Отчего он вдруг так вытянулся, захрипел, глаза закатились? Чанна, что с ним?

— Он болен, — ответил Чанна, — Его болезнь страшная, смертельная... зараза, чума. Отойди, отойди от него скорей, государь! Не прикасайся к нему, — а то сам заразишься!... — И Чанна насильно отвел Сидарту от умирающего.

— Чума? Болезнь? Зараза?.. — твердил Сидарта непонятные страшные слова. — Что значит болезнь, — скажи мне Чанна? Отчего она в этом человеке?

— Заражена его кровь, государь, оттого и болезнь. Прежде кровь его текла по жилам спокойной рекой; и тело его было тогда здорово; а теперь течет она бурным, разрушительным потоком, и этот страшный поток сжигает и пожирает силу и жизнь человека. Вот и страдает человек и корчится в судорогах и скрежещет зубами.

— И много есть еще таких несчастных страдальцев в нашем царстве? — спросил Си-

дарта.

— И в нашем царстве, и повсюду всякого человека, государь, во всякое время может посетить болезнь, — ответил Чанна. — И много их разных зараз и болезней на свете. Одна, как хитрая змея, незаметно нападает на человека — другая молнией жгучей сразу сражает его.

— И со мной, и со всяким может случиться это?

— Да, государь.

— Так что никто не может сказать засыпая: я завтра проснусь здоровым?

— Никто, сказал Чанна.

Вздрыгнул и побледнел царевич и сказал: «Домой, Чанна, веди меня!... Довольно глаза мои видели — довольно!»

Пуще прежнего испугался и опечалился царь Судогдана, как узнал от придворных, что случилось с Сидартой, и стал придумывать для сына новые забавы, послал ему новые дорогие подарки, прислал ему новых рабынь-красавиц и рабов — ловких фигляров и скоморохов. Ничто не помогло. Сидарта ни на что не смотрел и отказывался от всех забав. Опять приехал к сыну Судогдана. И опять стал

царевич просить у отца позволения прогуляться по городу с Чанной.

Призадумался царь: «Пустить или не пускать?.. Пущу лучше, — авось третья прогулка поправит все то, что две первые испортили, и разгонят его тоску. Да, может, оно и полезно, чтобы он всю правду узнал».

И решился Судогдана отпустить царевича в город в третий раз.

И вышли опять Сидарта с Чанной, и опять прошли они по всему городу благополучно, и ничего особенного не встретилось им; но как вышли они из городских ворот и перешли через мост, — вдруг слышались им громкие вопли и рыдания. Пospешил царевич к тому месту, откуда слышался плач, и увидел он толпу людей. В середине толпы неподвижно лежало что-то на земле. Подошел Сидарта ближе и рассмотрел то, что лежало посреди толпы: лежало на носилках зеленоватобледное мертвое человеческое тело.

— Что это? — спросил царевич у Чанны.

— Это похороны, — это ко-

нец всего, государь, — отвечал Чанна. — Это смерть. Человек этот умер.

— Что такое смерть? — спросил царевич.

— А то, что тело это уже ничего не чувствует!.. и черви съедят его, и оно обратится в прах.

— Но за что же на этого человека было послано это несчастье?

— Мы все должны умереть.

— *Все*, как и этот? *Все* — превратиться в черви и прах?.. Довольно, довольно глаза мои видели, довольно! — простонал царевич.

И Чанна повел его во дворец домой. «Смерть», думал царевич, «и это конец жизни? Это ее цель? Не может быть!..»

Когда они пришли в дворцовый сад, Сидарта остановился и поднял к небу глаза, наполненные слезами, словно искал там утешения своей измученной душе. Но не откликнулось безмолвное синее небо на страдания царевича. И он окинул печальным взглядом все окружающее, весь свой прекрасный, обманчивый рай земной. Любвью и жалостью ко всему жи-

вому загорелось сердце Сидарты, и он сказал:

— Несчастливая земля!.. Вся жизнь твоя — обман, все радости твои — мучения. Жалкие люди! Вы приговорены к смерти прежде вашего рождения, вам нет защиты и нет нигде спасения. Живая душа дана нам в насмешку... Цель нашей жизни — смерть.

Но неужто, Брами Вседержитель, ты создал этот мир для того, чтобы существа эти страдали и умирали? Неужто ты установил этот безжалостный закон борьбы и пожирания друг друга? Ты слышишь вопль и стон молящихся тебе беспомощных созданий, ты видишь их кровь и слезы, и — не поможешь им, ты, всемогущий Бог?.. Жесток и зол же ты, Брама!...

Или ты не внемлешь? Или вовсе нет благих и правдивых богов?.. А если нет их, так вместо них помогут жалость и любовь, и человек укажет людям путь спасения. Путь этот должен быть. Он есть. Я найду его для вас, бедные, заблудившиеся братья! Ждите, — близок час!

С этого дня уже больше не покидала Сидарту мысль об от-

речении от царского сана для служения миру.

А царь Судогдана, узнав, чем кончилась третья прогулка царевича, совсем растерялся от страха за судьбу сына и прика-

зал устроить стражу у ограды дворца и не выпускать оттуда ни конного, ни пешего, ни души живой.

(Не окончено).

Единение, № 1 и № 2 за 1916.

Это жизнеописание Будды не было окончено. В издательстве «Посредник», вышла другая, более подробная, книга П. А. Буланже «Жизнь и учение Будды». А Л. Н. Толстой, готовя свой «Круг Чтения», написал для него совсем короткую статью «Будда». Первая половина этой статьи повторяет, и местами дословно, то, что уже приведено здесь, поэтому помещаем только ее окончание, исправив имя Сидхарта на Сидарта и разделив ее на небольшие главки — для большего сходства с уже приведенным текстом, для удобства наших читателей.

БУДДА

«Все люди болеют, все люди стареются, все люди умирают, — как же могут люди жить, зная, что всякий час они могут заболеть, что они с каждым часом стареются, обезображиваясь и теряя силы, и, кроме того, знают, что всякий час могут умереть, наверное умрут рано или поздно. Как же можно че-

му-нибудь радоваться, что-нибудь делать, как же жить, зная наверное, что умрешь?»

«Этого не должно быть, — сказал себе Сидарта. — Надо найти избавление от этого. И я найду его. И когда найду, передам его людям. Но для того, чтобы найти это, надо уйти из этого дворца, где все развлека-

ет мои мысли, уйти от жены, от отца и матери и пойти к пустынникам и мудрецам и спросить их, как они понимают обо всем этом».

И, решив это, Сидарта на следующую ночь позвал своего возницу Чанну, велел оседлать себе лошадь и отворить ворота.

Прежде чем уехать из дому, он вошел к своей жене. Она спала. Он не стал будить ее, но, мысленно простившись с нею, тихим шагом, стараясь не разбудить спящих рабов и рабынь, вышел навсегда из своего дворца и, сев на лошадь, один уехал из родного дома.

9

Проехав так далеко, как могла везти лошадь, он слез с нее и пустил ее, а сам, переменявшись платьем с встретившимся монахом и обрезав себе волосы, пошел к браминским мудрецам-пустынникам и просил их объяснить ему то, что он не понимал: зачем болезнь, старость и смерть и как избавиться от них.

Один брамин принял его и передал ему браминское уче-

ние. Учение это было в том, что душа человеческая переселяется из одного существа в другие, что всякий человек был в прежней жизни животным и по смерти, смотря по своей жизни, переселяется в высшее или низшее существо. Сидарта понял это учение, но не принял его. Он прожил у браминов полгода и ушел от них в дремучие леса, где жили знаменитые учителя-пустынники, и прожил с ними шесть лет в посте и трудах.

И он так много трудился и постился, что о нем прошла слава в народе, и около него собрались ученики, и люди стали восхвалять его. Но и в учении этих пустынников он не нашел того, чего искал, и на него нашло искушение, и он стал жалеть о том, что покинул, и хотел вернуться к своему отцу и жене. Но он не пошел домой, а ушел от своих почитателей и учеников и удалился в место, где никто не знал его, и думал все о том же: как спастись от болезни, старости и смерти.

Долго он мучился, но один раз, когда он сидел под деревом

и думал все о том же, ему вдруг открылось то, чего он искал: открылся путь спасения от страданий, старости и смерти. Путь спасения представился ему в четырех истинах.

Первая истина была в том, что все люди подвержены страданиям. Вторая истина в том, что причина страданий — страсти. Третья истина в том, что для того, чтобы избавиться от страдания, надо уничтожить в себе страсти. Четвертая истина в том, что для того, чтобы уничтожить страсти, нужно четыре дела.

Первое — пробуждение сердца; второе — очищение мыслей; третье — освобождение себя от недоброжелательства и раздражительности; четвертое — пробуждение в себе любви не только к людям, но ко всему живому.

Умерщвлять свою плоть излишне, нужнее всего очищение души от дурных помыслов. Истинное же освобождение — только в любви. Только человек, заменивший любовью свои похотливые желания, порывает цепи невежества, страстей и избавляется от страдания и

смерти.

10

Когда учение это открылось ему, Сидарта оставил пустыню, перестал поститься и изнурять свое тело и стал ходить по народу и проповедовать открывшуюся ему истину.

Сначала ученики оставили его, но потом, поняв его учение, опять присоединились к нему. И несмотря на то что брамины преследовали Сидарту-Будду, учение его все более и более распространялось.

Учение свое Сидарта проповедовал народу в десяти заповедях.

Первая заповедь: не убивай, береги жизнь всего живого.

Вторая заповедь: не крадь, не грабь, не отнимай у людей произведения их труда.

Третья заповедь: будь целомудрен и в мыслях, и в жизни.

Четвертая заповедь: не лги, говори правду, когда нужно, бесстрашно, но любовно.

Пятая заповедь: не говори дурного о людях и не повторяй того дурного, что говорят о людях.

Шестая заповедь: не клянись.

Седьмая заповедь: не трать время на пустые речи, но говори дело или молчи.

Восьмая заповедь: не корыстуйся и не завидуй, а радуйся благу ближнего.

Девятая заповедь: очищай сердце от злобы, никого не ненавидь, а люби всех.

Десятая заповедь: старайся понять истину.

В продолжение пятидесяти лет Будда, переходя из места в место, проповедовал свое учение.

11

Последние годы Будда был слаб, но все еще ходил и проповедовал. На одном из таких переходов он почувствовал приближение смерти и, остановившись, сказал: «Меня томит жажда». Ученики подали ему воды, он выпил немного, посидел и пошел дальше.

Но около реки Харанеавата он опять остановился и, сев под дерево, сказал ученикам своим: «Пришла моя смерть. Помните без меня все, что я говорил вам».

Любимый ученик его Ананда, слушая его, не мог сдержаться и, отойдя в сторону, заплакал. Сидарта тотчас же послал за ним и сказал: «Полно, Ананда! Не плачь, не тревожься. Рано или поздно мы должны расстаться со всем, что нам дорого здесь. Разве на этом свете есть что-нибудь вечное?»

«Друзья мои, — прибавил он, обращаясь к другим ученикам, — живите так, как я учил вас. Освобождайтесь от опутывающей людей сети страстей. Идите по тому пути, который я указал вам. Помните всегда, что телесное все разрушается, только истина неразрушима и вечна. В ней ищите спасение».

Это были последние слова его.

А. Шопенгауэр

РАЗУМ

Как во всех вещах этого мира каждое новое средство, новое преимущество и каждое новое превосходство тотчас же вносит с собой и свои невыгоды, так и разум, давая человеку такое великое преимущество перед животными, приносит с собой свои невыгоды и открывает такие пути соблазна, на которые никогда не может попасть животное. Через них приобретают власть над его волей нового рода побуждения, которым животное недоступно, именно *отвлеченные* побуждения, — просто мысли, которые далеко не всегда извлечены из собственного опыта, а часто порождаются словами и примерами других, внушением и литературой. С возможностью *разумения* тотчас же открывается человеку и возможность *заблуждения*. А каждое заблуж-

дение, рано или поздно, приносит вред, и тем больший, чем оно было больше. За личное заблуждение когда-нибудь придется заплатить, и нередко дорогой ценой; то же, в крупном масштабе, и с заблуждениями целых народов. Поэтому нельзя достаточно напоминать, что надо преследовать и искоренять, как врага человеческого, всякое заблуждение, где бы оно ни встретилось, и что не может быть безвредных и тем более полезных заблуждений. Мыслящий человек должен вступить с ними в борьбу, должен, даже если бы человечество громко вопило при этом, как больной, которому доктор вскрывает нарыв.

Для массы место настоящего образования заступает своего рода дрессировка. Производится она примером, привычкой и

вбиванием накрепко с раннего детства известных понятий, прежде чем накопится настолько опыта рассудка и силы суждения, чтобы бороться против этого. Так-то и прививаются мысли, которые потом сидят так крепко и остаются столь непобедимыми для какого бы то ни было поучения, как если бы они были *врожденными*; да их часто и считают таковыми даже философы. Таким путем можно с одинаковым успехом привить людям и справедливое, и разумное, и самое нелепое — приучить их, например, приближаться к тому или иному идолу не иначе, как проникшись священным трепетом, и при произнесении его имени повергаться в прах не только телом, но и всей своей душой; класть добровольно свою жизнь и имущество за слова, за имена, на защиту самых причудливых пустяков; считать за величайшую честь или за величайший позор, по произволу, то или это и, сообразно с этим, уважать или презирать человека от глу-

бины души; воздерживаться от всякой мясной пищи, как в Индостане, или есть еще теплые и трепещущие куски, вырезанные у живого животного, как в Абиссинии; пожирать людей, как в Новой Зеландии, или отдавать своих детей в жертву Молоху; оскотничать самих себя, добровольно бросаться в костер, на котором сжигают покойника, — словом, можно их приучить *к чему угодно*. Отсюда крестовые походы, распутства изуверных сект, отсюда хилиасты и хлысты, преследования еретиков, аутодафе (костры инквизиции) и все то, что можно найти в длинном свитке человеческих заблуждений.

Трагизм заблуждений и предрассудков — в практической их стороне, комизм — в теоретической: нет нелепости, которая, если она внушена сначала хотя троим, не могла бы стать всенародным убеждением.

Таковы невыгодные стороны, которые связаны с присутствием в нас разума.

ЕДИНЕНИЕ

«Каждая личность есть существо, вполне отдельное от всех остальных. Истинное мое бытие — лишь во мне самом, все же остальное — не я и мне чуждо». Вот познание, истинность которого удостоверяют плоть и кости, которое лежит в основе всякого себялюбия и реальным выражением которого служит каждый нелюбовный, несправедливый или злобный поступок.

«Мое истинное внутреннее существо живет во всем живом столь же непосредственно, как в моем самосознании оно раскрывается лишь мне самому». Это познание, выражающееся в санскрите неизменной формулой *tat-twam-asi*, т.е. «всё это ты», проявляется в виде сострадания, на котором основывается поэтому всякая истинная, т.е. несвоекорыстная, добродетель и реальным выражением которого служит каждый добрый поступок. На это-то познание и рассчитывает в конце концов всякий призыв к кротости, человеколюбию, милосердию, ибо по-

добного рода призыв есть напоминание о такой точке зрения, с которой все мы — одно и то же существо. Напротив, себялюбие, зависть, ненависть, гонение, черствость, мщение, злорадство, жестокость основаны на том, первом познании и держатся его. Умиление и восторг, который мы ощущаем, слыша, еще больше — видя, а больше всего — совершая благородный поступок, имеет свое глубочайшее основание в том, что он вселяет в нас уверенность в том, что под множественностью и разнообразием личностей кроется их единство, действительно существующее и доступное нам, так как оно обнаружилось на деле.

Проявление того или другого рода познания из этих двух называется не только в отдельных поступках, но и во всем свойстве сознания и состояния духа людей. У человека с добрым характером сознание это совсем иное, чем у человека с злым характером. Человек с злым характером всюду чувствует твер-

дую перегородку между собой и всем, что вне его. Мир для него — не я, и его отношение к нему — с самого начала враждебное; потому основное настроение его всегда — неприязненность, подозрительность, зависть, зло-радство. Человек же доброго характера живет не в себе од-ном, а во внешнем мире, кото-рый он сознает односущным себе; другие для него — не не я, а «все я же и я». И потому его

отношение к каждому — всегда дружественное: он чувствует свое родство со всеми суще-ствами, принимает непосред-ственное участие в их благопо-лучии и несчастьи и доверчиво предполагает и в них ту же участливость. И в нем твердо укрепляются мир и то уверен-ное, покойное, довольное со-стояние духа, от которого каж-дому делается хорошо вблизи него.

Всякое неподдельное благодеяние, всякая вполне и поистине бескорыстная помощь, имеющая, стало быть, в виду исключитель-но чужую нужду, оказывается, строго говоря, при исследовании дела до последних основ, поступком таинственным и необъясни-мым, потому что вытекает из таинственного сознания единства всего существующего и не поддается никакому иному объяснению. В самом деле, подать хотя бы милостыню, не имея в виду, даже в отдаленных соображениях, ничего другого, как только уменьшить нужду, давящую другого, — возможно лишь потому, что подаю-щий познает, что то, что является ему сейчас под видом того жал-кого нищего, есть он же сам, потому что он узнает свое собствен-ное существо само по себе в этом ином, чуждом явлении.

«Круг Чтения» // Л. Н. Толстой. ПСС, том 41, М., «ГИХЛ», 1957.

Артур Шопенгауэр (1788-1860) — великий немецкий философ. Первый фрагмент: «Мир как воля и представление», т. 2, гл. VI. Второй фрагмент: «Об основе морали», 22.

Отношение первых христиан к войне

«Безумствует мир во взаимном кровопролитии, и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается скопищем». Так писал в третьем веке знаменитый *Киприан*, говоря про воинство.

Так же относилась к войне и вся христианская община первых веков до пятого века. Христианская община определенно признавала в лице своих руководителей, что христианам запрещено всякое убийство, а потому и убийство на войне.

Перешедший в христианство во втором веке философ *Татиан* считает убийство на войне так же недопустимым для христиан, как и всякое убийство, и почетный воинский венок считает непристойным для христианина. В том же столетии *Афинагор Афинский* говорит, что христиане не только сами никогда не убивают, но и избегают присутствовать при убийствах.

В третьем столетии *Климент Александрийский* противопоставляет языческим «воинственным» народам «мирное племя христиан». Но всего яснее выразил отвращение христиан к войне знаменитый *Ориген*. Прилагая к христианам слова Исаии, что придет время, когда люди перекуют мечи на серпы и копья на плуги, он совершенно определенно говорит: «Мы не поднимаем оружия ни против какого народа, мы не учимся искусству воевать, ибо через Иисуса Христа мы сделались детьми мира». Отвечая на обвинение Цельзом христиан в том, что они уклоняются от военной службы, так что, по мнению Цельза, если только Римская империя сделается христианской, она погибнет, Ориген говорит, что христиане больше других сражаются за благо императора, сражаются за него добрыми делами, молитвой и добрым влиянием на людей. Что же

касается борьбы оружием, то совершенно справедливо, говорит Ориген, что христиане не сражаются вместе с императорскими войсками и не пошли бы даже в том случае, если бы император их к этому принуждал.

Так же решительно высказывается и *Тертуллиан*, современник Оригена, о невозможности христианину быть военным. «Не подобает служить знаку Христа и знаку дьявола, — говорит он про военную службу, — крепости света и крепости тьмы; не может одна душа служить двум господам. Да и как воевать без меча, который отнял сам Господь? Неужели можно упражняться мечом, когда Господь сказал, что каждый, взявшийся за меч, от меча погибнет? И как будет участвовать в сражении Сын мира?»

В четвертом веке *Лактанций* говорит то же. «Не должно быть никакого исключения в заповеди Божьей, что убить человека всегда грех, — говорит он. — Носить оружие христианам не дозволено, ибо их оружие — только истина». В **правилах египетской церкви** третьего века и в так называемом «**Завещании Господа нашего Иисуса Христа**», безусловно, запрещено всякому христианину поступать на военную службу под страхом отлучения от церкви.

В «**Деяниях святых**» много примеров христианских мучеников первых веков, пострадавших за отказ продолжать службу в римских легионах.

Так, *Максимилиан*, приведенный в присутствие по отбыванию воинской повинности, на первый вопрос проконсула о том, как его зовут, отвечал: «Мое имя христианин, и потому я сражаться не могу». Несмотря на это заявление, его зачислили в солдаты, но он отказался от службы. Ему было объявлено, что он должен выбрать между отбыванием воинской повинности и смертью. Он сказал: «Лучше умру, но не могу сражаться». Его отдали палачам.

Марцеллий был сотником в Троянском легионе. Поверив в учение Христа и убедившись в том, что война — нехристианское дело, он в виду всего легиона снял с себя военные доспехи, бросил их на землю и объявил, что, став христианином, он более служить не

может. Его посадили в тюрьму, но он и там говорил: «Нельзя христианину носить оружие». Его казнили.

Вслед за Марцеллием отказался от военной службы служивший в том же легионе **Касьян**. Его также казнили.

При Юлиане Отступнике отказался продолжать военную службу **Мартын**, воспитавшийся и выросший в военной среде. На допросе, сделанном ему императором, он сказал только: «Я — христианин и потому не могу сражаться».

Первый вселенский собор (325 г.) ясно определил строгую эпитимию за вторичное поступление в войска христиан, оставивших службу. Подлинные слова этого постановления в переводе, признанном православною церковью, таковы:

«Благодатию призванные к исповедыванию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы, на свою блевотину возвратившиеся... таковые 10 лет да припадают к церкви, прося прощения, по трилетнем слушании Писания в притворе».

Оставшимся в войсках христианам вменялось в обязанность во время войны не убивать врагов. Еще в четвертом веке **Василий Великий** рекомендует в течение трех лет не допускать до причащения солдат, виновных в нарушении этого постановления.

Таким образом, не только в первые три века христианства, во время гонений на христиан, но и в первые времена торжества христианства над язычеством, когда христианство было признано господствующей, государственной религией, в среде христиан еще держалось убеждение, что война несовместима с христианством. **Ферруций** высказал это определенно и решительно (и был за это казнен): «Не дозволено христианам проливать кровь, даже в справедливой войне и по приказу христианских государей».

В четвертом веке **Люцифер**, епископ **Кальярский**, учит, что даже самое дорогое для христиан благо — свою веру — они должны защищать «не убийством других, а собственной смертью». **Павлин**, епископ **Ноланский**, умерший в 431 году, еще грозил вечными муками за службу кесарю с оружием в руках.

Отношение первых христиан к войне

Таков был взгляд христиан первых четырех веков на отношение христианства к военной службе.

Составлено Н.Н.Гусевым под редакцией Л.Н.Толстого по книгам:
М. А. Таубе «Христианство и международный мир»
и Т. Руинарт «Деяния первых мучеников».

Ипполит Римский, около 215 г.: «Солдат гражданской власти должен быть научен не убивать людей, отказываться от этого, если ему приказывают, и отказываться принимать присягу. Если он не согласен с этим, то должен быть отвержен [из церкви]. Военачальник или гражданский магистрат должен уйти в отставку или будет отвергнут. Если оглашаемый или верующий желают стать воинами, они должны быть отвержены, потому что презрели Бога» (The Apostolic Tradition of Hippolytus, 16).

«...Я перечитал наново лекции покойного друга моего Филиппа Алексеевича Терновского по церковной истории [«Три века христианства», Киев, 1877] и нашёл в них нечто, чего как будто не замечал прежде. Упоминается о направлении, которое обнаружилось в III веке (в IV в. — *ред.*) у **христиан в Севастии**, — что они признавали войну делом непримиримым с христианскою верою и воевать не хотели, но в солдаты шли, когда их забирали насильно, но там (в службе) опять оружия для нанесения смерти и ран в руки не брали, а чтобы отстоять своё убеждение — безропотно подвергались мучительствам и позорной смерти. — Таких “святых мучеников, иже в Севастии”, — поминает и наша греко-восточная церковь». (Из письма Н.С.Лескова к Л.Н.Толстому от 26 июня 1888 г.).

Сведения о севастийских мучениках и литература о них содержались также в книге: Ив. Косолапов. «Месяцеслов православной католической церкви», Казань, 1874.

А. С. Пушкин
Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

1828

Это стихотворение А. С. Пушкина (1799-1837) было особенно близко душе Л. Н. Толстого, только он предлагал в последней строке заменить слово «печальных» на «постыдных».

И. З. Суриков
Часовой

Полночь. Злая стужа
На дворе трещит.
Месяц облаками
Серыми закрыт.

У большого зданья,
В улице глухой,
Мерными шагами
Ходит часовой.

Под его ногами
Жесткий снег хрустит,
А кругом глухая
Улица молчит.

Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась изба
С белою трубой;

Вспомнилась голубка
Милая жена:
Чай, теперь на печке
Спит давно она.

Может быть, ей снится,
Как мороз трещит,
Как солдат озябший
На часах стоит...

«Русский песенник». Сост. И. И. Горбунов-Посадов. М., «Посредник», № 95, 1899.

Иван Захарович Суриков (1841-1880) — талантливый поэт из крестьян. Прожил недолгую жизнь, но создал Суриковский литературно-музыкальный кружок (1872-1933), в котором состояли практически все поэты из крестьян и мелких ремесленников: И. А. Белоусов, С. Д. Дрожжин, М. Л. Леонов, Н. А. Клюев, С. А. Есенин и др.

И. А. Белоусов

Разыгралася мятелица,
Закрутила вьюга снежная;
Снегом, словно белым саваном,
Вся покрылась степь безбрежная.

Задремала Волга-матушка
Изо льда бронюю скована,

До весны морозом-дедушкой
Во сне волшебном заколдована.

Крепко спит земля-кормилица,
От работы отсыпается, —
Для другого время страдного
Новой силы набирается.

А придет весна-красавица —
Все за дело снова примемся,
Сбросив с груди броню крепкую,
Волга-матушка поднимется, —

Понесет суда с товарами,
Заволнуется, запенится;
Разогрета теплым солнышком.
Муравью степь оденется.

И проснется Русь великая,
Грудь поднимется народная, —
И над степью, и над Волгою
Пронесется песнь свободная.

Белоусов И. А. «На воле». М., «Посредник», № 341, 1899. (переиздано в 1903, 1905, 1910 гг.)

Иван Алексеевич Белоусов (1863-1930) — поэт крестьянского происхождения.

Л. Н. Толстой

Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова

Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трех сторон:

1) со стороны содержания — насколько важно и нужно для людей то, что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение тогда только произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни; 2) насколько хороша, красива, соответственна содержанию форма произведения, и 3) насколько искренно отношение художника к своему предмету, то есть насколько он верит в то, что изображает. Это последнее достоинство мне кажется всегда самым важным в художественном произведении. Оно дает художественному произведению его силу, делает художественное произведение заразительным, то есть вызыва-

Л. Н. Толстой — Предисловие к «Крестьянским рассказам»
С. Т. Семенова

ет в зрителе, слушателе и читателе те чувства, которые испытывает художник.

И этим-то достоинством в высшей степени обладает Семенов.

Есть известный рассказ Флора, переведенный Тургеневым, — «Юлиан Милостивый». Последний, долженствующий быть самым трогательным, эпизод рассказа состоит в том, что Юлиан ложится на одну постель с прокаженным и согревает его своим телом. Прокаженный этот — Христос, который уносит с собой Юлиана на небо. Все это описано с большим мастерством, но я всегда остаюсь совершенно холоден при чтении этого рассказа. Я чувствую, что автор сам не сделал бы и даже не желал бы сделать того, что сделал его герой, и потому и мне не хочется этого сделать, и я не испытывал никакого волнения при чтении этого удивительного подвига.

Но вот Семенов описывает самую простую историю, и она всегда умиляет меня. В Москву приходит деревенский парень искать места и по протекции земляка-кучера, живущего у бо-

гатого купца, получает тут же место помощника дворника. Место это прежде занимал старик. Купец, по совету своего кучера, отказал этому старику и на место его принял молодого парня. Парень приходит вечером, чтобы стать на место, и со двора слышит в дворницкой жалобы старика на то, что его без всякой вины с его стороны разочли, только чтобы дать его место молодому. Парню вдруг становится жалко старика, известно за то, что он вытеснил его. Он задумывается, колеблется и, наконец, решается отказать от места, которое ему так нужно и приятно было.

Все это рассказано так, что всякий раз, читая этот рассказ, я чувствую, что автор не только желал бы, но и наверное поступил бы так же в таком же случае, и чувство его заражает меня, и мне приятно, и кажется, что я сделал или готов был сделать что-то доброе.

Искренность — главное достоинство Семенова. Но, кроме нее, у него и содержание всегда значительно: значительно и потому, что оно касается самого значительного сословия России

— крестьянства, которое Семенов знает, как может знать его только крестьянин, живущий сам деревенскою тягловою жизнью. Значительно еще содержание его рассказов потому, что во всех главный интерес их не во внешних событиях, не в особенностях быта, а в приближении или в отдалении людей от идеала христианской истины, который твердо и ясно стоит в душе автора и служит ему верным мерилom и оценкой досто-

инства и значительности людских поступков.

Форма рассказов совершенно соответствует содержанию: она серьезна, проста, подробности всегда верны: нет фальшивых нот. В особенности же хорош, часто совершенно новый по выражениям, но всегда безыскусственный и поразительно сильный и образный язык, которым говорят лица рассказов.

23 марта 1894 г.

Собр. соч. в 22 тт. Том 15. М., «Худ. лит», 1983. Впервые:
С. Т. Семенов. «Крестьянские рассказы», М., «Посредник», 1894.

Сергей Терентьевич Семенов (1868-1922) родился в бедной крестьянской семье, в 11 лет ушел в Москву на заработки. После прочтения народных рассказов Л. Н. Толстого сам захотел писать рассказы из знакомой ему крестьянской жизни. В 1886 г. он принес Л. Н. рассказ «Два брата», который был им одобрен. С этого момента и до конца жизни продолжалось их близкое знакомство и сотрудничество Семенова в толстовских изданиях. По совету Л. Н. молодой писатель уехал из города в свою родную деревню Андреевское, Волоколамского уезда, Московской губернии, где и провел почти всю свою жизнь. В 1905 г. С. Т. Семенов участвовал в «Крестьянском союзе», за что был приговорен к ссылке в Олонецкую губернию. По ходатайству Толстого она была заменена высылкой за границу. До 1908 г. Семенов прожил в Англии, у В. Г. Черткова. В 1909-13 гг. издательство «Посредник» выпустило «Крестьянские рассказы» уже в 6 томах. В 1912 г. Академия наук отметила это издание премией. А пьесы Семенова стали, пожалуй, самыми популярными произведениями этого жанра среди крестьян. Написал он и ряд воспоминаний: «Двадцать пять лет в деревне», «По чужим землям» и др. Убит соседом по не до конца выясненным причинам.

С. Т. Семенов

Дворник

Рассказ

I

Герасим пришел в Москву в самое глухое время для местов — в филипповки, потому перед праздниками и на плохом месте всякий держится — подарков дожидается. И не нападал Герасим на должность недели с три.

Все время прожил он у родственников да у земляков, и хотя нужды большой и не видал, а все-таки скучненько приходилось иногда: человек молодой, здоровый, а ходит без дела.

Герасим жил в Москве с малолетства. Мальчиком жил он на пивном заводе, бутылки промывал; а как вырос, по дворницкой части пошел. За последнее время он выжил у купца одного два года и расчелся только потому, что в деревню к солдатчине затребовали. В солдаты ему жребий не вышел, а в

деревне с непривычки показалось скучно, и решился он лучше в Москве тумбы считать, чем в деревне жить.

Однако ему надоело мостовые гранить, рад бы он хоть куда-нибудь пристроиться. Присился он чуть не у каждого встречного на место, и земляки хлопотали и знакомые его, да не выходило нигде никакой должности.

Стало совестно Герасиму и землякам-то надоедать. Которым и неприятно было, что он ходит к ним, а которые и сами выговоры за него от хозяев получали. Нечего делать парню — иной раз и целый день не евши проходит.

II

Зашел раз Герасим к земляку на самую окраину Москвы близ

Сокольников. Жил там земляк его в кучерах у купца Шарова и много лет уже выжил. Подделался он к хозяину так, что во всем верил ему хозяин и отличал примерно. А заслужил он почет такой у хозяина все больше языком. Наговаривал он хозяину на людей, про все дела их доносил; отличал его за то хозяин.

Приходит к земляку Герасим, поздоровался. Принял его земляк как следует, чаем напоил, накормил, стал парня про дела спрашивать.

— Плохи мои дела, Егор Данилыч, — говорит Герасим. — Вот уже которую неделю без места хожу.

— А у старого хозяина был, где раньше-то служил?

— Был.

— Не взял, стало быть?

— Не взял: у него уже есть на моем месте.

— Вот то-то и оно-то! Все вы молодцы такие: служите у хозяев кой-как да кое-как. А как разочтетесь, так и дорожку к ним загадите. А вы служите так чтобы хозяева-то дорожили вами, чтобы, как другой раз при-

шел, не отказал бы, а расчел бы того, кто на твоём месте.

— Где уж нам так-то... Нонче и хозяев-то нет таких, да и нашего брата не хвали...

— Толкуй, нету ... Да я про себя скажу: уйди я за чем ни на есть в деревню аль куда да опять приди — так не только что, а ни слова не говоря, опять возьмет... да с радостью.

Потупился Герасим. Видит — хвастает земляк, и захотелось ему поддакнуть. И говорит парень:

— Да таких-то людей как ты, Егор Данилыч, ведь не скоро и найдешь. Коли бы ты плох-то был — не держал бы тебя хозяин двенадцать годов кряду.

Улыбнулся Егор, — Понравилась ему похвала.

— Вот то-то и есть! — говорит. — Если бы вы жили так, как, мы живем да служим, не приходилось бы по месяцам без места шататься.

Помолчал Герасим. А тут позвали Егора к хозяину. Обернулся Егор к парню да и говорит:

— Ты погоду маленько — я сейчас.

— Ладно, — говорит Герасим.

III

Вернулся Егор, говорит:

— Через полчаса велел лошадей закладывать — в город ехать.

Закурил Егор трубочку, прошелся раза два по кучерской, остановился перед Герасимом и говорит:

— Вот что, парень! Хочешь — Я попрошу хозяина, чтобы к нам в дворники тебя взял?

— Разве нет у него дворника?

— Есть-то есть, да больно плох — стар уже стал, должность свою пополам с грехом справляет. Хорошо еще, что место у нас глухое, не очень чистоту полиция спрашивает, а то бы не справиться ему.

— Коли можно, Егор Данилыч, похлопочи, пожалуйста. Век за тебя буду Бога молить. Невмоготу уж стало... без места-то.

— Ладно, попрошу. Ты навейся-ка завтра, а пока — вот тебе гривенник, пригодится.

— Спасибо, Егор Данилыч! Так ты ж... того... похлопочи, сделай милость.

— Да уж ладно, постараюсь.

Ушел Герасим; пошел Егор лошадей закладывать. Заложил, оделся, подкатил к крыльцу.

Вышел хозяин, сел в сани — поехали. Объездили все места, какие надобились, и поехали домой. Видит Егор: хозяин веселый — и говорит ему:

— Егор Федорыч! Хотел было я вас об одном деле попросить.

— Говори, что такое?

— У меня есть тут земляк один, парень хороший, а без должности ходит.

— Ну, так что?

— Не возьмете ли вы его к себе?

— Куда же его взять-то?

— А в дворники.

— В дворники? А Поликарпыч-то как же?

— Поликарпыч — какой дворник? Его бы и расчесть пора.

— Неловко, брат! Служил-служил — да расчесть без всякой причины.

— Что ж, что служил? Служил, чай, не задаром: небось под старость сберег копейку.

— Какой сберег! Где сберечь-то? Он ведь не один, жена на квартире, тоже пить-есть надо.

— Жена обрабатывала себя: она на поденщицу ходила.

— Ну, много она там зарабатывала! На квас разве!

— А вам-то какая забота? Поликарпыч, надо прямо говорить, работник плохой, что ж ему задаром деньги платить? Ни снег он вовремя не счистит, ни что; а с дежурства раз десять уходит, — холодно, вишь, ему. Дождетесь того, что полиция беспокоить будет; того и гляди, околоточный нагрянет. Приятно вам будет отвечать за него?

— Все-таки неловко. Пятнадцать лет у меня выжил, а на старость и обижать... грех ведь...

— Какой грех, Егор Федорыч? Чем вы его обидите? Он все ровно прокормится: он в богадельню пойдет, ему же лучше — на старости на покой.

Подумал-подумал хозяин.

— Ну, ладно, — говорит. — Приведи земляка своего. Я погляжу там.

— Уж, пожалуйста, Егор Федорыч, поместите. Больно жалко парня: человек хороший, а без места. Он, я знаю, вам заслужит. Солдатчина оторвала его от места, а то бы с ним старый хозяин не расстался.

IV

Пришел на другой день Герасим к вечеру и спрашивает:

— Ну, что, Егор Данилыч, как дела-то?

— Дела-то, кажись, хорошие. Вот попьем чайку да сходим к хозяину.

Герасиму и чай не мил стал: поскорее хотелось ему о деле узнать. Однако через силу, а выпил два стакана. И пошли они к хозяину.

Расспросил хозяин Герасима, где жил, что умеет делать, и согласился взять его к себе, велел завтра перебираться.

Идет Герасим от хозяина, ног под собой не слышит: обрадовался месту. Вошел в кучерскую, и говорит ему Егор:

— Ну, смотри, парень, служи хорошенько, чтобы мне не стыдно за тебя было. А то знаешь, какие хозяева бывают: не угодишь раз чем-нибудь — так они попреками-то и покою не дадут.

— Уж будь покоен, Егор Данилыч!

— То-то!

Простился Герасим с Егором, вышел из кучерской. Пошел парень через двор, подошел к воротам. У самых у ворот сторожка, в окошке огонек светится; хотел было Герасим взглянуть на свое новое жилище, да стекло морозом запушило — ничего не видать. Слышит Герасим — идет в сторожке разговор. Остановился, стал прислушиваться.

Говорит женский голос:

— Что же теперь делать-то будем?

— И сам не придумаю, — говорит другой, должно Поликарпыч. — одно остается — по миру идти.

— И впрямь по миру, — говорит женщина. — Эх ты, жизнь-то наша горемычная! Живи-живи, служи-служи, а как: состарился — вон.

— Что ж ты будешь делать? Хозяин — не свой брат: с ним много разговаривать не станешь. Свою тоже пользу соблюдает.

— Все они такие скареды, хозяева-то: только о себе и думают. А того не понимают, что служат им честно, благородно сколько годов, измаялись на их работе, а они боятся год-другой подержать, пока сила есть. Ну, а там, когда мочи нет, и сам бы ушел.

— Хозяин не виноват: его кучер сбивает, Егор Горюнок хочет земляка своего поместить.

— Вот тоже аспид! Только и знает, что языком виляет. Пожди ты, мохнатая морда, я до тебя доберусь! Все в глаза выскажу, как он его надувает. И как овес ворует, и как сеном обманывает — все распишу, — попомнит он, как кляузничать.

— Будет, старуха! Не грехи.

— Что не грехи? Не правда, что ли? Я все знаю, все и расскажу: пускай похлопает глазами. Ведь сам посуди, что нам делать, куда деваться? Ведь обездолил нас совсем.

Не вытерпела старуха, заплакала.

Услыхал Герасим, — как ножом кольнуло его. Видит он, какое горе делает старикам, и заныла в нем душа — жалко стало. Постоял-постоял он, подумал да и вернулся назад в кучерскую.

— Аль забыл что? — спрашивает Егор.

Замаялся Герасим.

— Нет, — говорит, — Егор Данилыч, я вот что... покорно благодарю тебя за хлопоты и привет твой... только... я не пойду к хозяину вашему на эту должность.

— Что так?

— Так, не пойду... поищу другого места.

Осерчал Егор:

— Аль ты смеяться вздумал надо мной, дурак ты этакий! То ныл: похлопочи-похлопочи, а то отказываешься. Эх ты, баранья твоя голова! Только меня-то остыдил.

Молчит Герасим, не знает, что сказать. Покраснел как рак, потупился.

Ничего не сказал Егор, только отвернулся. Надел шапку Герасим, пошел из кучерской, потом за ворота, и легко пошел он по улице. Легко и радостно было на душе у него.

1888 г.

Турки

I

В один год моего раннего детства в нашей местности выпал плохой урожай. Хлеба собрали очень мало, и цена на него так поднялась, что многим беднякам из

крестьян приходилось круто, и они не знали, как им провести зиму и дожждаться нового урожая. Приходилось бедствовать и нам. Чтобы перенести эту нужду, мой отец с матерью решили отправиться на зиму в Москву, на заработки, и весь

дом оставить на бабушку и меня. Нам двоим всего было нужно немного, и, если чего не достало бы, отец с матерью при случае легко могли выслать это из Москвы. Бабушка на это согласилась, и отец с матерью выправили паспорта, простились с нами и отправились.

Мы с бабушкой сначала поскучали без них, а потом привыкли и стали вдвоем коротать короткие зимние дни и длинные темные вечера. Бабушка пряла и рассказывала мне сказки и истории. Много любопытного узнал я за эту зиму, но самое важное мне пришлось узнать на пасхе. В ту зиму в Москву от нас много поуходило. К святой некоторые возвращались домой. Ждали и мы отца с матерью, но они не приехали, а прислали весть, что решили пока бросить хозяйство и жить в Москве сколько проживется. Места им попались хорошие. Они прислали нам денег на подати, на хлеб и целый короб гостинцев. В коробе между всякой всячиной лежали свернутые в трубочку бумаги. Мы развернули их. Бумаги оказались литографскими карти-

нами^{*}. Они были сделаны в несколько красок и очень ярко. На картинах изображались святые, какие-то начальники, а две из них были непонятного содержания; на одной была нарисована деревня с горящими дворами, из домов бежали мужики и бабы с ребятишками, а за ними гонятся какие-то люди и бьют их; много побитых валяется кругом; какого-то мужичка вешают на дереве, а там ребенка бросают с крыльца. На другой картине было сражение.

Ни я, ни бабушка не знали, что означали эти картины, и они остались для нас неразъясненными до середины святой. Посреди святой к нам приехала в гости бабушкина дочь, тетка Афимья. Она была выдана замуж в селе Левашеве. Левашево это стояло на большой дороге, и туда всегда приходили всякие новости раньше, чем в другие деревни. Тетка Афимья

^{*} Литографские картины — дешевые издания, выпускавшиеся для народа. Литография — печатание с камня: рисунок наносится на литографский камень, затем обрабатывается химическим путем, после этого на него накатывается краска и с него печатают картины.

всегда привозила их нам целую кучу, и знала она больше, чем наши деревенские люди. Бабушка рассказала ей про наших, про то, что они домой на лето не придут, помянула про гостинцы; а я показал ей картины. Тетка долго разглядывала картины.

Бабушка спросила се:

— Что это такое тут? Мы никак не поймем.

— Это-то? Чего ж тут не понимать, — сказала тетка, — это турки.

— Какие турки? — спросила бабушка.

— Да вот нехристи; живут, где старый Ерусалим стоит.

— Кого же это они бьют?

— А это они сербов мыта-рят. Есть такой народ — сербы; они под ихним владением находятся, дань им платят, а веры — нашей, христианской. Ну, вот туркам-то и не любо это. И хочется им, чтобы они в ихнюю веру перешли, а сербы не хотят.

— Ах, басурманы этакие! — воскликнула бабушка.

— Еще какие басурманы-то! — сказала тетка. — Намедни нам лавочник в «Ведомостях»

читал, как они измываются-то над сербами: придут в деревню, войдут в избу — старым головы долой, а малых приколют да в ямы... А то начнут ремни из спины выкраивать, суставы на ногах да руках вывертывать; очень уж озорничают...

У меня от этого рассказа мурашки по спине забегали, бабушка тоже заахала.

— Вот разбойники-то! — опять воскликнула она.

— Только теперь, слава Богу, скоро ихнему бесчинству конец придет. Хочет наш батюшка-царь за сербов заступиться; уж солдат в ихнюю землю погнали.

— Что ж, воевать будут?

— Воевать будут.

II

Я не утерпел и в этот же вечер побежал на улицу и рассказал своим товарищам, как озорничают турки и как их будут усмирять.

Скоро действительно стали говорить, что война началась, что были уже сражения. Наши

солдаты перебрались за их реку Дунай и вошли в турецкую землю. Говорили, что в городе как-то раз целый день флаги висели и в церквах пели молебны, потому что нашему войску над неприятелем Бог даровал победу.

Летом наши снова кое-чего прислали. Между гостинцами опять было несколько картин. На этих картинах изображалось уже совсем другое: тут уж наши солдаты побеждали турок, а турки падали, как чурки. Наши колют их, бьют прикладами, а турки падают убитыми или бегут. Глядя на такую картину, нам делалось очень весело, и мы с злорадством говорили:

«Ага, некрещеные! Вот как наши вас треплют! Это не то что сербы: они вам покажут кузькину мать...»

После стали носиться слухи, что на войне бьют и наших. Осенью к нам в деревню пришло письмо, и в нем писали, что один парень, взятый года два тому из нашего места на службу в гвардию, убит на войне. А еще в одной деревне из четырех один убит и один

ранен. Выходило, что не зевали и турки. После этого стали говорить, что турки очень сильны, храбры и отчаянны. Очень просто, они и русских покорят: придут в Россию, заберут нас в плен и переведут в свою веру. Нам поддаваться туркам не хотелось, и мы, бывало, соберемся в артель и думаем, гадаем, как мы будем отбиваться от турок.

III

Прошла еще зима. Подходил великий пост. Потом явилось известие, что в наш город пригнали целую партию турок, взятых в плен, и разместили их по разным домам на постой. Такими партиями, говорили, их расселяли по всей России. В деревнях всполошились; особенно закопошились мы, ребята. Мы опасались того, как бы они не ушли да не забежали к нам. Перепугают они всех до смерти. Взрослые выражали неудовольствие, зачем турок к нам пригнали: «Они наших бьют, а их здесь хлебом кормить будут». Это неудоволь-

ствие росло, и вскоре, как пригнали турок в наш город, пронесся такой слух, будто бы в город привели сколько-то турок в баню мыться. В бане были и русские. Один торговец тоже пришел с толпой и при виде турок так озверел, что нацедил полную шайку кипятку, подошел к одному турку и вылил ее ему на голову. У нас кое-кто и осуждал торговца, но многие говорили, что «он — молодец, что турок так и надо».

Под конец зимы пришло известие, что с турками заключили мир, и стали говорить, что пленных скоро угонят домой и что не всем туркам хочется идти; один, говорят, даже в крещеную веру перешел и хотел остаться в нашем городе со всем. Мне так сильно хотелось хоть напоследок увидеть турок, что они начали во сне мне сниться.

Однажды, после святой уж, я сидел у амбара и делал шалаш из палочек. Вдруг подбегает ко мне мой ровесник Гришутка Бурмистров и лопочет:

— Сала-малак, кула-балак!

Я оглянулся и сразу в себя не мог прийти. По лицу —

Гришутка, а наряжен каким-то шутком: рубашонка забрана в штанишки, на ногах какая-то кофточка, на голове шапка, вывернутая так вот, как на картинках у солдат: спереди — здравствуй, а сзади — прощай.

— Ты что это? — говорю я Гришутке.

А он опять:

— Сала-малак, кула-балак.

— Что ты, с ума спятил?

— Нет, — говорит, — это я в турку играю.

— Нешто турки так говорят?

— Точь-в-точь так.

— Где же это ты их слышал?

— А в городе, — говорит.

— Как же ты туда попал?

— Я с дедушкой ездил: тятку в Москву подвозил — ну, и видел.

Меня так и подняло всего.

— Гриша, миленький, расскажи!

Гришутка стал рассказывать:

— Все они черные-пречерные, ровно загорели очень, носы у них большие. Ходят они по городу, как будто так и надо...

— А страшные они?

— Нет... не очень.

— Ты их близко видел?

- Около них стоял.
- И они тебя ничего?
- Ничуточки.

После этого мне еще больше захотелось увидеть турок. Я было стал приставать к бабушке и звать ее в город, но она меня и слушать не хотела:

— Вот еще что выдумал! Зачем нам в город тащиться? Лучше не приставай!

IV

И вдруг, на мое счастье, к нам опять приехала тетка Афимья. Я всякий раз радовался ее приезду, потому что она всегда привозила новости. Бросился я к ней навстречу и теперь.

Тетка поздоровалась с нами и проговорила:

— Слышали? Завтра турок из города мимо нас погонят.

— Куда?

— Да в Москву, а там в ихнюю сторону; отдохнули досыта небось.

— Ну что ж, и слава Богу, — сказала бабушка.

— Известно, слава Богу, — согласилась и тетка, — а то все под страхом ходишь.

Я не выдержал, бросился на шею тетки и стал просить:

— Тетя, миленькая, возьми меня с собой! Я турок погляжу.

— Ну что ж, поедем, говорит тетка и сама смеется. — Только смотри... ну-ка, они схватят тебя да с собой и увезут!

— Так я и поддамся!

— А не поддашься, так поедем.

Тетка пообедала у нас, посидела с часок и стала справляться домой. Поехал и я с ней.

В Левашеве я был сам не свой. Пришел вечер, легли спать, я и заснуть не мог, все думал, как я завтра турок увижу. И что мне только не лезло в голову! До третьих петухов я не смыкал глаз. Зато и заснул как убитый.

Утром тетя Афимья стала меня будить, но я и голоса ее не слышу. Едва разобрал, что она мне говорила; и, только я разобрал, что она поднимает меня турок глядеть, я, как кошка, спрыгнул с постели и бросился со всех ног к трактиру, мимо которого шла большая дорога. Когда я подбежал к трактиру, то оказалось — турки

были там уж. Их было довольно много, больше ста человек. Одни из них ехали на подводах, другие шли пешком. У трактира сделали привал, и они — кто стояли, кто лежали, раскуривая табак, и разговаривали между собой. Их окружали провожавшие их наши солдаты. Гришутка говорил правду: турки были не очень страшны, только смуглые и черноволосые, и носы у них были большие. Одеты они были так же, как и наши солдаты, только все у них было похуже. Но старшие были много щеголеватее наших солдат: мундиры на них как врезаны, а головы их украшали красные фески с кисточками. У меня разбежались глаза, и я не знал, кого вперед рассматривать. Я вошел в их круг и глядел то на одного, то на другого. Наконец я остановился около одного солдата, большого такого, плечистого, тоже с большим носом, причем этот нос был еще с горбиной. Он мне показался очень веселым; глядит кругом, посмеивается — должно быть, радуется, что в свою сторону идет. Увидал он меня, схватил под мышки и вы-

соко-высоко поднял на воздух и говорит по-нашему, хотя очень плохо:

— Хошь, к нам пойдем? а? Хошь?

Сердце во мне так и затрепетало — и жутко мне, и весело.

— Пусти! — взвизгнул я из всех сил и заболтал ногами.

Спустил меня турок на землю, отскочил я от него, а он все глядит на меня и все смеется.

— Как зовут? Ванька звать? — спрашивает.

— Нет, врешь, Петюшка! — говорю я. — А тебя как?

— Идрис. Идрис-Хурдшуд меня звать, — говорит турок, а сам все скалит зубы.

Народу собралось вокруг множество. Из села и из соседних деревень пришли; некоторые вышли из трактира: глазают все на турок, дивуются и рассуждают меж собой. Вдруг из трактира выступил не известный никому высокий, сухощавый мужик, порядочно выпивший. Он подошел прямо к туркам, остановился против того, что меня на руки брал, и закричал звонким голосом:

— Ишь, нехристи, душегубы!.. Отъелись нашего хлеба-

то!.. Теперь опять будете крещеных людей мучить?!

И он быстро развернулся и со всего размаху ударил Идриса в ухо. У того и кепка с головы соскочила.

Подскочили к расходившемуся мужику наши солдаты, оттолкнули его прочь; а большой турок поднял кепку, стряхнул с нее пыль и сквозь слезы проговорил:

— Мой не виноват; твоя солдат — твоя начальств велит; моя начальств — моя солдат велит, и война делаем.

— Верно, верно! — загалдели в народе.

Но высокий мужик пропустил слова турка мимо ушей.

Он все ругался и порывался еще ударить какого-нибудь турка, но ему не дали ходу. Большой турок надел кепку и отвернулся, а лицо его уже не смеялось, а стало грустное-грустное.

Вскоре вышли из трактира старшие из сопровождавших солдат и велели готовиться в путь. Собрались турки и наши солдаты и пошли вон из Левашева.

С тех пор я настоящих турок и не видал уже ни разу, зато таких, вроде этого высокого мужика, видел и слышал много раз.

1898 г.

Дворник: Семенов С. Т. «Рассказы». М., «Худ. лит.», 1970.

Турки: Семенов С. Т. «Из жизни Макарки». М., «Детская лит.», 1968.

Владимир Аньянов

Два письма о нашем Альманахе

Первое письмо Владимир написал после получения программы нашего издания и приглашения к сотрудничеству, но еще до прочтения первого номера.

30.12.15

По поводу альманаха мой самый большой страх, что редакторы не поладят между собой. Ведь даже Чертков и Бирюков поругались из-за издания Свободного Слова. Я боюсь не столько неудачи самого дела (это, в общем-то, неважно — у Бога времени и способов распространения истины много), сколько того, что причиной недобрых чувств станет то, что наоборот должно соединять людей — распространение истины. Это было бы ужасным разочарованием и ударом для всех, я думаю. Я не говорю, что конфликты обязательно возникнут, но я очень боюсь, что участвующие в издании будут все-таки недостаточно самоотверженны, чтобы переносить все разногласия в духе любви. Нельзя знать силы своих убеждений, пока не проявишь их на деле.

Но не лучше ли, как говорил Христос, занять последнее место на пиру, а если ты достоин — то тебя позовут сесть на видное место? Не является ли попытка издавать журнал таким желанием занять почетное место, не спросась? Вы, я — мы делаем потихоньку самостоятельно наше маленькое дело и это хорошо*. Судьба нас свела вместе и мы помогаем друг другу (вернее вы помогаете мне), потому что мы идем в одном направлении. И мне кажется, что объ-

* Владимир сейчас составляет сборник из книг, выпущенных толстовским издательством «Посредник» в серии «Жизнь и учение мудрецов».

единять наши усилия надо только тогда, когда мы не можем их не объединить. Про себя я знаю, что те мои работы, которые я себе наметил — я не могу их не делать. Но про дело альманаха я не могу этого сказать. Про других я не знаю. И если вы чувствуете, что Бог вам велит создать редакцию и издавать альманах — это нужно делать. Только нужно заглянуть поглубже в себя: нет ли в душе каких-либо тщеславных, мирских соображений? Ох, страшно браться за такое важное, можно даже сказать святое дело, будучи недостойным его. Да и время и сил нужно немало. И периодичность издания должна соблюдаться. А разве можно работу мысли подогнать под первое число каждого месяца?

Вот некоторые мысли, которые возникли по поводу толстовского альманаха. Не осудите за них, если они вам не понравятся.

На это я, Виталий Адаменко, как смог, ответил Владимиру:

Хорошее Вы письмо написали. Все верно. Одно можно сказать, первый номер уже практически готов. И на некоторые Ваши вопросы там, в предисловии, есть ответы, не хочется пересказывать.

На последнее очень легко ответить: назвал я издание именно "альманах", а не "журнал", то есть, не обещая строгую периодичность, именно из-за того, что не считаю правильным подгонять мысль под первое число, или под определенное количество страниц. Всем, в том числе и себе, советую: есть настроение (творческий порыв) — пишите, нет — не пишите. Конечно, можно всем раздать задания и определить сроки, но получится сильно не то.

(...) Разногласия всегда возникают в группе людей, занятых вместе одним делом, но если мы не будем в состоянии их разрешить, то что же это означает? — что единомышленники Толстого менее способны к совместной деятельности, компромиссам, разрешениям конфликтов, чем обычные средние люди, собирающиеся вместе для извлечения прибыли или для развлечений?

04.01.16

Во-первых, спасибо большое за альманах. Мне он очень понравился. Вот бывают же удивительные совпадения: я как раз искал легенду Аполлова (я немножко занялся зороастризмом).

Во-вторых, да, пожалуйста, печатайте. Я только рад, если вы находите мои мысли интересными и достойными печати. А если честно признаться, то одной из причин, почему я несколько отрицательно отношусь к альманаху или журналу — это соблазн тщеславия. Когда видишь, что знакомые тебе люди печатаются, то думаешь: я тоже могу так и т. д. И в итоге, вроде бы делаешь хорошее дело — пишешь об истине, но... а мотив-то какой? Понятно, что мотив не всецело тщеславие, но ведь и ложка дегтя портит бочку меда. И тем особенно тонок и страшен соблазн тщеславия, что часто не знаешь, насколько тобой руководит желание одобрения тебя людьми, которых ты уважаешь, а насколько твое стремление служить Богу. В сомнении воздержись — гласит мудрое правило. И я понимаю, что нельзя оставлять мир без голоса истины, и надо печатать альманах. Если враги истины пользуются печатью во всю, то нельзя оставлять это важное поле деятельности всецело в их власти. Но только подумаешь об этом, так сразу выскакивает тщеславие и портит то дело, которое, казалось бы, так нужно и хорошо. Да, служение истине — это хождение по лезвию ножа. Нельзя быть достаточно осторожным в этом деле. Простите, что пишу то, что вы и так знаете, просто хотелось высказать то, что на душе.

(...) Ведь вы прекрасно знаете, что писать, по сути, стоит только для одного — уяснить самому себе мысли, а если это будет еще кому-то интересно и полезно, то это неожиданный бонус)))

В любом случае, спасибо за вашу деятельность. Буду с удовольствием ждать каждый номер альманаха. Только не дайте этому делу полностью завладеть вашей душой. Душа важнее всех альманахов вместе взятых.

Отклики читателей на первый номер нашего Альманаха

2 января этого года состоялась презентация первого номера нашего издания. Альманах был выставлен в трех общедоступных местах интернета, а также лично отправлен более чем четырьмя десятками человек. Редакция получила ряд писем от читателей:

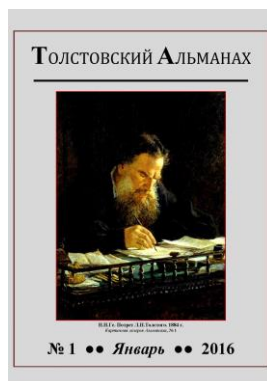
«Спасибо за интересный альманах, присылайте еще», «Спасибо. С праздником. А можно в ФБ повесить?», «Огромное спасибо за сам проект, он напрашивался давно... Замечательная статья крестьянина Новикова. Прямо хоть сейчас на цитаты раздергивай высказывания чиновников... Удачи в этом важном и полезном начинании», «Зашел на твой сайт и был обрадован ТА. Это просто чудесно. Чего не похвастался?... Дай Бог Вам помощи в дальнейших выпусках... Продолжайте в том же духе... Желаю Вам творческого вдохновения и всего наилучшего!», «Это кажется и правда настоящий подарок. Спасибо!», «Спасибо огромное за Толстовский Альманах!», «Спасибо, дело доброе!» и т. п.

Среди них не было ни одного негативного, резко критического. Но не будем впадать в эйфорию — мы отправляли Альманах только тем, кто заведомо сочувствовал нашим взглядам.

Особенно отмечена была статья И. А. Гордеевой по истории толстовского движения, а также «Наш долг перед Толстым» М. П. Новикова, «Ограбление» А. П. Сергеевко, «Современное толстовство» А. Фетисова.

4 января Елена Попова из организации «Солдатские матери СПб» разместила наш Альманах на странице «Имеем право не служить» (<https://vk.com/haveright>) с таким комментарием:

«Дорогие отказчики от военной службы и сочувствующие!

Очень рада представить первый номер Толстовского Альманаха!

В этом издании представлены статьи как самого ЛН, посвященные теме отказа от насилия, так и статьи других людей прошлого и настоящего, которые разделяли взгляды Толстого, в том числе по поводу войны и военной службы... Хотелось бы отметить опубликованную в сборнике статью канд. ист. наук И. Гордеевой «Радикальный пацифизм в XX веке» (стр. 60) и аналитическую статью Виталия Адаменко «Востребованность взглядов Л. Н. Толстого в XXI веке» (стр. 96), которая могла бы очень сильно поддержать Вас в постоянно возникающем на призывных комиссиях (и не только там) спорах с людьми, которые считают, что мы не можем отказаться от применения насилия для защиты близких и т.д. и т.п. — т.е. все, чем аргументируют, оправдывая существование армии.

Воспользуйтесь каникулами! Читайте! Делайте выписки. И это чтение будет самой хорошей подготовкой Вас к весеннему и др. призывам».

С. Э. Путилов (движение «Ойкумена») и Г. А. Гололоб (сайт «Христианский Пацифизм») разрешили перепечатать свои тексты.

Двое читателей поинтересовались: не собираемся ли мы выпускать наше издание в бумажном виде. Пока нам хотелось бы выяснить, сколько человек заинтересовано именно в бумажной версии. В типографии мы узнали, что при тираже 500 экз. цена печати будет 200 р., при тираже 100 экз. — 500 р. В принципе, можно печатать и на принтере по одному экземпляру, но мы пока еще сами не пробовали и не знаем, какова будет цена и качество.

Приглашаем читателей к дальнейшему диалогу и предлагаем присылать свои замечания и предложения — уже по второму выпуску нашего Альманаха.

На первой обложке: Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в рабочем кабинете 27 марта 1909 г. Эта комната дважды служила Толстому кабинетом: с 1856 по 1862 и с 1902 по 1910 г. Здесь он работал над многими произведениями: «Юность», «Хаджи Мурат», «После бала», «Не могу молчать».

На задней обложке: г. Самара, декабрь 2015 года, фото В. А.